Многоуважаемому
Борису Ивановичу
Смирницкому
от автора

Ла́дина
Грамма́тика.

Вѣмъ оубо, воистинну вѣмъ, ıако сїѧ всѧ превъсходѧщаѧ вѣщь, требова́ше кратшихъ глъ, множа́йша ра́зума. Азже съставихъ ели́ко могохъ.

Герасимъ Даниловичъ.

(Предисловіе къ Острожской Библіи).

22

Оик

5-й авт.
Б.Ф.

авт. Лопаткин.

ЛА́ДИНА ГРАММА́ТИКА.

Грамма́тікіа є҆ гн҃е ꙋ҆че́ніе зѣлѡ̀ хытро̀... то̀ бо̀ є҆ нача́ло входа и҆́же къ философіи и҆ се҃ ради не́мощно є҆ ма́лымі рѣчмі и҆ на̀ ма́ло вре́мѧ разꙋмѣти сі́лꙋ е҆ѧ̀, но̀ на́добѣть седѣти оу҆ ꙋ҆чи́телѧ до́бра годъ ра́венъ, ꙋ҆пра́нившемꙋсѧ ѿ всѣ жите́искы плищъ и҆ печа́ле и҆ люби́ти трезве́ніе всегда̀ и҆ въздержа́ти ѿ всѧ́кого поко́ꙗ и҆ ꙋ҆гоже́ніа гръта́нна и҆ сна и҆ винопі́тіа́.

Максимъ Грекъ.

Вѣмъ оу҆бо, вꙑ҆́стинꙋ вѣмъ, ꙗ҆ко сі́ѧ всѧ̑ превъсходѧ́щаѧ ве́щь, требова́ше кра́тшихъ гл҃ъ, множа́иша ра́зума. А҆́зже съставихъ е҆ли́ко могохъ.

Герасимъ Даниловичъ.

(*Предисловіе къ Острожской Библіи*).

КАЗАНЬ.

ВЪ 3-й ГОДЪ ВИЛЬГЕЛЬМОВА НАШЕСТВІЯ.

отк.

КАЗАНЬ.
Лито-Типографія И. Н. Харитонова.
1916.

Автор „Ледяной грамматики" —
Михаил Иванович Лопаткин
Официальное его положение ко времени
напечатания его сочинения —
сверхштатный лаборант при
кафедре технической химии
Императорского Казанского
Университета.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ДОЧКѢ МОЕЙ

ЛАДѢ.

Милая Лада!

Ты еще очень молода, а я уже очень старъ и хилъ. Не только „не я увижу твой.... поздній возрастъ", не только не я увижу твой расцвѣтъ, но мнѣ не пережить и твоего школьнаго возраста, къ которому ты только-только приблизилась. Мнѣ очень хотѣлось бы облегчить тебѣ трудный путь ученія, въ особенности первоначальнаго, который я считаю самымъ труднымъ. На немъ для тебя все будетъ такъ ново, такъ мудрено; ты встрѣтишь на немъ такъ много непонятныхъ, необъясненныхъ и необъясняемыхъ словъ, которыя покажутся тебѣ странными, дикими и неуклюжими. Они достались намъ по наслѣдству отъ сѣдой старины, отъ той поры, когда они не казались такими. Чтобы облегчить тебѣ, хоть отчасти, пониманіе ихъ, я и составилъ для тебя эту книжечку. Смотри на нее какъ на послѣднее усиліе своего отца быть полезнымъ тебѣ на этомъ свѣтѣ. Живи, учись и радуйся. Живи по имени, учись по совѣсти, а радуйся всегда.

Благословляющій тебя отецъ.

Во имѧ Ѻ҆ца̀, и҆ Сн҃а, и҆ Ст҃а́гѡ Дх҃а, ами́нь.

Бж҃е, въ по́мощь мою̀ вонмѝ, и҆ вразꙋмѝ мѧ во ѹ҆че́нїе сїе.

БЕСѢДА 1-я.

О Духѣ.

Евангелистъ Іоаннъ, любимый ученикъ Господа нашего Іисуса Христа, учитъ насъ, что мы пребываемъ въ Богѣ, а Богъ въ насъ; что это мы знаемъ изъ того, что Богъ далъ намъ отъ Духа своего. Онъ учитъ также, что Богъ есть Духъ любящій и милостивый.

Этотъ Духъ разлитъ по всей вселенной. Куда бы мы ни задумали перемѣститься: въ небесныя ли, надзвѣздныя пространства, въ глубины ли морскія, въ нѣдра ли земли, вездѣ этотъ Духъ будетъ окружать насъ, вездѣ мы будемъ чувствовать его присутствіе.

„Подними камень“, сказалъ Спаситель міра: „и тамъ ты найдешь Меня; расколи дерево—и тамъ Я“.

Правда, есть люди, которые не признаютъ того, что въ мірѣ есть Духъ, но это люди—исключительные; они—духовно-слѣпые, подобно тому, какъ бываютъ люди физически-слѣпые. Какъ слѣпорожденному напрасно толковать о роскоши цвѣтовъ и красокъ,

такъ и духовно-слѣпымъ напрасно говорить о существованіи Духа. Имъ давно уже прекрасно отвѣтилъ поэтъ:

„Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ.

Вы зрите листъ и цвѣтъ на древѣ:
Иль ихъ садовникъ приклеилъ?
Иль зрѣетъ плодъ въ родимомъ чревѣ
Игрою внѣшнихъ чуждыхъ силъ?

Они не видятъ и не слышатъ,
Живутъ въ семъ мірѣ какъ въ потьмахъ,
Для нихъ и солнца, знать, не дышатъ,
И жизни нѣтъ въ морскихъ волнахъ.

Лучи къ нимъ въ душу не сходили,
Весна въ груди ихъ не цвѣла,
При нихъ лѣса не говорили,
И ночь въ звѣздахъ нѣма была.

И, языками неземными
Волнуя рѣки и лѣса,
Въ ночи не совѣщалась съ ними
Въ бесѣдѣ дружеской гроза.

Не ихъ вина: пойми, коль можетъ,
Органа жизнь глухонѣмой!
Увы, души въ немъ не встревожитъ
И голосъ матери самой!“

Но, въ противоположность духовно-слѣпымъ, есть и такіе духовно-зоркіе, бого-чуткіе люди, которые воспринимаютъ бытіе Духа такъ живо, такъ остро, какъ будто Онъ—обыкновенный видимый предметъ. Такою зоркостью и чуткостью къ присутствію Духа въ природѣ обладалъ, напримѣръ, нашъ поэтъ Лермонтовъ. Онъ однажды сказалъ про себя такъ:

„Когда волнуется желтѣюшая нива,
И свѣжій листъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ *я вижу* Бога".

Итакъ, мы живемъ въ океанѣ Духа, пронизывающаго насъ насквозь. Духъ этотъ вѣчно дѣятельный, живой и животворящій; Онъ все проникаетъ и потому все видитъ и вѣдаетъ, все постигаетъ, все движетъ. Откуда Онъ вѣетъ и куда улетаетъ, никто не знаетъ; Онъ дышитъ, т. е. намъ становится замѣтнымъ, только тамъ, гдѣ Онъ хочетъ; сразу можетъ повѣять, сразу и стихнуть. Ничѣмъ Онъ не стѣсненъ, ничто Его не тяготитъ, никакихъ преградъ Онъ не знаетъ, и ни въ какія границы заключить Его нельзя—Онъ воленъ и всемогущъ.

Вотъ отъ какого Духа дано намъ!

Не зря, стало быть, написано у псалмопѣвца: „азъ рѣхъ: бози есте и сынове Вышняго вси".

Примѣчаніе. Ничего невозможнаго въ проникновеніи вещества духомъ нѣтъ. Ньютонъ, величайшій изъ математиковъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ, такъ закончилъ свою знаменитую книгу: „Математическія основы естествознанія", замѣтивъ предварительно, что онъ „выдумками не занимается" (hypotheses non fingo):

„Теперь надо бы было сказать кое-что о нѣкоемъ духѣ тончайшемъ, проникающемъ плотныя тѣла и въ нихъ скрытомъ, силою и дѣйствіями котораго частицы тѣлъ взаимно притягиваются на самыя малыя разстоянія и соединяются вплотную, а тѣла наэлектризованныя дѣйствуютъ на разстояніяхъ бо́льшихъ, то отталкивая, то притягивая сосѣднія тѣльца; и свѣтъ испускается, отражается, преломляется, загибается и нагрѣваетъ тѣла; и всякое ощущеніе возбуждается и члены животныхъ согласно волѣ двигаются,—благодаря именно вибраціямъ этого духа, распространяющимся по твердымъ нитямъ нервовъ отъ внѣшнихъ органовъ чувствъ до мозга и отъ

мозга въ мышцы. Но этого вкратцѣ изложить нельзя, и нѣтъ достаточнаго количества опытовъ, которыми законы дѣйствій этого духа должны быть точно опредѣлены и показаны".

Правда, духъ, о которомъ говоритъ Ньютонъ, не совсѣмъ тотъ или, лучше, совсѣмъ не тотъ, о которомъ говоритъ евангелистъ. Но взглядъ Ньютона важенъ въ томъ отношеніи, что онъ не считаетъ нелѣпостью мысль о проникновеніи твердаго вещества „тончайшимъ" духомъ. Стало быть, тѣмъ легче возможно проникновеніе вещества духомъ невещественнымъ.

О Вездѣсущемъ же Духѣ Писанія Ньютонъ въ той же книгѣ сказалъ слѣдующее:

„Признаютъ, что верховный Богъ необходимо существуетъ, и въ силу той же необходимости Онъ существуетъ *всегда* и *вездѣ*. А отсюда, Весь Онъ подобенъ Себѣ, Весь глазъ, Весь ухо, Весь мозгъ, Весь рука, Весь сила чувствованія, разумѣнія и дѣйствованія; но отнюдь не по способу человѣческому, отнюдь не по способу тѣлесному, но по способу совершенно намъ неизвѣстному. Какъ слѣпой не имѣетъ представленія о цвѣтахъ, такъ мы не имѣемъ представленія о способахъ, которыми Премудрый Богъ чувствуетъ и разумѣетъ все. Всякаго тѣла и тѣлесной формы Онъ совершенно лишонъ, и потому Онъ не можетъ быть ни видимъ, ни слышимъ, ни осязаемъ и Онъ не долженъ быть почитаемъ подъ видомъ какой-нибудь тѣлесной вещи. Мы имѣемъ понятіе о его аттрибутахъ (свойствахъ), но что есть сущность какой-нибудь вещи, мы нисколько не знаемъ. Мы видимъ только формы и цвѣта тѣлъ, слышимъ только звуки, осязаемъ только наружныя поверхности, обоняемъ только запахи и отвѣдываемъ вкусъ; сокровеннѣйшихъ же сущностей мы никакимъ чувствомъ, никакимъ разсудкомъ не познаемъ и еще менѣе имѣемъ представленіе о сущности Бога. Мы познаемъ Его только изъ Его свойствъ и аттрибутовъ, и изъ премудраго и отличнѣйшаго устройства вещей и изъ конечныхъ цѣлей. Благоговѣемъ же предъ Нимъ и чтимъ Его за верховное владычество. Ибо Богъ безъ верховнаго владычества, провидѣнія и конечныхъ цѣлей есть не что иное, какъ рокъ и природа".

Согласимся же съ ученіемъ какъ святого евангелиста, такъ и геніальнаго математика и не станемъ легкомысленно отрицать того, что имъ было видно съ духовныхъ высотъ, которыхъ они достигли.

БЕСѢДА 2-я.

О Душѣ.

Изъ первой бесѣды ясно, что мы, люди, причастны Божеству, что въ насъ, кромѣ земного, вещественнаго начала нашего тѣла, есть начало невещественное, божественное. Наше тѣло изнашивается, какъ платье, и подобно ему, истлѣвая, расползается врозь, разлагается на части и бросается прочь; его то и дѣло надо замѣнять новыми частями, вставлять заплаты. Въ теченіе своей жизни мы не одинъ разъ смѣняемъ составъ нашего тѣла; плоть его находится у насъ только во временномъ пользованіи, какъ бы напрокатъ взятой. Божественное начало, данное намъ отъ Духа, всегда при насъ, оно не изнашивается, не можетъ тлѣть и разлагаться, оно не умираетъ подобно тѣлу. Это неумирающее безсмертное начало въ насъ есть то, что обыкновенно называется душой. Дочь неба, она сознаетъ себя чуждой тѣлу и чувствуетъ свое родство только съ Всеобъемлющимъ Духомъ, тяготѣетъ къ Нему и временами желаетъ слиться или войти въ общеніе съ Нимъ. И благо тѣмъ людямъ, въ душѣ которыхъ является такое желаніе. Да будутъ они благословенны!

Всматриваясь въ нашу душу, разбираясь въ ея свойствахъ, мы замѣчаемъ въ ней троичность, именно: мы различаемъ въ ней мысль, чувство и волю. Ни мысль не похожа на чувство, ни чувство не похоже на волю, ни воля на мысль; трудно сказать, что изъ нихъ главнѣе, что первѣе. Ясно только, что вся эта троица составляетъ одно—нашу душу. Какимъ образомъ связана душа съ тѣломъ, это составляетъ величайшую, неразгаданную тайну для людей. При жизни человѣка связь эта настолько тѣсна, что какъ состояніе тѣла можетъ воздѣйствовать на душу, такъ и обратно, состояніе души можетъ повліять на тѣло. Напримѣръ, нѣкоторыя болѣзни головного мозга вызываютъ разстройства въ душевной дѣятельности,—человѣкъ, какъ говорится, сходитъ съ ума; равнымъ образомъ, и душевныя движенія отражаются на нашемъ тѣлѣ: чувство стыда вызываетъ приливъ крови къ лицу, чувство страха—блѣдность лица и т. п. Не смотря на взаимодѣйствіе души и тѣла, они тѣмъ не менѣе рѣзко различаются другъ отъ друга. Вещество, или матерія, входящая въ составъ нашего тѣла, имѣетъ вѣсъ, форму, цвѣтъ, протяженіе, можетъ дѣлиться и т. п.; всякое душевное явленіе,

наоборотъ, лишено всѣхъ этихъ признаковъ. О матеріальныхъ предметахъ—напримѣръ, о двухъ хлѣбахъ—мы можемъ сказать, что они вѣсятъ столько-то, одинъ лежитъ на другомъ, а не рядомъ съ нимъ, что одинъ бѣлаго цвѣта, другой темнаго и т. п. Но смѣшно и нелѣпо было бы говорить, что чувство радости или горя вѣситъ два золотника, имѣетъ трехугольную форму, окрашено въ зеленый цвѣтъ и занимаетъ площадь въ два квадратныхъ вершка, что радость расположена вправо отъ горя, а мысль о другѣ спереди отъ желанія поѣсть. Всякій матеріальный предметъ можно оцѣнить на деньги, но что можетъ предложить человѣкъ за человѣческую душу, которой нѣтъ цѣны, которую, по словамъ Спасителя, нельзя на весь міръ промѣнять? За душу можно предложить только то, что равноцѣнно ей, т. е. душу же.

Которое бы изъ этихъ трехъ проявленій души мы ни взяли—мысль, чувство или волю,—каждое изъ нихъ сохраняетъ основное свойство Духа—свободу, вольность. Мысль—свободна, вольна: заказать, т. е. запретить намъ думать о томъ, о чемъ намъ думается, нельзя; чувство—свободно: нельзя намъ приказать чувствовать печаль о томъ, чему мы рады; воля—свободна: никакъ нельзя запретить намъ волить, т. е. хотѣть, желать того, чего намъ хочется. Поетъ сказалъ:

„Надъ вольной мыслью Богу неугодны
Насиліе и гнетъ:
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!“

Равнымъ образомъ неугодны Богу насиліе и гнетъ надъ чувствами и желаніями.

Итакъ, наши мысли, чувства и желанія свободны и должны всегда оставаться такими; несвободны, связаны лишь наши поступки, наши дѣйствія,—связаны нашимъ же благоразуміемъ и законами и правилами общежитія. Это и справедливо: если бы мы и въ поступкахъ были свободны, т. е. каждый могъ бы дѣлать то, что ему вздумается, тогда никому житья не было бы на свѣтѣ.

Народъ нашъ давно подмѣтилъ это и говоритъ: языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай, т. е. судить и рядить ты обо всемъ можешь, а съ кѣмъ или съ чѣмъ-нибудь поступать и дѣлать, какъ тебѣ хочется, повремени: подожди, что скажутъ тѣ, на которыхъ ты хочешь занести свою руку.

А я скажу, что и языкомъ-то не всегда и не все слѣдуетъ говорить, ибо произнесенное слово есть уже дѣяніе или поступокъ. Иногда надо подумать да подумать надъ словомъ, прежде чѣмъ спустить его съ языка. Бываетъ, что отъ необдуманнаго и неосторожно сказаннаго слова зависитъ не только счастье другого человѣка, но и самая его жизнь. Смолчи лучше въ такихъ случаяхъ, будь милосердна. Милость есть и въ молчаніи.

БЕСѢДА 3-я.

О наукѣ.

Люди, воспринявъ въ себя отъ божественнаго всепознающаго Духа, съ незапамятныхъ временъ стремились пытливой мыслью къ познанію окружающаго ихъ міра. Все привлекало ихъ вниманіе: свѣтила небесныя, земля наша, всякія животныя, растенія, моря, рѣки, горы, камни и т. д., равно и самъ человѣкъ. Обо всемъ они задавались вопросами: что это? какъ это? отчего это? для чего это? И люди какъ могли и умѣли, давали отвѣты на эти вопросы.

За всю долгую жизнь людей на свѣтѣ накопилось такое множество разнообразныхъ свѣдѣній обо всемъ, что уже съ давнихъ поръ нельзя найти человѣка, который могъ бы удержать ихъ въ своей памяти. Волей-неволей людямъ пришлось въ нихъ разобраться, разсортовать ихъ по отдѣламъ, по предметамъ. Одни свѣдѣнія были признаны истинными, вѣрными, другія— ложными, невѣрными.

Истинныя свѣдѣнія, относящіяся къ одному какому-нибудь предмету, точно провѣренныя, глубоко обдуманныя и разсмотрѣнныя со всѣхъ сторонъ, расположенныя въ стройномъ порядкѣ, называютъ наукою о томъ предметѣ или знаніемъ (scientia). Такъ, точныя, провѣренныя, глубоко обдуманныя, приведенныя въ порядокъ свѣдѣнія о небесныхъ свѣтилахъ составляютъ науку астрономію, или, передавая это слово по-русски, звѣздозаконіе. Каждая наука имѣетъ своею цѣлью узнать истину о томъ предметѣ, который она изучаетъ. Никакими другими соображеніями при изученіи предмета она не задается, напримѣръ, соображеніями о выгодѣ или пользѣ, объ убыткѣ или вредѣ, о томъ, пріятно

это или непріятно кому-нибудь и т. п. Для науки важна только истина. Зато наука и награждаетъ искренно и беззавѣтно преданныхъ ей слугъ-тружениковъ: она даетъ имъ предвидѣніе, прозорливость, дѣлаетъ ихъ предсказателями будущаго и отгадчиками прошлаго. Такъ, астрономы могутъ сказать, въ какомъ мѣстѣ неба будетъ такая-то звѣзда черезъ тысячу лѣтъ, и гдѣ она была тысячу лѣтъ тому назадъ; они предсказываютъ задолго впередъ, минута въ минуту, солнечныя затменія и проч.

А предвидѣніе позволяетъ людямъ заранѣе предпринимать извѣстныя мѣры для ихъ благополучія. Теперь, напримѣръ, учоные заранѣе говорятъ, что на такомъ-то морѣ въ такой-то день пронесется буря, и благоразумные мореходы слушаются ихъ предсказаній: они отсиживаются въ гаваняхъ и не пускаются въ плаваніе по тому морю въ указанное учоными время изъ опасенія, какъ бы буря не потопила ихъ судовъ.

Не каждая наука можетъ соперничать съ астрономіей въ точности предсказаній, потому что астрономія самая старая изъ всѣхъ наукъ: она больше жила, больше видѣла на своемъ вѣку, до бо́льшого поэтому и дозналась. А есть науки, которымъ и полсотни лѣтъ нѣтъ отъ роду,—гдѣ же имъ равняться съ астрономіей въ предсказаніяхъ. Тѣмъ не менѣе и такія молодыя науки даютъ возможность провидѣть до нѣкоторой степени будущее. Вообще, *прозорливость* впередъ или вспять нужно считать отличительной чертой истинной науки, или истиннаго знанія.

Не глумись же надъ наукой, какъ нѣкоторые позволяютъ себѣ, почитай ее: она, какъ порожденіе духа, тоже божественнаго происхожденія. Какъ и поэзія, она отъ человѣка требуетъ особаго дара прозрѣнія, особой творческой способности, особаго вдохновенія. А людей съ истиннымъ вдохновеніемъ надо слушаться и любить, какъ совѣтуетъ поэтъ:

„Люби питомца вдохновенья
И гордый умъ предъ нимъ склоняй;
Но“—

предостерегаетъ онъ дальше—

„въ чистой жаждѣ наслажденья
Не каждой арфѣ слухъ ввѣряй.
Не много истинныхъ пророковъ
Съ печатью тайны на челѣ,
Съ дарами выспреннихъ уроковъ,
Съ глаголомъ неба на землѣ“.

Дѣйствительно, не всѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются людямъ подъ видомъ научнаго знанія, должны почитаться за научныя. Еще древніе греки, народъ даровитѣйшій изъ всѣхъ когдалибо жившихъ на землѣ, замѣтили это и удачно подраздѣлили ненаучныя свѣдѣнія на какотехнію, т. е. злостнознаніе, псевдотехнію, или лжезнаніе, и матеотехнію, или пустознаніе.

Какотехніей или *злостнознаніемъ* греки называли тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаются людямъ кѣмъ-нибудь съ злостнымъ умысломъ, съ цѣлью затемнить или даже извратить истину, какъ это дѣлаютъ, напримѣръ, недобросовѣстные свидѣтели и эксперты на судѣ или нѣкоторые ораторы политическихъ партій.

Псевдотехніей или *лжезнаніемъ* греки называли тѣ свѣдѣнія, которыя, имѣя подобіе истины, подкупаютъ умъ и чувство человѣка вѣрить имъ. Сюда относятся магія, френологія, астрологія и т. п.

Матеотехнія или *пустознаніе*—это тѣ пріобрѣтаемыя съ большимъ трудомъ знанія, безъ которыхъ люди легко обходятся, такъ какъ они не вызываются насущными потребностями человѣка, таковы: хожденіе по канату, бросаніе и ловля многихъ мячей заразъ и вообще разное фокусничество.

Другой отличительный признакъ науки—ея *безконечность*. Это вотъ что значитъ: какую бы область человѣческаго знанія мы ни стали изучать—астрономію или механику, физику или химію, ботанику или зоологію, исторію или право, психологію или языкознаніе и т. п.—все равно, мы, по мѣрѣ обогащенія нашихъ познаній, болѣе или менѣе скоро начинаемъ видѣть, что чѣмъ больше мы узнаемъ, чѣмъ глубже проникаемъ въ избранную нами научную область, тѣмъ больше возникаетъ новыхъ неразрѣшонныхъ вопросовъ, т. е. тѣмъ шире раздвигается область неузнаннаго, такъ что закончить науку, сказать, что все въ ней нами дознано, что больше въ ней изучать нечего, нѣтъ никакой возможности. Область узнаннаго—это капля въ морѣ по сравненію съ областью неизвѣстнаго, неузнаннаго. Вотъ почему народная мудрость и говоритъ: вѣкъ живи—вѣкъ учись.

Преданные наукѣ люди такъ и поступаютъ, исполняя наказъ поэта:

„На поприщѣ ума нельзя намъ отступать“.

Отступаетъ же тотъ, кто не идетъ впередъ, кто остановился. Поэтому заправскіе учоные всю свою жизнь, до гробовой доски, насколько силъ хватаетъ, терпя подчасъ большія огор-

чeнія и нужду, изслѣдуютъ и наблюдаютъ явленія въ отмежованныхъ ими себѣ научныхъ областяхъ, не пренебрегая и не гнушаясь никакими фактами, доступными ихъ взору, ставятъ новыя задачи, пробуютъ посильно разрѣшить ихъ, стараются установить законы изучаемыхъ явленій и т. д., словомъ, неустанно ищутъ истину. Они настолько проникаются этимъ исканіемъ, что само оно становится цѣлью ихъ жизни. Какъ на примѣръ такихъ подвижниковъ науки, могу указать на нашихъ геніальныхъ соотечественниковъ Михайла Васильевича Ломоносова и Николая Ивановича Лобачевскаго, житія которыхъ очень поучительны для русскаго человѣка.

УРОКЪ 1-й.

О грамматикѣ.

Человѣкъ, изслѣдуя всѣ окружающіе его предметы и явленія, доступныя его чувствамъ, наблюдая, наконецъ, свою собственную душу, не могъ, конечно, не обратить вниманія и на даръ рѣчи, которымъ онъ надѣленъ. Въ рѣчи, въ словѣ именно и обнаруживается лучше всего человѣческая душа. Человѣкъ замѣтилъ, что слова, которыми онъ выражаетъ свои мысли, свою душу, не всегда вѣрно понимаются тѣми, кому они говорятся. Люди стали вдумываться въ слова, изучать ихъ и съ внѣшней стороны и съ внутренней, и такимъ путемъ, мало по малу, создалась цѣлая наука только о словахъ. Назвали ее *грамматикою*.

Грамматика есть осмысленное, толковое знаніе (scientia) словъ, или иначе языка. Она содѣйствуетъ точному и истинному разумѣнію всего написаннаго и сказаннаго, и значительно помогаетъ намъ точно и толково излагать наши и чужія мысли устно и письменно.

Это разумѣніе пріобрѣтается или ученіемъ, обыкновенно въ юные годы, или иногда влагается въ душу человѣка отъ природы, какъ особый даръ Божій. О такихъ людяхъ, одаренныхъ какимъ-либо талантомъ отъ природы, самъ Богъ сказалъ: „Прежде, нежели Я образовалъ тебя во чревѣ, Я позналъ тебя, и прежде, нежели ты вышелъ изъ утробы, Я освятилъ тебя“. Ихъ же разумѣлъ и нашъ поэтъ Пушкинъ, влагая въ уста одного изъ своихъ героевъ сѣтованіе:

„О небо!
Гдѣ жъ правота, когда священный даръ,
Когда безсмертный геній—не въ награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудовъ, усердія, моленій посланъ,
А озаряетъ голову безумца,
Гуляки празднаго“...

Но такіе геніи, такіе избранники Божіи—величайшая рѣдкость. Подавляющее большинство изъ насъ—люди съ средними дарованіями, поэтому намъ приходится учиться разнымъ наукамъ, въ томъ числѣ и грамматикѣ.

Мы иногда въ письмахъ и разговорѣ, особенно въ послѣднемъ, не даемъ ни мѣры, ни вѣсу словамъ, спускаемымъ съ языка, хотя и утверждаемъ, что слово—не воробей: выпустишь—не поймаешь; равнымъ образомъ, и пишемъ не всегда съ осторожностью, забывая, что написанное слово и превосходнѣе и сильнѣе топора: что написано перомъ—не вырубишь топоромъ. Часто отъ оплошно сказаннаго, а въ особенности отъ оплошно написаннаго слова бываютъ большія непріятности и зло между людьми. Этого зла люди могли бы избѣжать, если бы они говорили и писали съ опаской. Грамматика помогаетъ людямъ вырабатывать эту опаску. Ужъ изъ-за одного этого стоитъ учиться грамматикѣ, стоитъ узнать свой языкъ настолько, чтобы намъ изъ-за неточнаго, невѣрнаго употребленія словъ не приходилось попадать въ просакъ.

Итакъ, предметъ грамматики—слова, а цѣль ея—неоплошное ихъ употребленіе и истинное пониманіе написаннаго и сказаннаго.

Самое слово грамматика (γραμματική) греческаго происхожденія и употребленія. Задолго до Рождества Христова греки пользовались этимъ словомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось говорить о толковомъ знаніи языка. Образовано это длинное слово отъ болѣе короткаго, греческаго же, слова грамма, что значитъ буква. При переводѣ на русскій языкъ слово грамматика можно передать словомъ „буквенная“, причомъ, какъ это было и у грековъ, подразумѣвается еще слово: наука (τέχνη).

Названіе это дано потому, что изученіе грамматики въ древности начиналось, какъ и теперь, съ буквъ,—по нимъ и назвали науку. Буквенная наука, буквенное знаніе—вотъ что собственно значитъ слово грамматика.

Примѣчаніе для Ладина репетитора. Опредѣляя грамматику, я уклонился отъ обычныхъ ея опредѣленій, подчеркивающихъ *правильность* письма и разговора. Слова: правильно, правильность предполагаютъ нѣчто застывшее, нѣчто строго ограниченное извѣстною рамкою, правиломъ, уклоняться отъ чего нельзя. Между тѣмъ языкъ есть нѣчто живое, постоянно мѣняющееся, онъ есть выраженіе народной души, у которой бываютъ иногда свои капризы. Послѣдніе, разумѣется, никакихъ правилъ не признаютъ, и сами ни въ какія рамки не укладываются.

Кромѣ того, выдвигая въ своемъ опредѣленіи на первый планъ пониманіе и вразумительность, я желалъ согласоваться съ грамматистами классической древности, взгляды которыхъ на грамматику въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ до-днесь достойны нашего вниманія и заслуживаютъ уваженія. Наконецъ, въ нашъ вѣкъ, когда представители точныхъ естественныхъ наукъ въ своей лабораторной практикѣ признаютъ *правильныя* ошибки, своевременно, мнѣ кажется, понятіе правильности замѣнить понятіемъ истинности и толковости.

УРОКЪ 2-й.

Содержаніе грамматики и раздѣленіе ея на части.

Грамматика, какъ сказано, содѣйствуетъ истинному пониманію и толковому употребленію письменной и устной рѣчи.

Съ этой цѣлью она разсматриваетъ сперва звуки нашего голоса, каждый въ отдѣльности:

> гдѣ какой звукъ образуется, какъ пишется, когда какой звукъ сподручнѣе, легчѣ произнести рядомъ съ другимъ, какой нельзя; когда какой буквой надо изобразить звукъ, произносимый вмѣстѣ съ другими и т. п.;

затѣмъ грамматика изучаетъ отдѣльныя слова:

> разсматриваетъ изъ какихъ частей они составлены, могутъ ли они измѣнять свой видъ или нѣтъ, если измѣняютъ, то какъ измѣняютъ;

наконецъ, она научаетъ понятно и складно соединять слова другъ съ другомъ для выраженія нашихъ и чужихъ мыслей, а также складно соединять и самыя мысли одну съ другою, чтобы получалась болѣе или менѣе длинная, толковая и складная рѣчь.

Сообразно съ своимъ содержаніемъ грамматика дѣлится на три части:

1) ученіе о звукахъ или фонетику, [1])

2) ученіе о словахъ или морфологію, [2])

3) ученіе о соединеніи словъ или синтаксисъ. [3])

Нѣкоторые составители грамматикъ присоединяютъ къ этимъ частямъ еще четвертую: ученіе о правописаніи. Для этого у нихъ есть нѣкоторое основаніе: мы пишемъ слова не такъ, какъ ихъ выговариваемъ.

Я однако полагаю, что если ты вникнешь въ природу и духъ языка и вдумчиво изучишь названныя три части, то въ четвертой не встрѣтится надобности. Впрочемъ, свой взглядъ на правописаніе я изложу нѣсколько подробнѣе подъ конецъ книжки въ особой бесѣдѣ.

БЕСѢДА 4-я.

О мышцахъ.

Когда начинаютъ учиться играть на какомъ-нибудь музыкальномъ инструментѣ, то учащемуся необходимо ознакомиться, хотя бы въ самыхъ что ни на есть общихъ чертахъ, съ тѣмъ инструментомъ, на которомъ онъ хочетъ играть. Звуки нашего голоса можно разсматривать тоже какъ игру на музыкальномъ инструментѣ, въ которомъ самую существенную роль играютъ мышцы. Именно, вслѣдствіе работы мышцъ происходитъ нашъ голосъ. Не будь этой работы, мы и голоса человѣческаго не слыхали бы. Поэтому, прежде чѣмъ изучать звуки голоса, небезполезно вкратцѣ познакомиться съ тѣмъ, что такое мышцы.

Мышцами, или мускулами, называютъ тѣ красныя, мягковатыя волокна, изъ которыхъ состоитъ мясо. Иногда эти волокна собраны въ длинные, толстые пучки, иногда въ тоненькіе и короткіе, чуть замѣтные глазомъ. Большинство мышцъ со-

---

1) Фонетика отъ греческаго слова φωνή (фони), которое по-русски значитъ звукъ.
2) Отъ греческаго μορφή (морфи)—видъ, форма и λόγος (логосъ)—слово, ученіе.
3) Греческое слово σύνταξις (синтаксисъ) значитъ установка въ рядъ.

стоитъ изъ веретенообразныхъ волоконцевъ, уложенныхъ пучочками въ рядъ другъ съ другомъ въ одномъ направленiи. Это, такъ сказать, простыя мышцы. Но есть мышцы, у которыхъ волокна идутъ въ разныхъ направленiяхъ и до такой степени перепутанно, что трудно въ нихъ разобраться. Таковы, напримѣръ, мышцы нашего языка. Это мышцы сложныя, въ которыхъ иногда каждый пучочекъ волоконъ, представляетъ, въ сущности, отдѣльную мышцу.

Самое выдающееся свойство мышцъ состоитъ въ ихъ способности дѣлаться короче, чѣмъ онѣ есть на самомъ дѣлѣ. Благодаря этой способности онѣ тянутъ за собою все, къ чему онѣ прикрѣплены. Если это будетъ кость, онѣ потянутъ за собою кость, какъ это мы наблюдаемъ у себя при сгибанiи локтя, если это будетъ какая мякоть, онѣ ее потянутъ за собой.

Въ языкѣ можно различить девять слоевъ мышечныхъ волоконъ; одни изъ нихъ идутъ вдоль, другiе поперекъ языка, третьи въ отвѣсномъ или же косомъ направленiи. Нѣкоторые изъ нихъ такъ переплетены между собою, что въ отношенiи запутанности мало чѣмъ уступятъ знаменитому Гордiеву узлу. Приблизительное представленiе о ихъ расположенiи мы можемъ получить, если вообразимъ корзину, употребляемую для пивныхъ бутылокъ, проплетенною еще внутри прутьями спереди назадъ въ два слоя и прутьями, идущими отъ нижняго передняго ребра корзины вѣерообразно кверху, а съ наружныхъ боковъ—прутьями, идущими въ косомъ направленiи снизу вверхъ и сзади напередъ, чтобы составить съ верхними продольными пучками крышку корзины [1]). Однѣ изъ мышцъ языка сокращаются всѣми своими пучками сразу, другiя же могутъ сокращаться только по частямъ, пачками пучковъ, крупными или мелкими.

Когда мышца укорачивается или, какъ обыкновенно говорятъ, сокращается, она въ это время становится поплотнѣе, потолще, какъ это можно наблюдать на мышцѣ, сгибающей локотъ; при этомъ она становится горбатенькой, какъ спинка у мыши, отчего и названiе получилось: мышца, т. е. мышка или мышонокъ (взятое изъ латинскаго языка слово мускулъ означаетъ по-русски то же самое: мышонокъ). При своемъ укорачиванiи мышца производитъ работу. Мѣрою этой работы служитъ число, которое получается отъ перемноженiя двухъ другихъ чиселъ: одно изъ нихъ показываетъ вѣсъ предмета, передвигаемаго мышцей

---

[1]) Авторъ сожалѣетъ, что обстоятельства военнаго времени помѣшали ему приложить рисунки, изображающiе расположенiе мышцъ въ языкѣ и устройство гортани.

(считая при этомъ и вѣсъ самой мышцы), другое—величину разстоянія, на которое передвигается предметъ. Напримѣръ, если мышца подвинула 2 пуда на 3 фута, то говорятъ, что она выполнила работу въ 6 пудофутовъ (пудофутомъ называется единица мѣры для работы, означающая передвиженіе одного пуда на одинъ футъ). Отсюда слѣдуетъ, что люди большую ошибку дѣлаютъ, и вредную, когда желаютъ измѣрять мышечную работу часами и установить продолжительность рабочаго дня въ восемь или десять часовъ. Часъ—мѣра времени, но не мѣра мышечной работы. Лѣнтяй и въ десять часовъ не сдѣлаетъ того, что усердный работникъ сдѣлаетъ въ пять часовъ. Мѣра мышечной работы—пудофуты, а не часы.

Когда мы говоримъ, въ это время работаютъ (не считая мышцъ, управляющихъ дыханіемъ) мышцы, находящіяся въ гортани, мягкомъ небѣ, губахъ, языкѣ. Сократятся однѣ мышцы или пучки ихъ—мы слышимъ одинъ звукъ, сократятся другія—слышимъ другой звукъ. Стоитъ съежиться одному лишнему мышечному пучочку языка, и звукъ будетъ не тотъ, что слышался прежде. Если мы слышимъ разные звуки одинъ за другимъ, то это указываетъ на то, что сокращаются одна за другою разныя мышцы или разные пучки ихъ.

Такимъ образомъ, при говореніи мышцы или отдѣльные ихъ пучки работаютъ по очереди. Отсюда слѣдуетъ, что и звуки нашего голоса могутъ только чередоваться между собой, т. е. *замѣняться* одинъ другимъ. Напримѣръ, въ словахъ нога и ноженька звукъ *ж* во второмъ словѣ появился на мѣстѣ *г* не потому, что *г*, измѣняясь, незамѣтно перешло или превратилось въ *ж*, а потому, что вмѣсто работы однихъ мышечныхъ волоконъ, при сокращеніи которыхъ слышится звукъ *г*, совершили работу совсѣмъ другія волокна, именно тѣ, при сокращеніи которыхъ слышится звукъ *ж*. Это полезно замѣтить: оно пригодится для лучшаго пониманія нѣкоторыхъ явленій въ языкѣ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше.

Примѣчаніе для Лады. Изъ другихъ свойствъ мышцъ я долженъ указать еще на неутомляемость или выносливость, хотя послѣдняя и не имѣетъ прямого отношенія къ звукамъ нашей рѣчи. Но я считалъ бы себя виноватымъ предъ тобою, если бы не упомянулъ объ этомъ свойствѣ. Подъ неутомляемостью разумѣютъ отсутствіе усталости при работѣ. Мышцы животныхъ созданы такъ, что онѣ могутъ ритмически (т. е съ болѣе или менѣе незначительными передышками) работать безостановочно всю жизнь, примѣромъ чего служитъ наше сердце,

грудобрюшная перегородка и другія внутреннія мышцы. Такая маленькая птичка, какъ ласточка, цѣлыми днями рѣетъ въ воздухѣ, добывая пищу себѣ и дѣтямъ, и можетъ перелетать широкія моря, нигдѣ не останавливаясь среди нихъ на отдыхъ. И если наши наружныя мышцы устаютъ при работѣ, то причина этого коренится не въ природѣ мышцъ, а въ ихъ воспитаніи и обстановкѣ труда. Чѣмъ чаще работаетъ мышца, и чѣмъ лучше гигіеническія условія труда, тѣмъ меньше въ ней чувствуется усталость и, наоборотъ, чѣмъ рѣже она работаетъ, чѣмъ хуже обстановка труда, тѣмъ скорѣе она устаетъ. Поэтому намъ нужно всячески стараться не сидѣть сложа руки, всячески избѣгать сибаритства, чтобы охранить отъ порчи драгоцѣнное свойство нашихъ мышцъ: неутомляемость,—эту, по выраженію одного физіолога, „прелесть и гордость ихъ, какъ механическаго аппарата“. Неутомляемость мышцъ—это огромное богатство, дарованное намъ Господомъ Богомъ съ наказомъ „въ потѣ лица снѣдать хлѣбъ свой“, т. е. налегать на физическій трудъ, предохраняющій насъ отъ многихъ заболѣваній души и тѣла. Въ началѣ такъ человѣкъ и ѣлъ свой хлѣбъ, но потомъ, къ сожалѣнію, онъ сталъ все меньше и меньше обращать вниманіе и на мышечное богатство и на Божій наказъ. И теперь далеко не рѣдкость встрѣтить людей, которымъ лежанье на боку, т. е. нетрудовая жизнь, рисуется какъ высшее блаженство. Подобное блаженство ведетъ къ ухудшенію человѣческой породы; люди отъ него дѣлаются нестойкими, слабыми. Не уподобляйся такимъ счастливцамъ, когда выростешь и закончишь свое школьное ученіе. Помни всегда слова одного доблестнаго адмирала нашего флота: „праздникъ въ работѣ, а отдыхъ въ трудѣ“.

БЕСѢДА 5-я.

О терминахъ.

Случается, что люди, употребляя въ разговорѣ или письмѣ одни и тѣ же слова, придаютъ имъ разный смыслъ; одинъ понимаетъ подъ словомъ одно, другой—другое; спорятъ, горячатся... и ни до чего не могутъ толкомъ договориться. Этого не было бы, если бы они заранѣе согласились понимать извѣстное слово въ одномъ и томъ же смыслѣ.

Чтобы не происходило подобныхъ недоразумѣній при чтеніи книгъ, излагающихъ какой-нибудь вопросъ, авторы ихъ

иногда заранѣе говорятъ, что они разумѣютъ подъ тѣмъ или инымъ словомъ, какъ бы обводятъ эти слова кругомъ, за черту котораго нельзя уже выходить безнаказанно для смысла данныхъ словъ, заключаютъ этотъ смыслъ въ извѣстныя границы, въ *предѣлы, о-предѣляютъ* его, какъ обыкновенно говорятъ.

Такія слова, которымъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, всегда придается одно единственное значеніе, ясное и точное, которыя нельзя понимать и истолковывать въ другомъ смыслѣ, называютъ *терминами* (отъ латинскаго termino—ограничиваю, опредѣляю).

Послѣдую и я благому примѣру: опредѣлю, т. е. скажу, въ какомъ смыслѣ я понимаю два слова, которыя я часто буду употреблять въ этой книжкѣ, именно: измѣненіе и замѣна.

Подъ *измѣненіемъ* какой-нибудь вещи я понимаю такое ея превращеніе, при которомъ видъ ея становится отличнымъ отъ прежняго, настолько иногда отличнымъ, что сходство съ прежнимъ пропадаетъ, но тѣмъ не менѣе отъ нея все-таки кое-что остается, что не исчезаетъ окончательно, что заставляетъ насъ признавать, что прежняя вещь и кажущаяся намъ новою есть одна и та же вещь. Напримѣръ, если взять человѣка въ младенческомъ возрастѣ и того же самаго человѣка въ старческомъ,—старикъ, конечно, не будетъ похожъ на младенца, тѣмъ не менѣе въ немъ что-то сохранилось, что не позволяетъ считать его другимъ существомъ. Стало быть, тутъ имѣется *измѣненіе* предмета. Вода, замерзая, становится льдомъ, и ледъ, тая, становится водой,—тоже измѣненіе одного и того же вещества. Сравнивая въ только что приведенномъ примѣрѣ слова: вода и водой, видимъ, что слово *водой* есть измѣненіе слова *вода*, такъ какъ въ немъ первые три звука остались тѣ же самые, что и въ словѣ вода.

Замѣной какой-нибудь вещи я называю такое явленіе, когда вмѣсто данной вещи на ея мѣсто становится другая, вполнѣ обособленная отъ первой, индивидуально отличная отъ нея, будетъ ли эта другая походить на первую или нѣтъ—все равно. При замѣнѣ одной вещи другою отъ первой ничего не остается, предъ нами все новое. Напримѣръ, если на мѣсто серебрянаго рубля я кладу рублевую бумажку, я дѣлаю замѣну монеты; если древне-славянское слово влкъ (волкъ) я скажу по-сербски вукъ, то сдѣлаю замѣну (но не измѣненіе) звука л звукомъ *у*; выговаривая слова: богъ, боже, я во второмъ словѣ *замѣняю* звукъ *г* звукомъ *ж*, самое же слово богъ *измѣняю*.

Итакъ, понимай въ этой книжкѣ слова измѣненіе и замѣна въ томъ смыслѣ, какой я имъ придаю, не смѣшивай ихъ и не замѣняй ихъ другъ другомъ. Это своего рода термины у меня.

Ученіе о звукахъ или фонетика.

УРОКЪ 3-й.

Звуки и буквы.

Отъ голоса другихъ животныхъ голосъ человѣческій отличается тѣмъ, что мы различаемъ въ немъ много раздѣльныхъ звуковъ. Такъ, напримѣръ, въ словѣ роза мы отчетливо различаемъ четыре звука: р, о, з, а. Каждый изъ нихъ мы можемъ отдѣльно выхватить изъ слова и явственно, отчетливо произнести; каждый изъ нихъ составляетъ рѣзко обособленную часть или *членъ* слова роза. Подобную выемку отдѣльнаго звука мы можемъ сдѣлать въ любомъ словѣ нашей рѣчи, можемъ любое слово расчленить ухомъ на отдѣльные звуки, отчего нашу рѣчь и назвали *членораздѣльною.*

Еще въ глубокой древности, нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, человѣкъ додумался до того, что сталъ изображать почти каждый звукъ своего голоса особыми знаками, благодаря чему получилась возможность изображать знаками не только отдѣльныя слова, но и полныя, законченныя мысли. Получилась возможность передавать мысли одного лица другому, отдѣленному отъ перваго большими разстояніями пространства, большими промежутками времени.

Это было одно изъ величайшихъ изобрѣтеній человѣческаго ума. Имени того человѣка или тѣхъ людей, которые первые додумались до изображенія звуковъ нашего голоса, мы не знаемъ и никогда не узнаемъ, но это нисколько не снимаетъ съ насъ обязанности быть благодарными имъ: быть благодарнымъ—всегда время. Безъ этого изобрѣтенія знаковъ для звуковъ голоса люди до сихъ поръ влачили бы жалкое существованіе, жили бы, какъ дикари.

Изобрѣтеніе буквъ до такой степени поразило умы современниковъ, что они въ большинствѣ своемъ приписали его богамъ и вѣрили, что буквы обладаютъ божественной силой и могутъ чудодѣйственно влiять на человѣка и природу. Вслѣдствіе этой вѣры и возникъ въ старину обычай употреблять буквы въ заклятіяхъ на разные случаи въ жизни.

Знаки звуковъ называются *буквами*. Надо пріучить себя не смѣшивать другъ съ другомъ названій: звукъ и буква, т. е. не употреблять слово звукъ вмѣсто слова буква и наоборотъ. Это—термины. Звукъ мы слышимъ, букву мы видимъ.

Въ русской азбукѣ не для каждаго произносимаго нами звука имѣется отдѣльная буква. Напримѣръ, мы иногда при разговорѣ прищолкиваемъ языкомъ, но прищолкивающій звукъ не изображается буквою; точно также не изображается буквою звукъ, которымъ мы останавливаемъ лошадь, и нѣкоторые другіе. Съ другой стороны, мы имѣемъ по два и по три изображенія для одного и того же звука.

Въ настоящее время мы употребляемъ слѣдующія буквы:

а, б, в, г, д, е, ж, з, и, і, й, к, л, м, н, о, п, р, с, т, у, ф, х, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ь, ѣ, э, ю, я, ѳ, ѵ.

Изъ нихъ буквы е, ѣ изображаютъ одинъ и тотъ же звукъ; буквы и, і, ѵ также изображаютъ одинъ и тотъ же звукъ; буквы ф, ѳ—тоже одинъ.

Двѣ буквы: ъ, ь нынѣ, сами по себѣ, никакого звука не означаютъ, но употребляются только для указанія, какъ надо произнести букву, стоящую передъ ними.

Зато у насъ нѣтъ особой буквы для звука, который слышится въ словѣ дождикъ между звуками *о* и *и* [1]).

Помощью этихъ 36 буквъ мы изображаемъ всѣ звуки нашей рѣчи.

Буквы, которыя мы употребляемъ нынѣ, почти всѣ достались намъ отъ просвѣтителя славянъ святого Кирилла-философа, жившаго тысячу лѣтъ тому назадъ. Родомъ грекъ, онъ составилъ для нихъ славянскую азбуку, ибо въ совершенствѣ зналъ языкъ того славянскаго племени, среди котораго онъ съ дѣтства жилъ и росъ. Греки отличались тонкостью слуха, и св. Кириллъ, какъ

---

[1]) Такъ какъ въ этомъ звукѣ есть что-то напоминающее звуки з и щ, то его можно было бы изобразить буквою ѕщ, совмѣщающею въ себѣ начертанія буквъ з и щ: доѕщикъ, дроѕщи, пріѣѕщій.

грекъ, замѣчалъ разницу въ звукахъ, изображенныхъ имъ чрезъ е, ѣ, и, і, ѵ, ф, ѳ. Это тогда были все разные звуки, но съ теченіемъ времени разница между ними исчезла, и теперь только по привычкѣ къ старому письму, по установившемуся прочно обыкновенію мы пишемъ въ однихъ словахъ е, въ другихъ ѣ, въ однихъ—и, въ другихъ—і, въ однихъ—ѳ, въ другихъ—ф, хотя въ произношеніи этихъ буквъ разницы уже нѣтъ никакой.

БЕСѢДА 6-я.

О языкѣ животныхъ.

Иногда приходится слышать вопросы: говорятъ ли животныя? есть ли у нихъ разговорный языкъ, подобный людскому? сообщаютъ ли они другъ другу свои мысли, чувства и желанія? Обыкновенно на эти вопросы или не даютъ отвѣта или отвѣчаютъ неопредѣленно и уклончиво. Между тѣмъ на нихъ слѣдуетъ отвѣтить опредѣленно и утвердительно: да, говорятъ.

Отвѣчать такъ слѣдуетъ вотъ почему: во-первыхъ, мысль можно выражать не только словами; ее можно выражать и мимикой, и жестами, и вообще тѣлодвиженіями, что мы часто и дѣлаемъ. Вмѣсто словъ: „да, согласенъ“, мы киваемъ головой; вмѣсто словъ: „нѣтъ, не хочу“ или „нѣтъ, не согласенъ“, мы отрицательно качаемъ головой; вмѣсто словъ: „поди сюда“, мы манимъ пальцемъ или рукой и т. п. Эти жесты понятны всѣмъ, никто не истолкуетъ ихъ невѣрнымъ образомъ. Но все это: и голосъ, и мимика, и жесты, и тѣлодвиженія есть не что̀ иное, какъ послѣдствіе сокращенія мышцъ. Стало быть, самымъ необходимымъ условіемъ для выраженія мыслей нужно признать не слово, но вообще мышечное движеніе. Безъ послѣдняго, дѣйствительно, ни одно животное не можетъ сообщить своихъ думъ и желаній другому. Но какое же животное лишено мышцъ или замѣняющихъ ихъ назначеніе тканей? Всѣ обладаютъ способностью тѣлодвиженій, а стало быть, и всѣ должны обладать способностью сообщенія своихъ чувствъ и желаній.

Скажу больше, я зналъ учонаго изслѣдователя природы, который не безъ основанія ставилъ вопросъ о томъ, можетъ ли

человѣкъ вообще думать безъ участія работы наружныхъ мышцъ. Рѣшающихъ опытовъ въ этомъ направленіи наука пока еще не знаетъ, хотя они возможны.

Во-вторыхъ, очень многія животныя обладаютъ голосомъ, въ которомъ и мы различаемъ разные звуки и интонаціи и можемъ болѣе или менѣе вѣрно истолковывать ихъ. Животныя лишены *нашего* дара слова, но у нихъ имѣется *свой* языкъ, хотя, конечно, не такой богатый, какъ у насъ.

Въ-третьихъ, говоръ многихъ дикарей, по отзывамъ путешественниковъ, походитъ больше на звуки другихъ животныхъ, нежели на разговоръ европейскихъ народовъ.

Въ-четвертыхъ, не надо забывать, что человѣкъ не такое ужъ совершенное созданіе, которое можетъ замѣчать и воспринимать рѣшительно все, что дѣлается вокругъ него. Онъ по своему тѣлесному устройству очень многихъ явленій просто не можетъ замѣтить, хотя эти явленія несомнѣнно существуютъ, и умомъ онъ вынуждается признавать ихъ. Напримѣръ, мы замѣчаемъ, что дрожащая струна производитъ звукъ, и чѣмъ больше дрожаній она дѣлаетъ, тѣмъ звукъ дѣлается выше. Но звуки дрожащей струны мы слышимъ только тогда, когда она дѣлаетъ не меньше шестнадцати и не болѣе тридцати двухъ тысячъ колебаній въ секунду. Если струна колеблется меньше шестнадцати разъ или больше 32000 разъ въ секунду, мы, люди, звука не слышимъ, но это не значитъ, что звука нѣтъ. Звука при этихъ условіяхъ нѣтъ для насъ, людей, но для другихъ существъ съ болѣе приспособленнымъ ухомъ онъ, конечно, будетъ слышенъ.

Всякое движеніе тѣла въ воздухѣ должно сопровождаться звукомъ. И если мы не при всякомъ движеніи тѣла слышимъ его, то это происходитъ отъ несовершенства нашего уха, а не отъ того, что звука нѣтъ. Одинъ наблюдатель животнаго міра говоритъ, что есть такія слухочуткія животныя, которыя замѣчаютъ малѣйшій шорохъ. Чтобы выманить, напримѣръ, лѣсную куницу изъ ея логова, которое она устраиваетъ высоко на деревѣ, надо чуть-чуть провести прутикомъ по корѣ дерева, подражая ползанію птички или бѣлки. Куница тотчасъ заслышитъ этотъ шорохъ и высунется. На сильный же ударъ и шумъ она не отзывается и спокойно лежитъ себѣ въ своемъ логовѣ.

„Стоитъ только всмотрѣться“, говоритъ тотъ же наблюдатель, „внимательнѣе прислушаться къ окружающимъ насъ ближе, на каждомъ шагу, домашнимъ животнымъ, взятымъ подъ

наше покровительство и защиту, и мы увидимъ, что не смотря на долгую неволю, при которой имъ легче было утратить способность взаимнаго предупрежденія и сообщенія, они все-таки пользуются ею въ замѣчательной степени. Около человѣка и его жилища, внутри загороженнаго двора—меньше враговъ, меньше опасности, а главное—меньше заботы въ прискании корма. Между тѣмъ, всѣ домашнія животныя несравненно развитѣе и умнѣе своихъ дикихъ собратій. Они позволяютъ себѣ, около насъ, гораздо смѣлѣе и громче болтать между собою и еще искуснѣе выучились помогать себѣ. Наши солидныя индѣйки, наши всегда озабоченныя куры, важно выступающіе гуси и утки, какъ будто подражая окружающимъ ихъ людямъ, постоянно разговариваютъ между собой на языкѣ, правда, не многосложномъ, до крайности бѣдномъ, но во многомъ понятномъ не только для нихъ самихъ, но и для другихъ, совершенно имъ несродныхъ сожителей нашего двора. Они зовутъ другъ друга къ корму, оповѣщаютъ объ опасности, успокоительно отзываются, когда она пройдетъ, выражаютъ особыми звуками радость, испугъ, страданіе. Звуки эти—то тихіе, нѣжные, то рѣзкіе и громкіе, то исполненные отчаянія, всегда сопровождаются болѣе или менѣе соотвѣтственными тѣлодвиженіями и, имѣя свой смыслъ и свое содержаніе, даютъ и намъ знать довольно опредѣлительно о тѣхъ чувствахъ, которыя волнуютъ маленькія сердца ихъ обладателей и о тѣхъ несложныхъ *понятіяхъ,* которыя проявляются въ ихъ головахъ. Мы слышимъ, что ласточка, увидѣвъ ястреба и нисколько не опасаясь его сама и не боясь за своихъ дѣтей, хорошо укрытыхъ, вдругъ учащоннымъ, рѣзкимъ крикомъ предупреждаетъ и даетъ знать всему подворью о приближающейся не для себя, а для нихъ опасности. И не только всѣ домашнія птицы, понимая предупредительный сигналъ, спасаются и прячутся, но, въ свою очередь, тотчасъ подаютъ голосъ другимъ собратіямъ о приближающейся бѣдѣ. Вольныя птички, какъ воробьи, малиновки, овсянки и др. очень хорошо знаютъ его; онѣ прерываютъ свое щебетаніе и торопливо, со страхомъ забиваются въ густую листву. Хорошо также понимаютъ его мыши, кролики, бѣлки и другіе звѣрьки, стараясь убѣжать и скрыться".

Или можно наблюдать, „какъ небольшая станичка голавлей или другихъ рыбокъ, приставъ за косою, которая ихъ отдѣляетъ отъ самой рѣки, стоитъ спокойно на припекѣ. Вдругъ, вы замѣчаете, что безъ всякой видимой причины, нѣкоторыя

особи этого стадка, какъ будто что-то зачуявъ или услышавъ, начинаютъ безпокоиться, выбѣгаютъ къ повороту косы, къ рѣкѣ, возвращаются назадъ, и самая станичка безпокоится, шевелится, чего-то ожидая. Также внезапно изъ-за косы, за которой голавлики положительно ничего не могли видѣть, скользнетъ и присоединится къ нимъ торопливо и совершенно увѣренно нѣсколько другихъ одноростныхъ голавликовъ. Нельзя не узнать въ прибылыхъ рыбкахъ случайно отдѣлившихся товарищей общей станицы, нельзя также не придти къ замѣчанію, что безпокойство однихъ и быстрое присоединеніе другихъ не могли произойти иначе, какъ только посредствомъ призывныхъ и отвѣтныхъ сигналовъ, такъ какъ за косой они другъ друга видѣть не могли и не могли знать—одни о томъ, что ихъ ищутъ, другіе о близкомъ присутствіи отдѣлившихся товарищей. Они соединились, очевидно, подавая другъ другу голосъ".

Вообще, относиться отрицательно къ языку животныхъ, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, мы не имѣемъ права при современномъ состояніи знаній объ этомъ предметѣ. Это область еще не початая, методовъ проникнуть въ нее не выработано, судимъ о ней больше по сравненію только съ собою,—это пріемъ недостаточный: comparaison n'est pas raison.

Не надо забывать, что область науки безконечна, что въ небесахъ и на землѣ больше такихъ вещей, о которыхъ нашей философіи и не грезилось [1]).

БЕСѢДА 7-я.

Гдѣ и какъ звуки голоса образуются.

Когда какое-нибудь невиданное и непонятное явленіе становится обыденнымъ, т. е. часто встрѣчающимся, то мы настолько свыкаемся съ нимъ, что оно, оставаясь по прежнему непонятнымъ, перестаетъ казаться такимъ.

1) Шведскій натуралистъ Линней, всесторонне изучавшій природу, такъ выразился о ней: „Бога вѣчнаго, всевѣдущаго, всемогущаго, шествующаго увидѣлъ я въ тылъ и пришолъ въ изумленіе. Я разсмотрѣлъ нѣсколько слѣдовъ его, отпечатлѣнныхъ въ твореніяхъ. Во всѣхъ нихъ, даже мельчайшихъ, почти что на нѣтъ сводящихся, какая сила, сколько мудрости, какое неизъяснимое совершенство!".

Всѣ мы такъ привыкли къ восходу и заходу небесныхъ свѣтилъ, что эти явленія не кажутся намъ чудесными, и у большинства людей даже не возбуждаютъ охоты задумываться надъ ними—такъ они обычны, такъ кажутся понятными наивному уму.

Подобнымъ образомъ и наша рѣчь, говореніе, въ силу его обычности, повседневности, кажется намъ весьма нехитрой вещью: „всѣ говорятъ". А чѣмъ говорятъ, какъ говорятъ, отчего говорятъ, надъ этими вопросами мало кто и задумывается. Между тѣмъ, говореніе—дѣло весьма сложное. Знать, что и какъ при этомъ происходитъ, весьма полезно для уясненія многихъ явленій въ нашемъ языкѣ.

Инструментъ, которымъ мы говоримъ, представляетъ собою дудку съ надставками. Главную часть ея составляетъ гортань. Отъ передней ея стѣнки къ задней протянуты двѣ мышцы, которыя называются *голосовыми связками*. Когда мы молчимъ, между этими связками находится довольно больше отверстіе—*голосовая щель*, какъ его называютъ; чрезъ нее свободно проходитъ воздухъ, вдыхаемый и выдыхаемый нами. Во время разговора голосовыя связки напрягаются, дѣлаются короче и толще, начинаютъ дрожать, какъ струны, голосовая щель становится гораздо уже, и воздухъ, проходящій чрезъ нее, становится слышнымъ какъ голосъ или же какъ шопотъ. Надъ гортанью помѣщается первая надставка, такъ называемый зѣвъ, къ которому примыкаетъ вторая надставка—ротъ и третья—полость носа. Вторая надставка, ротъ, устроена сложнѣе остальныхъ. Въ ней различаютъ слѣдующія части, или органы: твердое небо,—оно неподвижно; мягкое небо съ язычкомъ,—оно можетъ опускаться и подниматься, заграждая токъ воздуха чрезъ носъ; языкъ—очень подвижная, сложная мышца, могущая принимать самыя разнообразныя положенія во рту; зубы, десны и губы.

Когда мы произносимъ, напримѣръ, звукъ *а*, мягкое небо приподнимается и вплотную прилегаетъ къ задней стѣнкѣ зѣва, заграждая такимъ образомъ проходъ воздуха въ носовую полость. Языкъ при этомъ лежитъ на днѣ полости рта.

Когда мы произносимъ *я*, мягкое небо также приподнимается, и преграждаетъ проходъ воздуха въ носовую полость, но языкъ уже не остается въ прежнемъ положеніи,—онъ изгибаетъ свою спинку такъ, что она прикасается къ твердому небу, создавая на мгновеніе преграду для прохода воздуха чрезъ ротъ.

Преграда току воздуха чрезъ ротъ производится при говореніи различными частями или языка или губъ, отчего и зависитъ разнообразіе нашихъ звуковъ. Если мы, произнося *а*, сдѣлаемъ току воздуха преграду передней частью языка, у насъ получатся звуки *атъ* или *адъ*; сдѣлавъ же преграду задней частью языка, получимъ звуки *акъ, агъ*. Точно также, если мы, не пропуская воздуха черезъ носъ, заставимъ обѣ губы загородить дорогу воздуху, мы получимъ звуки *апъ* или *абъ*, если же въ загражденіи пути будетъ участвовать одна нижняя губа, мы услышимъ звуки *афъ, авъ*.

Вообще, каждому звуку будетъ соотвѣтствовать особый укладъ языка, мягкаго неба и губъ; и обратно, при каждомъ особомъ укладѣ языка, губъ и мягкаго неба будетъ слышаться особый звукъ. Малѣйшее измѣненіе въ укладѣ одного изъ органовъ рта тотчасъ же отражается на звукѣ: прежній звукъ *замѣняется* другимъ.

Примѣчаніе для Лады. Во время моего дѣтства, когда я учился грамматикѣ, на звуки обращали мало вниманія; можно даже сказать, вовсе не обращали. Но теперь происходитъ обратное: учоные больше занимаются звуками, они старательно изучаютъ ихъ—изучаютъ, такъ сказать, кирпичи, изъ которыхъ возводится зданіе науки о языкѣ, въ надеждѣ, что изучивъ въ совершенствѣ строительный матеріалъ, имъ легче удастся построить изъ него и самый храмъ науки. Не будемъ пренебрежительно или безучастно смотрѣть на ихъ работу, а лучше немножко познакомимся съ ней, памятуя, что наука добивается только истины, только правды во всемъ. Посмотримъ же, какую правду-истину учоные нашли въ звукахъ.

Скучненько это покажется, но что же дѣлать? Надо немножко и поскучать; не все въ веселіи жить, надо и печалей испробовать—безъ печалей жизнь человѣка не полна; безъ нихъ онъ еще не вѣнецъ творенія.

Звуки или фонетика—печаль малая. Но если и большая постигнетъ тебя въ жизни, мужественно перенеси ее. Такова, значитъ, воля Божія, которой надо покоряться, ибо, по словамъ одного мудраго святителя,

„Не напрасно, не случайно
Жизнь отъ Бога мнѣ дана,
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена“

(подъ „казнью“ святитель разумѣлъ печали и огорченія, постигающія человѣка). Ради чего, съ какой цѣлью осуждена? спросишь ты.

Это вопросъ мучительный и неразрѣшимый *для науки;* на него она можетъ отвѣтить только одно: не знаю—пути Божіи неисповѣдимы. Но онъ легко разрѣшимъ *для вѣры,* и вмѣстѣ съ поэтомъ мы можемъ сказать:

„Все въ жизни къ великому средство,
И горесть и радость—все въ цѣли одной".

Цѣль же эта лежитъ въ потустороннемъ мірѣ, къ рожденію и жизни въ которомъ мы себя здѣсь готовимъ, чтобы явиться туда вполнѣ доношенными и жизнеспособными существами.

Кромѣ того, меня жизненный опытъ научилъ, что человѣку, испытавшему свое горе, становится и чужое болѣе понятнымъ; онъ дѣлается отзывчивѣе, сердечнѣе, нравственно чутче,—словомъ, онъ дѣлается лучше душою. А вѣдь, въ томъ, чтобы мы дѣлались душою все лучше и лучше, только и заключается смыслъ жизни. Если мы не будемъ нравственно совершенствоваться, тогда не стоитъ и на свѣтѣ жить, ибо наше существованіе тогда потеряетъ смыслъ и ничѣмъ, по существу, не будетъ отличаться отъ существованія скотовъ.

Нѣкоторые ставятъ цѣлью жизни или пользу, приносимую нами другимъ людямъ, или награду и воздаяніе въ будущей жизни. Такой взглядъ не заслуживаетъ сочувствія, потому что это, по своей сущности, взглядъ барышниковъ: они все норовятъ на грошъ пятаковъ купить. Идеалъ, указанный намъ Іисусомъ Христомъ, совсѣмъ другой: „будьте совершенны, какъ совершенъ вашъ Отецъ небесный", отнюдь не помышляя о барышѣ въ видѣ рая въ будущей жизни или о пользѣ въ настоящей. Дѣлай добро ради добра самого.

УРОКЪ 4-й.

О раздѣленіи звуковъ на гласные и согласные. Раздѣленіе гласныхъ звуковъ.

Звуки нашего голоса дѣлятъ на *гласные* и *согласные.*

Гласные звуки слѣдующіе: а, и, о, у, ы, э.

Къ гласнымъ же звукамъ раньше причисляли и сложные звуки, изображаемые буквами е, ё, ю, я. Они представляютъ сочетаніе звука й съ согласными э, о, у, а (е=й+э, ё=й+о, ю=й+у, я=й+а).

Согласные звуки слѣдующіе: б, бь, в, вь, г, гь, д, дь, ж, з, зь, й, к, кь, л, ль, м, мь, н, нь, п, пь, р, рь, с, сь, т, ть, ф, фь, х, хь, ц, чь, ш, щь, ɪ, ɪь, (ɪ—звукъ, произносимый нами въ началѣ слова господь) и щ̆ (звукъ, произносимый нами въ словѣ дрожжи между гласными *о* и *и*).

За основаніе такого раздѣленія звуковъ былъ взятъ голосъ или, вѣрнѣе, степень легкости, съ которой онъ издается при произнесеніи звуковъ.

Гласными были названы звуки потому, что они, какъ казалось составителямъ грамматикъ, могутъ произноситься одни, безъ помощи другихъ звуковъ, чисто, легко, свободно; что гласъ или голосъ при произнесеніи ихъ не испытываетъ никакого препятствія, что ихъ можно гласить или голосить, т. е. тянуть голосомъ, сколько духу хватитъ.

Другіе звуки были названы согласными потому, что они, какъ казалось въ старину, не могутъ быть произнесены чисто и свободно одни, безъ помощи гласныхъ, что при отдѣльномъ ихъ произношеніи чувствуется нѣкоторое затрудненіе, что для того, чтобы они были слышны отчетливо и явственно, ихъ надо произносить вмѣстѣ *со гласнымъ* звукомъ.

Такой взглядъ на звуки невѣренъ, ибо, съ одной стороны, къ числу гласныхъ были отнесены такіе сложные звуки, какъ я, ю, е, ё, которые для своего произношенія нуждаются въ согласномъ звукѣ й; съ другой стороны, согласные могутъ свободно произноситься безъ гласныхъ, напримѣръ, звукъ р или с, ш, з и т. д.

По существу дѣла всѣ звуки гласные, коль они слышны. Но такова уже сила привычки, преданія, что не смотря на невѣрность такого раздѣленія звуковъ, его все-таки сохраняютъ въ школахъ до сихъ поръ. Буду и я придерживаться его въ этой книжкѣ.

Гласные звуки раздѣляютъ на *твердые* и *мягкіе.*

Твердые: а, о, у, ы, э.

Мягкіе: и (і, ѵ).

Къ мягкимъ гласнымъ относили раньше и сложные звуки е, ё, ю, я.

Названія эти тоже не безукоризненны, потому что въ нихъ замѣшанъ личный вкусъ говорящаго и слушающаго. Что одному кажется твердымъ и грубымъ, другому можетъ показаться не такимъ. Удачнѣе названы твердые гласные звуки *мягко-небными* или *велярными,* а мягкіе—*твердо-небными* или *палятальными.*

Велярные—отъ латинскаго слова velum, которое по-русски значитъ парусъ и небная занавѣска, или мягкое небо; палятальные—отъ латинскаго palatum, по-русски—твердое небо.

Когда мы произносимъ звуки: а, о, у, ы э, то небная занавѣска приподнимается и закрываетъ проходъ въ полость носа, а языкъ при-

поднимается своей задней частью къ мягкому небу. При произнесеніи же звуковъ: и, е (ѣ), ё, ю, я языкъ приподнимается своей спинкой къ твердому небу—палятуму. Безъ этого движенія языка мягкіе или палятальные гласные не могутъ быть произнесены. Вотъ потому, что при твердыхъ гласныхъ языкъ ближе къ мягкому небу, ихъ и назвали мягко-небными; а при мягкихъ гласныхъ языкъ бываетъ ближе къ твердому небу, ихъ назвали твердо-небными.

Удачнѣе всего, пожалуй, будетъ раздѣленіе гласныхъ звуковъ, предложенное англійскими учоными. Въ основу его они положили укладъ языка и губъ. Если при выговорѣ гласныхъ звуковъ языкъ работаетъ заднею частью, гласные будутъ заднеязычные; если средняя часть языка работаетъ, гласные будутъ средне-язычными; если языкъ работаетъ переднею частью, гласные будутъ переднеязычные. Затѣмъ, языкъ можетъ занимать при выговорѣ гласныхъ три положенія во рту: высокое, среднее и низкое. Въ зависимости отъ поднятія языка гласные будутъ:

задніе верхніе, задніе средніе, задніе нижніе;
средніе верхніе, средніе средніе, средніе нижніе;
передніе верхніе, передніе средніе, передніе нижніе.

Наконецъ, при произнесеніи гласныхъ могутъ принимать или не принимать участіе и губы. Въ зависимости отъ работы губъ, гласные подраздѣляются еще на лабіализованные (отъ латинскаго labium—губа)—по-русски сказать: губные или, лучше, пригубленные—и нелабіализованные, т. е. негубные, непригубленные.

По этому раздѣленію наши гласные звуки представятся въ такомъ видѣ:

негубные:	задній нижній	— а,
	средній верхній	— ы,
	передній верхній	— и,
	передній средній	— э,
губные:	задній верхній	— у,
	задній средній	— о.

Вообще, относительно раздѣленія гласныхъ звуковъ на разряды учоные пока еще не пришли къ полному соглашенію.

Звуки е (ѣ), ё, ю, я, какъ уже было сказано, двойные, сложные. Они составлены изъ согласнаго *й* съ однимъ изъ твердыхъ гласныхъ: *я*=*й*+*а*. Въ этомъ легко убѣдиться—стоитъ только продлить голосомъ звукъ *я*, и мы ясно будемъ слышать звукъ *а*; вмѣсто *ю* мы при его продленіи будемъ слышать *у*, вмѣсто *ё*—*о*, вмѣсто *е*—*э*.

УРОКЪ 5-й.

О раздѣленіи согласныхъ звуковъ.

Согласные звуки можно разсматривать съ разныхъ точекъ зрѣнія: 1) музыкальности или пріятности звуковъ для слуха; 2) способа произношенія; 3) органовъ произношенія.

По музыкальному качеству звука согласные раздѣляются на два разряда: *шумные* и *сонорные.*

Шумные звуки слѣдующіе: б, бь, в, вь, г, гь, ɪ, д, дь, ж, з, зь, й, к, кь, п, пь, с, сь, т, ть, ф (ѳ), фь, х, хь, ц, чь, ш, щь.

Сонорные звуки: р, рь, л, ль, м, мь, н, нь.

Шумными звуки названы потому, что при произнесеніи ихъ нашъ голосъ имѣетъ всѣ признаки шума. Музыкальности или тональности звука, которая наблюдается при гласныхъ звукахъ, при шумныхъ согласныхъ нѣтъ.

Сравни, напримѣръ, гласный звукъ *а* съ звукомъ *ш* или *ф*, и эта разница въ музыкальности рѣзко выступитъ.

По способу произношенія шумные звуки раздѣляютъ на *взрывные* и *придувные,* или *фрикативные.*

Звуки взрывные: б, бь, п, пь, г, гь, к, кь, д, дь, т, ть.

Звуки придувные (фрикативные): в, вь, ɪ, ж, з, зь, й, с, сь, ф, фь, х, хь, ц, чь, ш, щь.

Взрывными звуки названы вотъ почему: произнося ихъ, мы предварительно дѣлаемъ языкомъ или губами полную преграду току воздуха изъ легкихъ или въ легкія, и когда мы ее устраняемъ, то воздухъ, устремляясь въ ротъ или изъ него, производитъ какъ бы легонькій хлопокъ или взрывъ.

Придувными звуки названы потому, что, произнося ихъ, мы дѣлаемъ языкомъ или губами неполную преграду току воздуха, оставляемъ въ полости рта небольшіе проходы, чрезъ которые воздухъ свободно выдувается изъ легкихъ, и всѣ звуки, получаемые при этомъ, начиная съ ф, напоминаютъ въ большей или меньшей степени звукъ сдуванія пылинки съ чего-нибудь.

Эти же звуки называютъ еще фрикативными (отъ латинскаго слова fricare—что значитъ тереть),—на томъ основаніи, что при произношеніи ихъ токъ воздуха производитъ треніе о края и стѣнки рта, вслѣдствіе чего нѣкоторые звуки напоминаютъ

свистъ или шипѣніе. Названіе это не изъ удачныхъ, потому что треніе воздуха о голосовыя связки и стѣнки полости рта бываетъ при всякихъ звукахъ.

Есть еще у насъ три шумныхъ звука: ц, чь, щь. Учоные называютъ ихъ аффрикатами, по-русски—притертыми (отъ латинскаго слова affricare—притирать). Аффриката, по мнѣнію учоныхъ, есть сложный звукъ, состоящій изъ взрывного съ придувнымъ или фрикативнымъ; такъ звукъ ц будто бы состоитъ изъ т и с, звукъ чь—изъ ть и шь, звукъ щь—изъ ш и чь. Но эти составляющіе аффрикату звуки такъ тѣсно соединены другъ съ другомъ, такъ плотно, хорошо притерты другъ къ другу, что они даютъ впечатлѣніе одного звука, что на самомъ дѣлѣ и есть. Каждая аффриката представляетъ одинъ нераздѣльный звукъ, который нужно отнести къ придувнымъ.

Что, напримѣръ, звукъ щ не равенъ суммѣ ш+ч, въ этомъ легко убѣдиться изъ произношенія словъ: *вашъ чанъ* и *вощаный* (выговаривается ващаный). Каждый изъ звуковъ: ш, ч, щ сохраняетъ свою особенность, или индивидуальность. Это и понятно: при каждомъ изъ нихъ укладъ органовъ произношенія различенъ.

Сонорныхъ звуковъ восемь: р, рь, л, ль, м, мь, н, нь. Первые четыре называются *плавными*, послѣдніе четыре *носовыми*. Въ прежнее время всѣ назывались *плавными*.

Основаніе, почему они названы сонорными, слѣдующее: при произношеніи всѣхъ другихъ согласныхъ слышится или взрывъ звука или шумъ; при произношеніи же звуковъ р, рь, л, ль, м, мь, н, нь ни взрыва, ни шума не слышно, они произносятся полнымъ голосомъ, за что и названы сонорными, т. е. чисто звучащими, отъ латинскаго слова sonor, что значитъ звукъ.

Эта звучность сонорныхъ не составляетъ, впрочемъ, исключительной принадлежности плавныхъ и носовыхъ звуковъ, а также и гласныхъ. Она присуща и всѣмъ другимъ звукамъ, но въ несравненно меньшей степени.

Названіе „плавныхъ“ получилось вотъ какимъ образомъ: греческіе грамматисты, желая отмѣтить гибкость или мягкость сонорныхъ звуковъ, ихъ какъ бы текучесть, роднящую ихъ съ гласными, назвали ихъ *влажными* (ὑγροί), *текучими*. Это ихъ названіе перешло въ латинскія грамматики, гдѣ они называются тоже *влажными* или *жидкими*, *текучими* (liquidi). Наши старинные грамотники составляли русскія грамматики, какъ и нынѣ,

по образцу латинскихъ и латинское слово жидкій, текучій (liquidus) передали по русски словомъ *плавный*, что не совсѣмъ точно, потому что русскія слова плавный, плавность соотвѣтствуютъ греческимъ словамъ ритмичный, ритмъ, подъ которыми греки разумѣли музыкальный тактъ или размѣръ, т. е. мѣрное (по продолжительности) чередованіе звуковъ, вродѣ мѣрнаго поднятія и опусканія лодки на волнахъ. *Плывучіе* или *текучіе*—вотъ какъ слѣдовало бы передать ихъ латинское названіе liquidi.

Звуки м, мь, н, нь, называются носовыми потому, что при ихъ произношеніи токъ воздуха изъ легкихъ свободно проходитъ черезъ носовую полость.

Одни изъ шумныхъ звуковъ, напримѣръ, в, ф, въ произношеніи можно протягивать, длить; другіе, какъ п или т, нельзя. На этомъ основаніи первые называются *длительными*, а вторые—*мгновенными*.

Къ длительнымъ принадлежатъ: в, вь, ф, фь, з, зь, с, сь, ж, й, ц, чь, ш, щь, х, хь, ɹ.

Къ мгновеннымъ принадлежатъ: б, бь, п, пь, д, дь, т, ть, г, гь, к, кь.

УРОКЪ 6-й.

О раздѣленіи согласныхъ звуковъ.

(Продолженіе 5-го урока).

Если за основаніе для раздѣленія согласныхъ взять такіе *органы произношенія*, какъ языкъ и губы, то всѣ согласные можно раздѣлить на двѣ группы:

1) согласные, въ произношеніи которыхъ участвуютъ только губы—это будутъ *губные звуки*. Къ нимъ относятся звуки: б, бь, п, пь, м, мь, в, вь, ф, фь;

2) согласные, въ произношеніи которыхъ участвуетъ языкъ—это будутъ *язычные звуки*. Къ нимъ относятся: д, дь, т, ть, ж, з, зь, с, сь, ц, чь, ш, щь, н, нь, л, ль, р, рь, й, г, гь, ɹ, к, кь, х, хь.

Смотря по тому, какою своею частью языкъ работаетъ—переднею, среднею или заднею—различаютъ звуки: *передне-язычные, средне-язычные* и *задне-язычные*.

Къ *передне-язычнымъ* надо отнести звуки: д, дь, т, ть, ж, з, зь, с, сь, ц, чь, ш, щь, н, нь, л, ль, р, рь.

Къ *средне-язычнымъ:* й.

Къ *задне-язычнымъ:* г, гь, ɪ, к, кь, х, хь.

Смотря по мѣсту, къ которому языкъ прикасается во рту, различаютъ звуки: язычно-зубные или просто язычные: д, т, з, с; язычно-небные, какъ ж, ш, и другіе.

Передне-язычные звуки ж, ч, ш, щ еще называютъ *шипящими*, а передне-язычные з, с, ц—*свистящими*.

Задне-язычные звуки г, ɪ, к, х называютъ еще *гортанными*. Это названіе хотя и неудачное, однако держится до сихъ поръ.

Согласные звуки могутъ произноситься какъ съ участіемъ голосовыхъ связокъ, такъ и безъ участія ихъ. Въ первомъ случаѣ согласные называются *звонкими*, потому что при нихъ голосовыя связки дрожатъ и звенятъ, подобно тому, какъ звенитъ дрожащая струна; во второмъ—*глухими*, потому что при нихъ нѣтъ дрожанія голосовыхъ связокъ, его не слышно, глухо при нихъ.

Распознать, когда голосовыя связки принимаютъ участіе въ произношеніи согласныхъ, когда нѣтъ, очень легко. Если, произнося звонкую согласную, приложить къ гортани палецъ, то онъ почувствуетъ дрожаніе голосовыхъ связокъ; при произношеніи же глухой согласной этого ощущенія не будетъ. Или можно узнать дрожаніе связокъ еще такъ: если мы будемъ произносить звонкіе согласные, заткнувъ уши пальцами, то дрожаніе голосовыхъ связокъ отразится на органѣ слуха и передастся пальцамъ; при произношеніи глухихъ звуковъ этого отраженія не будетъ. Для примѣра можно взять звуки в и ф.

Къ *звонкимъ* согласнымъ относятся первые согласные звуки: б, бь, в, вь, г, гь, д, дь, ж, з, зь, й и звукъ, который слышится въ словѣ вожжи между гласными. Остальные шумные согласные всѣ будутъ *глухіе* звуки.

Къ звонкимъ же принадлежатъ и сонорные звуки, а также всѣ гласные.

Остается еще сказать о дѣленіи согласныхъ на *твердые* и *мягкіе*.

Мягкими согласными называются тѣ, которые мы изображаемъ съ буквою ь, какъ, напримѣръ, бь, ль, рь и т. п.

Твердыми согласными называются тѣ, которые мы изображаемъ или безъ буквы ь или съ буквою ъ, напримѣръ, б, бъ, р, ръ, и т. п.

Обыкновенно считаютъ, что въ такихъ словахъ, какъ пылъ и пыль, цѣпъ и цѣпь, данъ и дань, ударъ и ударь и т. п., послѣднiе согласные звуки одинаковы, что они одни и тѣ же, только въ одномъ случаѣ они произносятся твердо, въ другомъ мягко. Такой взглядъ не вѣренъ.

То, что называютъ мягкими согласными, есть, по существу дѣла, совершенно особые звуки, ибо при выговорѣ ихъ—напримѣръ, мягкаго л или ф,—языкъ и губы, принимаютъ иной укладъ, нежели при выговорѣ твердыхъ л и ф. Раньше уже говорено было, что каждому укладу языка и губъ соотвѣтствуетъ особый звукъ, и обратно—каждый звукъ нуждается въ особомъ укладѣ губъ и языка. Но мы, старые люди, такъ уже прiучены смолоду считать мягкiй и твердый звуки за одинъ, что намъ трудно разстаться съ этой привычкой, подобно тому какъ мы не можемъ отвыкнуть говорить, что солнце восходитъ и заходитъ, хотя и знаемъ, что восходъ и закатъ солнца происходитъ отъ движенiя земли вокругъ своей оси, а не отъ движенiя солнца вокругъ земли.

Твердому согласному звуку обычно соотвѣтствуетъ мягкiй, но такимъ звукамъ какъ ж, ш въ нашемъ московскомъ говорѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ мягкихъ жь, шь, а такимъ какъ чь, щь нѣтъ соотвѣтствующихъ твердыхъ чъ, щъ. На письмѣ однако употребляютъ всѣ ихъ попарно: жъ и жь, шъ и шь, чь и чъ, щь и щъ.

Соединенiе, или сложенiе гласнаго звука съ согласнымъ составляетъ *слогъ*. Иногда слогъ состоитъ и изъ одного гласнаго звука (безъ согласнаго), такъ слово наука состоитъ изъ трехъ слоговъ: на-у-ка, слово просвѣщенiе—изъ пяти: про-свѣще-нi-е, слово страсть изъ одного слога. Вообще, сколько гласныхъ звуковъ въ словѣ, столько и слоговъ.

Можно было бы и еще кое-что сказать о раздѣленiи звуковъ, но входить въ бо́льшiя подробности нахожу излишнимъ. Достаточно и того, что сказано.

БЕСѢДА 8-я.

О законахъ природы.

Въ обыкновенномъ нашемъ быту подъ словомъ законъ мы привыкли понимать постановленіе или приказаніе, велѣніе верховной государственной власти. Это велѣніе верховной власти выражается въ опредѣленной формѣ и касается правилъ нашего поведенія. Оно предписываетъ намъ, какъ мы *должны* поступать въ своей жизни по отношенію къ другимъ людямъ, что можно намъ дѣлать, чего нельзя.

Всѣ законы, предписываемые верховной властью, сводятся къ тому, чтобы мы честно жили, никому не вредили и каждому воздавали должное, или какъ говоритъ апостолъ Павелъ: „Ему же убо урокъ—урокъ, а ему же дань—дань, а ему же страхъ—страхъ и ему же честь—честь“. Отличительной чертой этихъ законовъ служитъ ихъ *принудительность*. Это значитъ, что если бы мы не захотѣли слушаться ихъ, исполнять ихъ, то государственная верховная власть чрезъ своихъ слугъ силою, подъ угрозой различныхъ наказаній, не останавливаясь даже предъ смертною казнью, заставитъ, принудитъ насъ дѣлать то, что она предписываетъ.

Эта принудительность отличаетъ законы государственные отъ законовъ нравственныхъ, которые написаны въ сердцѣ каждаго человѣка, которые подсказываются его совѣстью и которые опредѣляютъ поведеніе человѣка не только по отношенію къ другимъ людямъ, но и по отношенію къ самому себѣ, къ Богу и къ внѣшнему міру. Нравственные законы тоже предписываютъ честно жить, никому не вредить и каждому воздавать должное. Только за ними не стоитъ физическая сила, которая принуждала бы меня слѣдовать ихъ предписаніямъ и которая, въ случаѣ ослушанія, наказала бы меня внѣшнимъ образомъ подобно законамъ государственнымъ. Положимъ, напримѣръ, что ко мнѣ обратился какой-нибудь путникъ, застигнутый мятелью, иззябшій, полузамерзшій, съ просьбой отогрѣться и переждать въ моемъ домѣ непогоду, а я, имѣя возможность дать ему временный пріютъ, отказалъ бы ему въ этомъ. Государственный законъ не накажетъ меня за это, а законъ нравственный, моя совѣсть непремѣнно осудитъ и наказаніе наложитъ внутреннее:

мнѣ будетъ стыдно, я буду мучиться совѣстью, когда сознаю, что поступилъ нехорошо, не по божьи. И этотъ судъ гораздо строже людского. Отъ людского суда иногда можно скрыться, убѣжать куда-нибудь, а отъ суда своей совѣсти, отъ божьяго суда никогда и никуда не уйдешь.

Но кромѣ законовъ государственныхъ и законовъ нравственныхъ есть еще законы природы. Это тоже постановленія, уставы и предписанія, но постановленія и уставы, созданные не волею человѣка и его совѣстью, а Кѣмъ-то Другимъ, еще болѣе могущественнымъ и сильнымъ. Эти уставы тоже охраняются Силою, и за неподчиненіе имъ люди всегда такъ или иначе наказываются. Отличительнымъ признакомъ этихъ законовъ служитъ ихъ *неотвратимость*, или необходимость, и *повсемѣстность*, или всеобщность. Вода, напримѣръ, когда температура окружающей среды ниже нуля, а барометръ показываетъ 760 миллиметровъ—всегда и вездѣ, гдѣ эти условія будутъ на лицо, на землѣ ли, или на другой планетѣ,—непремѣнно замерзнетъ. Это уставъ природы, ея законъ, и законъ неизбѣжный, неотвратимый. Камень, брошенный вверхъ, всегда падаетъ обратно на землю. Это тоже законъ, уставъ природы. Такъ ужъ установлено Кѣмъ-то разъ навсегда, что брошенный камень долженъ упасть на землю. Многія изъ нашихъ птицъ осенью улетаютъ въ болѣе теплыя страны на зиму, а весною опять прилетаютъ къ намъ гнѣздоваться, нести яйца и высиживать своихъ птенчиковъ. И это—законъ природы.

Уставовъ природы много, и выражаются они въ томъ, что какое-нибудь явленіе постоянно происходитъ въ неизмѣнномъ порядкѣ при наличности другихъ явленій (условій), связанныхъ съ первымъ, какъ причина съ дѣйствіемъ. Если только эти условія (другія явленія) имѣются, данное явленіе природы произойдетъ,—произойдетъ необходимо, неизбѣжно, неотвратимо.

Но если хоть одного изъ условій не будетъ на лицо, то данное явленіе природы или вовсе не произойдетъ или произойдетъ, но не то, что раньше, а лишь похожее на прежнее.

Человѣкъ составляетъ часть природы; стало быть, и въ немъ нѣкоторые законы ея должны обнаруживаться. Такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Напримѣръ, когда послѣ долгаго зимняго сна, по образному и милому выраженію поэта,

Улыбкой ясною природа
Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года,

т. е. настаетъ весна, здоровый, нормальный человѣкъ всегда испытываетъ радостное, бодрящее чувство. Онъ радуется наступленію весны. Таковъ ужъ законъ природы: съ ея оживленіемъ и человѣкъ оживляется; если человѣкъ не испытываетъ этого оживленія, онъ боленъ душою, ему лѣчиться надо. Или возьмемъ человѣческое тѣло: при существующихъ условіяхъ жизни на землѣ тѣло человѣка съ годами или отъ болѣзней изнашивается, хирѣетъ, дряхлѣетъ, а наконецъ и умираетъ. Смерть нашего тѣла, развалъ его неизбѣжны; это законъ природы, гнетущій насъ, но неминучій, отвратить его ничѣмъ нельзя.

Я взялъ въ примѣры законы очевидные для всѣхъ. Но есть законы природы, подмѣченные человѣкомъ на себѣ самомъ, которые не всѣми замѣчаются, не всѣмъ вдомекъ. Къ числу такихъ законовъ принадлежатъ законы, относящіеся къ звукамъ человѣческой рѣчи. Ихъ полезно знать изучающему грамматику: знаніе ихъ помогаетъ лучшему пониманію языка и уясняетъ многое въ начертаніи словъ, въ ихъ письменномъ изображеніи. Нѣкоторые изъ этихъ законовъ я и разсмотрю въ слѣдующемъ урокѣ.

БЕСѢДА 9-я.

Немножко „старины глубокой“.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію звуковыхъ законовъ нашего языка, заглянемъ на краткій мигъ въ далекое прошлое нашего племени.

Мы, русскіе, принадлежимъ къ славянскому племени, которое издавна раздѣлялось на нѣсколько народностей. Кромѣ русскихъ, къ славянамъ въ настоящее время принадлежатъ поляки, кашубы, чехи, словаки, словинцы, лужичане, сербы и болгары. Языки этихъ народовъ и теперь всѣ сходны между собою, а раньше, лѣтъ тысячу тому назадъ, сходство ихъ было еще больше. Книга, написанная на одномъ изъ нихъ, тогда легче понималась другими единоплеменными народами, чѣмъ теперь.

Болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ, почти одновременно съ призваніемъ нашими предками Рюрика на княженіе въ Новгородъ, обратился къ византійскому императору Михаилу III моравскій князь Ростиславъ съ просьбой дать ему учителей, ко-

торые могли бы излагать истины христіанской вѣры на языкѣ моравскихъ славянъ. Императоръ отправилъ къ нему двухъ братьевъ, Кирилла и Меѳодія, которые въ совершенствѣ знали языкъ славянскаго племени, жившаго въ византійской провинціи Македоніи. Они перевели на языкъ македонскихъ славянъ нѣсколько священныхъ и богослужебныхъ книгъ. Переводъ оказался понятнымъ для моравянъ. Такъ какъ книги эти, главнымъ образомъ, употреблялись при богослуженіи въ церкви, то языкъ ихъ получилъ названіе древне-церковно-славянскаго [1]).

Этотъ языкъ оказалъ большое вліяніе на нашъ русскій, содѣйствуя его богатству и гибкости. Много словъ изъ древне-церковно-славянскаго языка вошло въ нашъ языкъ, и многія явленія въ нашемъ языкѣ объясняются только при помощи перваго. Поэтому знакомство съ нимъ весьма полезно каждому русскому, желающему поглубже проникнуть въ духъ своего родного языка. Чтеніе книгъ священнаго писанія въ значительной степени содѣйствуетъ этому.

Однимъ изъ отличій древне-церковно-славянскаго языка отъ русскаго служитъ то, что въ немъ были носовые гласные звуки и краткіе гласные звуки. Первые называются юсами и изображаются такъ: ѫ—большой юсъ; онъ произносился сходно съ французскимъ on (он); ѧ—малый юсъ, произносившійся сходно съ французскимъ in (эн). Затѣмъ, тотъ и другой юсы соединялись съ й и давали два сложныхъ звука ѭ и ѩ (йон, йэн).

Краткіе гласные звуки изображались буквами ъ и ь. Какъ они произносились, въ точности сказать нельзя. Судя по тому, что они находились въ такихъ словахъ, въ которыхъ мы произносимъ и пишемъ *о* и *е*, надо думать, что они походили на нихъ. Буквы эти мы сохранили въ своей азбукѣ, но звуки ихъ утратили. Однако звуковыя явленія, наблюдаемыя въ русскомъ языкѣ, позволяютъ думать, что было время, когда всѣ эти звуки—юсы и краткіе гласные—имѣлись въ языкѣ и нашихъ предковъ. Только было это очень давно, въ такую пору, когда еще и русскаго государства на свѣтѣ не было, когда еще наши предки и грамотѣ не знали.

Другое отличіе древне-церковно-славянскаго языка отъ русскаго составляетъ его, такъ сказать, скупость на гласные звуки. Именно, тамъ, гдѣ у насъ въ словѣ имѣются два гласныхъ

---

[1]) Этотъ языкъ не надо смѣшивать съ ново-церковно-славянскимъ, на которомъ нынѣ печатаются богослужебныя книги.

звука, древне-церковно-славянскій языкъ ставитъ только одинъ гласный звукъ: напримѣръ, русскія слова берегъ, молоко на древне-церковно-славянскомъ языкѣ передавались брѣгъ, млѣко,— однимъ гласнымъ меньше. Русскій языкъ, такимъ образомъ, щедрѣе древне-церковно-славянскаго на гласные звуки; нѣкоторыя слова нашего языка обильнѣе, *полнѣе* ими, почему и явленіе это называется *полногласіемъ*.

Ознакомленіемъ съ нимъ мы и займемся въ слѣдующемъ урокѣ.

УРОКЪ 7-й.

Законы гласныхъ звуковъ.

I. *Законъ полногласія.* Законъ полногласія въ русскомъ языкѣ состоитъ въ слѣдующемъ:

Гдѣ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ мы встрѣчаемъ сочетанія звуковъ *ра, рѣ, ла, лѣ*, стоящія между согласными, напримѣръ: б-ра-да, д-рѣ-во, б-ла-то, м-лѣ-ко, п-лѣ-ва, тамъ въ соотвѣтствующихъ словахъ русскаго языка мы вмѣсто ра, рѣ, ла, лѣ имѣемъ сочетанія звуковъ *оро, ере, оло, еле*: б-оро-да, д-ере-во, б-оло-то, м-оло-ко, п-еле-ва.

Однако у насъ на ряду съ полногласными формами словъ имѣются и краткія. Такъ, мы говоримъ *древо*дѣлъ, *брадо*брѣй, *глава* (у храма), *врата* (церковныя) и т. п. Эти формы проще всего, конечно, объяснить тѣмъ, что онѣ вошли въ нашъ языкъ подъ вліяніемъ древне-церковно-славянскаго и въ немъ удержались, а нѣкоторыя даже и вытѣснили полногласныя формы изъ нашего литературнаго языка, какъ, напр., врагъ, владѣть и др. вмѣсто исконныхъ русскихъ ворогъ, володѣть.

Сопоставляя наши полногласныя формы словъ съ соотвѣтствующими словами другихъ языковъ (нѣмецкаго, литовскаго), учоные пришли къ мысли, что наши полногласныя формы произошли не изъ древне-церковно-славянскихъ формъ, а изъ еще болѣе древнихъ, отъ которыхъ и сами древне-церковно-славянскія формы получили свое бытіе, именно изъ древнихъ общеславянскихъ, въ которыхъ плавному звуку предшествовалъ гласный звукъ о или е: борда—нѣм. Bart, лит. barda, русск. борода; мелко—нѣм. Milch, рус. молоко и т. п.

II. *Законъ зависимости гласныхъ отъ ударенія.*

Когда въ словѣ имѣется болѣе одного гласнаго звука, то при выговариваніи такого слова мы одинъ изъ гласныхъ звуковъ произносимъ съ большимъ напряженіемъ, съ большею силою, нежели другіе звуки, съ большимъ, такъ сказать, *ударомъ* голоса на немъ, почему это явленіе и названо *ударенiемъ*. Говоря, напримѣръ, слово труба, мы произносимъ звукъ *а* рѣзче, сильнѣе, отчетливѣе, нежели первый гласный звукъ этого слова.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ мѣсто ударенія въ словахъ отличается замѣчательнымъ постоянствомъ; во французскомъ оно всегда бываетъ на послѣднемъ гласномъ звукѣ слова, въ польскомъ на предпослѣднемъ. Русскій языкъ въ отношеніи ударенія не отличается постоянствомъ: онъ въ одномъ и томъ же словѣ можетъ дѣлать удареніе на разныхъ мѣстахъ. Слово „приговоръ“ мы иногда произносимъ съ удареніемъ на и: при́говоръ, а иногда съ удареніемъ на послѣднемъ о: пригово́ръ; слово „голова́“ мы произносимъ съ удареніемъ на послѣднемъ гласномъ, а „го́лову“—съ удареніемъ на первомъ гласномъ.

Когда какой гласный надо произносить съ удареніемъ, этому мы незамѣтно научаемся съ дѣтства, упражняясь въ разговорѣ, но выяснить причины ударенія и подвести его подъ опредѣленный законъ пока еще никому не удалось.

Всѣ гласные звуки, на которые падаетъ удареніе, не возбуждаютъ въ насъ сомнѣнія относительно своей природы; тѣ же звуки, на которыхъ не дѣлается ударенія, иногда вызываютъ сомнѣніе въ ней, потому что произносятся не такъ рѣзко и выпукло, какъ ударяемые гласные.

Такъ, слово *голова* мы, привыкшіе къ московскому говору, произносимъ *гылава* или *галава*, но никогда не выговариваемъ его, отчеканивая въ немъ каждое о—*голова*. Съ такой отчетливостью говорятъ только люди съ такъ называемымъ верховымъ говоромъ на о.

Но если при измѣненіи слова удареніе падаетъ на гласный, бывшій раньше безъ ударенія, то онъ произносится согласно съ написаніемъ, напримѣръ: го́ловы, голо́въ, голо́вка.

Гласные звуки *а*, *о* и сложные *я*, *е* (*ѣ*) оставаясь безъ ударенія, чаще всего испытываютъ замѣну другими гласными; напримѣръ, мы говоримъ *рыдавой* вмѣсто *родовой*, *ридавой* вмѣ-

сто *рядовой*, *вада* вмѣсто *вода*, *митёный* вмѣсто *метёный*, *билить* вмѣсто *бѣлить* и т. п.

Это явленіе, составляющее законъ русскаго языка, можно выразить такъ: гласные звуки произносятся и слышатся всего отчетливѣе тогда, когда на нихъ падаетъ удареніе.

Этимъ закономъ пользуются въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе въ томъ, какъ надо написать слово. Положимъ, я затрудняюсь, какъ написать слово колоть: *а* или *о* поставить послѣ *к*. Я начинаю измѣнять это слово такъ, чтобы удареніе пришлось на звукъ, слѣдующій непосредственно за к, и нахожу формы колетъ, колотый; въ нихъ звукъ *о* послѣ *к* стоитъ подъ удареніемъ и потому слышится вполнѣ ясно и отчетливо, и я уже увѣренно пишу *колоть* а не *калоть*.

Основываясь на этомъ законѣ, я въ этой книжкѣ вездѣ пишу *о* послѣ шипящихъ, если на этотъ гласный падаетъ удареніе: шолковый, учоный и т. п. Но: шелкова́ трава, учéнье.

Подобно тому какъ въ одномъ словѣ мы удареніемъ выдѣляемъ одинъ гласный звукъ передъ другими, такъ въ связной рѣчи мы на нѣкоторыхъ словахъ измѣняемъ *тонъ* голоса, чѣмъ тоже выдѣляемъ ихъ передъ другими словами и этимъ придаемъ извѣстный оттѣнокъ смыслу всей рѣчи. Такъ, въ глубокомъ по мысли стихотвореніи Пушкина „Туча“ начальные стихи:

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день,

получаютъ разный смыслъ въ зависимости отъ того, прочтемъ ли мы въ нихъ подчеркивая слово *одна*, какъ обыкновенно это дѣлаютъ, или слово *ты*. Въ первомъ случаѣ получается впечатлѣніе, что поэтъ какъ будто сожалѣетъ объ одиночествѣ тучи, объ отсутствіи у нея товарокъ, что противорѣчитъ послѣднимъ четыремъ стихамъ этого стихотворенія. Во второмъ—получается впечатлѣніе недовольства ея присутствіемъ на безоблачномъ небѣ, что вполнѣ согласуется съ окончаніемъ стихотворенія.

Такъ какъ мы всегда говоримъ выдыхая воздухъ (при вдыханіи воздуха мы произносимъ слова только въ исключительныхъ случаяхъ), то удареніе гласныхъ называется *выдыхательнымъ* или *экспираторнымъ* (отъ латинскаго expiratio=выдыхъ); измѣненію же тона въ рѣчи дано названіе интонаціи, или музыкальнаго ударенія или тоническаго.

Если бы мы не дѣлали этихъ удареній въ своей рѣчи, то она была бы чрезвычайно однообразною, скучною и усыпительною, получилась бы не рѣчь, не разговоръ, а „дуда какая-то“, по народному выраженію. Человѣкъ не выноситъ монотонности и скуки; и возможно, что въ этомъ нерасположеніи къ однообразію и лежитъ причина ударенія въ словахъ.

УРОКЪ 8-й.

Законы гласныхъ звуковъ.

(Продолженіе 7-го урока).

III. *Законъ чередованія гласныхъ звуковъ.* Во многихъ сходныхъ словахъ, имѣющихъ такую общую часть, которая составляетъ ядро слова, его, такъ сказать, корень, изъ котораго выростаютъ сходныя слова,—согласные звуки этой общей части почти всегда остаются одни и тѣ же, а гласный звукъ ея такимъ постоянствомъ не обладаетъ. Возьмемъ, напримѣръ, слова: деру, дралъ, задиралъ, задорный; въ нихъ общая часть будетъ группа согласныхъ звуковъ *др*, между которыми въ одномъ случаѣ находится гласный звукъ *е*, въ другомъ—гласнаго совсѣмъ нѣтъ, въ третьемъ *и*, въ четвертомъ *о*. Эта замѣна одного гласнаго звука другимъ и полное его исчезновеніе, совершающіяся какъ бы по извѣстному порядку, по очереди или череду, представляютъ явленіе, извѣстное въ наукѣ о языкѣ подъ названіемъ *чередованія звуковъ*. Въ немъ наблюдается неотвратимость, почему оно и подведено подъ законъ, гласящій, что въ основной части сходныхъ словъ одинъ гласный звукъ можетъ замѣняться нѣкоторыми другими по очереди и даже совсѣмъ исчезать.

Почему именно происходитъ такое чередованіе гласныхъ, наука не дознялась еще. Хорошо пока и то, что она подмѣтила это явленіе и подвела его подъ опредѣленный законъ.

Не всякій гласный звукъ можетъ замѣняться любымъ гласнымъ звукомъ. Въ настоящее время твердо установлены слѣдующія чередованія:

1. Чередованіе звука *е*; его можно считать основнымъ.

е можетъ чередоваться съ *о*, *а*; везу, возить, важивать; несу, носить, нашивать.

$е_2$ можетъ чередоваться съ *о*, *а*, *и*, а также съ выпаденіемъ гласнаго звука: соб*е*ру, соб*о*ръ, соб*и*рать, собрать; ум*е*ръ, ум*о*рить, ум*а*ривать, ум*и*рать, умру; з*е*ркало, з*о*ркій, з*а*риться, вз*и*рать, зрѣть.

Я обозначилъ одинъ и тотъ же звукъ *е* цыфрами для того, чтобы показать разницу между ними, состоящую въ томъ, что *$е_1$* никогда не выпадаетъ въ сходныхъ словахъ, оно не способно къ выпаду, а *$е_2$* выпадаетъ.

Выпаденіе это хорошо объясняется тѣмъ, что слова, въ которыхъ гласный звукъ *е* теперь выпадаетъ, въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ имѣли на его мѣстѣ между согласными краткій гласный звукъ ь, утратившійся въ русскомъ языкѣ. Слова брать, умру писались по древне-церковно-славянски бьрати, ѹмьрѹ, подобно тому какъ мы и теперь въ нѣкоторыхъ словахъ пишемъ вмѣсто выпавшаго звука е букву ь: ледъ, льда, левъ, льва, темный, тьма; въ нѣкоторыхъ же словахъ не ставимъ этой буквы на мѣсто выпавшаго е: пень, пня, день, дня. Этотъ выпадающій звукъ *е* принято называть *бѣглымъ*, въ отличіе отъ невыпадающаго, который называютъ *постояннымъ*.

2. Чередованіе звука *о*.

Кромѣ бѣглаго звука *е* въ русскомъ языкѣ есть бѣглый звукъ *о*, который, какъ и постоянный звукъ *о*, также можетъ чередоваться съ другими.

$о_1$ можетъ чередоваться съ звукомъ *а*: д*о*ить, д*а*ивать; кр*о*шить, кр*а*шивать, кр*о*ить, выкр*а*ивать.

$о_2$ можетъ чередоваться съ *у*, *ы*, *а*, также съ выпаденіемъ гласнаго звука: д*о*хнуть, д*у*шный, зад*ы*хлецъ; б*о*дрый, б*у*дить, бдѣть, подб*а*дривать; л*о*жь, прил*ы*гать, лгать.

Изъ послѣдняго примѣра видно, что нѣкоторыя ступени чередованія (въ данномъ случаѣ ступень съ звукомъ *у*) могутъ и отсутствовать.

И здѣсь гласный звукъ *о* обозначенъ цыфрами для того, чтобы указать разницу между постояннымъ и бѣглымъ *о*. Постоянное *о*, какъ и постоянное *е*, не можетъ чередоваться съ выпаденіемъ гласнаго звука. Выпаденіе бѣглаго *о* объясняется тѣмъ, что въ древнее время на мѣстѣ выпада гласнаго звука находился краткій гласный звукъ ъ, теперь исчезнувшій въ русскомъ языкѣ. И дѣйствительно, въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ мы всегда встрѣчаемъ этотъ звукъ тамъ, гдѣ у насъ наблюдается выпаденіе гласнаго звука: лъгати, съпати, бъдѣти.

3. Изъ другихъ гласныхъ звуковъ отмѣчу чередованіе:

и съ *ѣ*: ви*с*ѣть—в*ѣ*съ, л*и*пнуть—л*ѣ*пить.

и послѣ гласныхъ съ *й*: на*и*тіе—на*й*ти.

и съ *ой*: б*и*ть—б*ой*, поч*и*ть—пок*ой*.

у съ *ов*: с*у*ю—с*ов*ать.

ю съ *ев*: кл*ю*ю—кл*ев*ать.

ы съ *в*, *ов*, *ав*, *у*, *ва*: пл*ы*ть-пл*ав*ать-пл*ов*ецъ; заб*ы*ть-заб*ве*ніе заб*ав*ить; сл*ы*ть-сл*ов*о-сл*ав*а-сл*у*хъ; кысн*ж*ти-к*в*асъ.

ѣ съ *а*: с*ѣ*сть-с*а*жать, л*ѣ*зть-л*а*зить.

Особенно замѣчательны чередованія звука *я*, которымъ мы замѣнили древне-церковно-славянскій ѧ. Послѣдній былъ, какъ сказано, носовымъ гласнымъ звукомъ и чередовался съ большимъ юсомъ ѫ, замѣненнымъ у насъ гласнымъ *у*, звѧкнути—звѫкъ, грѧзнѫти-грѫзъ. Это чередованіе юсовъ у насъ замѣнилось чередованіемъ *я* съ *у*: звякнуть—звукъ, грязь-грузъ. Обычно звукъ *я* съ *у* не чередуется, и если мы встрѣчаемъ у себя такое чередованіе, то это всегда указываетъ, что эти *я* и *у*—замѣстители юсовъ.

Въ этой же замѣнѣ древне-церковно-славянскаго ѧ звукомъ *я* лежитъ разгадка и того явленія, что въ нѣкоторыхъ словахъ нашего языка наблюдается чередованіе *гласнаго* звука съ *согласными* носовыми *м* и *н*, напримѣръ: м*я*ть—м*н*у, ж*а*ть—ж*м*у, ж*н*у, пожи*м*ать, пожи*н*ать, вз*я*ть—взи*м*ать, пон*я*ть—пони*м*ать, по*й*му, по*й*ма. Въ словахъ *мять*, *жать*, *взять*, *понять* и другихъ имъ подобныхъ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ въ основной части слова находился ѧ, который, какъ носовой, чередовался съ носовыми согласными: *ьм*, *им*, *йм*; *ьн*, *ин*, *ен*; *ън*, *он*: распѧти, расп*ь*нути, преп*ъ*на, зап*он*ка; жѧти, ж*ь*му, ж*ь*ну, пож*им*ати, пож*ин*ати; възѧти, въз*ь*му, въз*им*ати; понѧти, пріѧти, пріе*м*лемый, прі*ят*ный, прин*им*ать, пон*им*ати, по*й*му; (врем*я*—врем*ен*а).

Итакъ, замѣститель малаго юса *я* чередуется съ *у*, а еще можетъ чередоваться съ *м*, *н*, *ем*, *им*, *йм*, *ьм*, *ен*, *ин*, *он*, *ьн*.

Большой юсъ ѫ чередовался съ *ъм*, *ым*, *он*, напримѣръ дѫти, на-д*ъм*-енъ, на-д*ым*-атися; благо-ѫ-хати, благо-в-*он*-іе, в-*он*-я. У насъ ѫ замѣнился гласнымъ звукомъ *у*, который чередуется съ тѣми же группами звуковъ—*ым*, *он* и *м* (*ъм*): благо*у*хать, благов*он*іе; д*у*ть, над*м*енный, взд*ым*аться.

УРОКЪ 9-й.

Законы согласныхъ звуковъ.

Ознакомившись съ тремя законами гласныхъ звуковъ, перейдемъ къ законамъ, которымъ подчинены согласные звуки.

I. *Законъ чередованія согласныхъ звуковъ.* Нѣкоторые изъ согласныхъ звуковъ, находящихся въ основной части словъ, могутъ, какъ и гласные звуки, чередоваться съ другими согласными. При чередованіи ихъ нужно различать слѣдующіе случаи:

1, чередованіе задне-язычныхъ;

2, чередованіе передне-язычныхъ;

3, чередованіе губныхъ.

Первый случай—чередованіе задне-язычныхъ.

Въ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ задне-язычные могли стоять только передъ твердыми гласными а, о, у, ы, ѫ, ъ; если же вмѣсто этихъ гласныхъ почему-либо ставился звукъ й, ѣ, е, ь или гласный съ й передъ нимъ, то задне-язычные согласные всегда подвергались чередованію, которое происходило по двумъ ступенямъ: на 1-й—передъ *и* и *ѣ* задне-язычные чередовались съ передне-язычными *свистящими з, ц, с*; на 2-й—передъ *е, ь* и іотованными гласными задне-язычные чередовались съ передне-язычными *шипящими ж, ч, ш*, именно:

г чередовалось съ *з* и *ж*: Богъ, бози, бозѣ, Боже; слоуга слоузѣ, слоужю; могѫ, мози, мозѣте, можеши, возможьнъ.

к чередовалось съ *ц* и *ч*: человѣкъ, человѣци, человѣцѣ, человѣче, человѣчьскъ.

х чередовалось съ *с* и *ш*: доухъ, доуси, доусѣ, доуше; слоухъ, послоушьнъ.

Въ русскомъ языкѣ чередованіе задне-язычныхъ на первой ступени не соблюдается съ такою строгостью, какъ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ; они большею частью остаются на мѣстѣ нетронутыми, какъ были. Но иногда въ нѣкоторыхъ словахъ имѣется и первая ступень ихъ чередованія, напр., другъ—друзья, ликъ—лицемѣръ, духъ—дуся.

На второй ступени они у насъ, какъ и въ древне-церковно-славянскомъ, чередуются съ передне-язычными шипящими—*г* съ *ж*, *к* съ *ч*, *х* съ *ш*: богъ—божество, пророкъ—пророчество, страхъ—страшенъ, грѣхъ—грѣшенъ.

Второй случай—чередованіе передне-язычныхъ.

д чередуется съ *ж* и *жд*: ви*д*ѣть—ви*ж*у, чу*д*ной—чу*жд*ый чу*ж*ой.

т чередуется съ *ч* и *щ*: ле*т*ѣть—ле*ч*у, свѣ*т*ить—свѣ*ч*у—освѣ*щ*аю.

д и *т* чередуются также съ *с* въ тѣхъ случаяхъ, когда за ними слѣдуетъ *т*, *л*, и *м*, напримѣръ: ве*д*-у—ве*с*-ти вмѣсто вед-ти; пле*т*-у—пле*с*-ти вмѣсто плет-ти; гу*д*-у—гу*с*-ти, гу*с*-ли; я*д*-ъ—я*с*-тва, я*с*-ли; ме*т*-у—ме*с*-ти, вмѣсто мет-ти; чо*т*-ъ счо*т*-ъ—счи*т*-ать—счи*с*-леніе, чи*с*-ло.

з чередуется съ *ж*: ма*з*ать—ма*ж*у;

с чередуется съ *ш*: пи*с*ать—пи*ш*у;

ц чередуется съ *ч*: оте*ц*ъ—оте*ч*ескій.

Сюда же умѣстно отнести чередованіе согласныхъ сочетаній: 1) *ск* и *ст* съ *щ*: ло*ск*ъ—ло*щ*оный, во*ск*ъ—во*щ*аный, и*ск*ать—и*щ*у, о*ск*омина—*щ*емить, м*ст*ить—м*щ*у, гру*ст*ить-гру*щ*у, пу*ст*ить—пу*щ*у; 2) *гт* и *кт* съ *ч*: могу, мо*гт*и—мо*ч*ь, пеку, пе*кт*и—пе*ч*ь.

Третій случай—чередованіе губныхъ.

Чередованіе губныхъ состоитъ въ томъ, что къ нимъ присоединяется плавный звукъ *л*: *б—бл*, *в—вл*, *п—пл*, *м—мл*, *ф—фл*. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ губного согласнаго долженъ стоять гласный *ю* или же *е*: то*п*ить—то*пл*ю—то*пл*еный; ло*в*ить—ло*вл*ю—ло*вл*енный; исто*м*ить—исто*мл*ю—исто*мл*енный; возлю*б*ить—возлю*бл*ю—возлю*бл*енный; тра*ф*ить—тра*фл*ю—тра*фл*ено и т. п.

Строго говоря, это не есть чередованіе, потому что тутъ губной звукъ не исчезаетъ и не замѣняется другимъ. Здѣсь происходитъ тѣсное соединеніе (но не сліяніе) губного звука съ плавнымъ; губной звукъ какъ бы спаивается съ плавнымъ, овлажняется, такъ сказать, имъ (припомнимъ, что у насъ словомъ плавный передано греческое влажный), отчего губной получаетъ кажущуюся гибкость или плывучесть и мягкость.

УРОКЪ 10-й.

Законы согласныхъ звуковъ.

(Продолженіе 9-го урока.)

II. *Законъ замѣны звонкихъ согласныхъ звуковъ глухими въ концѣ слова.*

Во всѣхъ случаяхъ, когда конечный гласный звукъ слова, стоящій послѣ звонкаго согласнаго, исчезаетъ почему-либо, то вмѣсто звонкаго согласнаго всегда произносится и слышится глухой, напримѣръ: раб-а—рап (вмѣсто раб), друг-а—друк (вмѣсто друг), кров-и—крофь (вмѣсто кровь), нож-а—нош (вмѣсто нож) и т. п.

Въ основѣ этого закона, какъ говорятъ, лежитъ начало или принципъ сбереженія силы, вѣрнѣе-же—принципъ лѣни, столь свойственной русскому человѣку. Чтобы произнести звонкій согласный, мышечныя волокна голосовыхъ связокъ должны сократиться, т. е. произвести работу; при произношеніи же глухихъ согласныхъ этой работы голосовыя связки не дѣлаютъ. Лишній разъ отдохнуть во время разговора—имъ на руку. У англичанъ этого не наблюдается: въ словѣ *догъ* (собака) у нихъ отчетливо слышится на концѣ *г*, въ словѣ *крабъ* (морской ракъ) отчетливо слышится *б*. Англичане—народъ экономный, разсчетливый, но нелѣнивый. Если бы въ этомъ законѣ былъ замѣшанъ принципъ сбереженія силы, они не преминули бы имъ воспользоваться.

Въ сущности, это явленіе представляетъ собою особый видъ чередованія согласныхъ.

Законъ этотъ служитъ основаніемъ правила, въ силу котораго мы пишемъ на концѣ слова звонкій согласный, хотя вмѣсто него и произносимъ и слышимъ глухой. Правило это гласитъ: если конечный согласный звукъ, по присоединеніи къ нему гласнаго, слышится какъ звонкій, то звонкій и надо писать въ концѣ слова; если же онъ по присоединеніи гласнаго звука по прежнему слышится какъ глухой, то глухой и надо писать въ концѣ слова. Примѣры: трудъ—труда, трутъ—трута; стогъ—стога, стокъ—стока; прудъ—пруда, прутъ—прута и т. п.

III. *Законъ уподобленія согласныхъ звуковъ.* Если въ написанномъ словѣ стоятъ рядомъ два такихъ согласныхъ звука, изъ которыхъ одинъ звонкій, а другой глухой, то они произносятся и слышатся или оба какъ звонкіе, или оба какъ глухіе, смотря

по тому, какимъ будетъ второй звукъ. Онъ всегда пересиливаетъ первый. Если второй звонкій, а первый глухой,—оба произносятся какъ звонкіе; если второй глухой, а первый звонкій, оба произносятся какъ глухіе, напримѣръ: *ложка*, *трубка*, *гладкій*, *обтесывать* мы произносимъ *лошка*, *трупка*, *глаткій*, *оптесывать*,—мѣняемъ звонкіе на глухіе; слова: *сдобный*, *отборный*, *отгребать* мы произносимъ *здобный*, *одборный*, *одгребать*.

И этотъ законъ является тоже частнымъ случаемъ чередованія согласныхъ. Въ основѣ и этого закона лежитъ начало сбереженія силъ или, вѣрнѣе, неповоротливость, лѣнца мышцъ.

Этими законами можно и ограничиться. Я изложилъ ихъ вкратцѣ, но если ты пожелаешь ознакомиться съ ними подробнѣе, обратись къ другимъ книгамъ по языкознанію; ихъ у насъ достаточно.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о явленіяхъ языка, не обладающихъ всеобщностью и неотвратимостью и обусловленныхъ скорѣе какъ бы его капризами или прихотью, чѣмъ необходимостью. О нихъ смотри въ слѣдующемъ урокѣ.

УРОКЪ 11-й.

Прихоти или капризы языка.

Къ прихотямъ языка я отношу всѣ тѣ звуковыя явленія, въ которыхъ обнаруживаются стремленія языка къ чему-то новому, но стремленія недостаточно настойчивыя, въ которыхъ воля творческаго генія [1]) языка колеблется и туда, и сюда, въ которыхъ неотвратимость естественнаго закона еще не видна ясно и опредѣленно. Къ такимъ прихотямъ я отношу *отпаденіе*, *выпаденіе*, *вставку* и *перестановку* звуковъ.

Отпаденіемъ звука называется его исчезновеніе въ концѣ слова.

Выпаденіемъ называется исчезновеніе звука въ срединѣ слова.

---

[1]) Подъ геніемъ языка нужно понимать ту духовную силу въ народѣ, которая творитъ формы словъ, самыя слова и обороты языка.

Вставкой называется появленіе сторонняго, пришлаго звука въ началѣ или срединѣ слова.

Перестановкой называется взаимное перемѣщеніе однихъ звуковъ на мѣсто другихъ.

Отпадать, выпадать, вставляться и перестановляться могутъ какъ гласные, такъ и согласные звуки. Отмѣчу сперва эти явленія въ гласныхъ звукахъ.

А. *Отпаденіе гласныхъ.*

Было говорено уже, что гласныя буквы *я, е (ѣ), ё, ю* изображаютъ не одинъ, а два звука, именно: *йа, йэ, йо, йу*. Когда послѣдній двойной звукъ *(йу)* окажется въ концѣ слова и притомъ послѣ гласнаго звука, то у него очень часто звукъ *у* не произносится, его отбрасываютъ; оставляютъ лишь звукъ *й*. Напримѣръ, вмѣсто вод*ою*=вод*ойу* говорятъ и пишутъ вод*ой*,—*у* отпадаетъ; также: трав*ою*=трав*ойу*—трав*ой*, стѣн*ою*=стѣн*ойу*—стѣн*ой*.

Подобнымъ образомъ могутъ отпадать въ концѣ слова гласные звуки *е, и, ы*: уж*е*—ужъ, ж*е*—жъ, нест*и*—несть, чтоб*ы*—чтобъ, б*ы*—бъ; напримѣръ, говорятъ: ужъ я бъ ему показалъ! или я б*ы* уж*е* показалъ ему!

Сложный звукъ *я=йа* также можетъ отпадать въ концѣ слова: моюс*я*—моюсь.

Но всѣ эти отпаденія необязательны; можно ихъ дѣлать, можно и не дѣлать—какъ кто вздумаетъ.

Выпаденіе гласныхъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда два гласныхъ, одинаковыхъ или разныхъ, стоятъ рядомъ; одинъ изъ нихъ можетъ тогда выпасть, исчезнуть, напримѣръ: вмѣсто пр*и*-*и*детъ мы говоримъ и пишемъ: пр*и*-детъ; вмѣсто дѣл*ае*тъ иногда говорятъ (но не пишутъ): дѣл*а*тъ. Выпадаетъ звукъ, требующій большей мышечной работы.

Вставка гласныхъ звуковъ между согласными. При стеченіи согласныхъ звуковъ между ними иногда вставляются бѣглые гласные *е* и *о*, напримѣръ: земля—зем*е*ль, стекло—стек*о*лъ вмѣсто земль и стеклъ.

Б. *Отпаденіе согласныхъ.*

Гласный звукъ *л*, оказавшись при измѣненіи слова на концѣ его, послѣ трехъ паръ согласныхъ *б* и *п*, *г* и *к*, *з* и *с* и плавнаго *р* отпадаетъ; но если на концѣ слова появится гласный звукъ, то *л* остается, напримѣръ: гребъ вмѣсто греб*л*ъ, но:

гребла; ослѣпъ, ослѣпла; могъ, могла; мокъ, мокла; лѣзъ, лѣзла; пасъ, пасла; умеръ, умерла.

Выпаденіе согласныхъ.

1) Зубные *д* и *т* выпадаютъ передъ *н* въ словахъ, оканчивающихся на *нуть* и *лъ*: вянуть вмѣсто вя*д*нуть—увядать; взглянуть вмѣсто взгля*д*нуть—взглядывать; плелъ вмѣсто пле*т*лъ—плету.

2) Губные *б*, *п* и задне-язычные *г*, *к* выпадаютъ передъ *н* въ словахъ, оканчивающихся на *нуть*: г-нуть вмѣсто г*б*нуть (цсл. гъбнѫти, гыбкый—гибнуть, гибкій); уснуть вм. ус*п*нуть, откуда: ус*п*еніе, ус*о*пшій, усы*п*альница; тиснуть вм. тис*к*нуть, тис*к*ать; подвинуть и подви*г*нуть.

При встрѣчѣ двухъ губныхъ одинъ можетъ выпадать: об-лако вмѣсто об-*в*лако; об-ласть вм. об-*в*ласть; но: об-вязать и обязать.

Вставка согласныхъ звуковъ между гласными.

Когда въ словѣ встрѣчаются рядомъ два или три гласныхъ звука, какъ, напримѣръ, въ словахъ Іоаннъ, Іоакимъ, то такое явленіе называется *зіяніемъ*. Это названіе дано потому, что при стеченіи гласныхъ ротъ зіяетъ или остается раскрытымъ, полымъ долѣе, чѣмъ при произношеніи одного гласнаго звука. Нашъ языкъ не любитъ этой, такъ сказать, полоротости, онъ старается по возможности устранять ее или отбрасываніемъ нѣкоторыхъ гласныхъ звуковъ или вставкой между ними согласныхъ. Такъ изъ Іоанна мы сдѣлали Ивана, изъ Іоакима—Акима, изъ Іоанникія—Анику.

Вставляются между гласными слѣдующіе согласные звуки:

в—да-*в*-ать, дѣ-*в*-ать, на-*в*-ыкнуть, на-*в*-ыкъ.

д—и-*д*-у вмѣсто и-у, бу-*д*-у вмѣсто бу-у.

н—о *н*-емъ вмѣсто о емъ, у *н*-его вмѣсто у его; также въ словахъ, перешедшихъ къ намъ изъ древне-церковно-славянскаго языка: въ-н-оушити, въ-н-имати,—в*н*ушить, в*н*имать, в-*н*-ять; съѣдать—с-*н*-ѣдь.

Сюда же надо отнести и прибавку согласныхъ къ словамъ, начинающимся съ гласнаго звука, напримѣръ: *в*осемь вмѣсто осемь, *в*острый вмѣсто острый, *г*ужи вмѣсто ужи и др.

Иногда между согласными звуками вставляются, точно изъ прихоти, тоже согласные, напр.: вс-*т*-рѣча вмѣсто всрѣча, ноз-*д*-ри вмѣсто нос-ри, ин-*д*-евѣть вмѣсто иневѣть.

Перестановка звуковъ наблюдается при встрѣчѣ нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ съ плавными: м*ра*моръ отъ м*ар*моръ, *краль, краля* отъ *Карлъ, сыворотка* (вѣрнѣе—сывородка) отъ сы*рово*дка (нѣм. Käsewasser) и др.

Вотъ почти всѣ главныя звуковыя явленія, наблюдаемыя въ нашемъ языкѣ. Большинство ихъ состоитъ въ замѣнѣ однихъ звуковъ другими. Всѣ эти явленія суть „вѣянія духа“. Геній языка, духъ его посредствомъ ихъ какъ бы ищетъ новыхъ путей для болѣе полнаго обнаруженія своей мощи и красоты. Полезно въ научномъ отношеніи научиться замѣчать эти явленія въ словахъ родного языка, полезно выработать въ себѣ наблюдательность къ нимъ. Это достигается вдумчивымъ и любовнымъ отношеніемъ къ родному слову, составляющему весьма слабый и несовершенный отзвукъ или отраженіе того Слова, Которое „искони бѣ“, Которымъ „вся быша“ и безъ Котораго „ничтоже бысть, еже бысть“.

Но какъ бы слабо и несовершенно ни было это отраженіе Вѣчнаго Слова, все-таки есть и

Въ немъ таинственная сила,

ибо оно Любовью дано.

Полюби и ты свой родной языкъ, о которомъ одинъ изъ образованнѣйшихъ и даровитѣйшихъ нашихъ писателей на склонѣ дней своихъ, живя на чужбинѣ, вдали отъ родины, на которой въ ту пору творилось много нехорошаго, вынужденъ былъ сказать слѣдующее:

„Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ! Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома? Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу“.

Ты—дитя этого народа. Не пренебрегай же достояніемъ, которое онъ передалъ тебѣ въ видѣ родного языка. Будь достойною наслѣдницею.

Ученіе о словахъ или морфологія.

УРОКЪ 12-й.

О частяхъ рѣчи и о составныхъ частяхъ словъ.

Перехожу къ той части грамматики, которая разсматриваетъ составъ и измѣненіе словъ.

Такъ какъ всѣхъ словъ въ нашемъ языкѣ чрезвычайно много, настолько много, что всѣ ихъ одинъ человѣкъ не въ силахъ знать и удержать въ памяти, то, понятно, въ грамматикѣ нельзя разсмотрѣть каждое слово въ отдѣльности, какъ это можно сдѣлать съ звуками русской рѣчи.

Но такъ какъ каждое слово или словечко нашей рѣчи что-нибудь да означаетъ, какой-нибудь оттѣнокъ да придаетъ ей, то вникая въ значеніе словъ, не трудно замѣтить между ними кое-что общее, что позволяетъ разбить ихъ на разряды, смотря по тому, названіе чего они означаютъ. Такъ съ ними и сдѣлали. Руководясь значеніемъ словъ, ихъ раздѣляютъ на девять разрядовъ, которые называютъ *частями рѣчи.*

Частью рѣчи, стало быть, называется вся, иногда очень большая, группа словъ, объединенныхъ какимъ-нибудь общимъ признакомъ, относящимся къ ихъ значенію.

Этимъ девяти частямъ рѣчи дали такое названіе: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, мѣстоименіе, глаголъ, нарѣчіе, предлогъ, союзъ и междометіе. Почему ихъ такъ назвали, выяснится дальше при разсмотрѣніи каждой части въ отдѣльности.

Часто и отдѣльное слово называютъ той частью рѣчи, къ которой оно относится; напримѣръ, вмѣсто того чтобы сказать, что слово „книга" относится къ разряду словъ, который зовется именемъ существительнымъ, ради краткости говорятъ, что книга есть имя существительное.

Первыя шесть частей рѣчи называютъ *знаменательными* или *полнозначными*, потому что слова ихъ имѣютъ ясное значеніе или знаменуютъ что-нибудь; предлогъ и союзъ—*служебными*, потому

что они, не имѣя яснаго значенія, служатъ только для связи отдѣльныхъ словъ или для указанія какого-нибудь отношенія между ними.

Если мы возьмемъ нѣсколько словъ, относящихся къ разнымъ частямъ рѣчи, напримѣръ: тройка, тройной, третій, троить, втрое, то замѣтимъ, что у нихъ есть общіе звуки, которые, указывая на сходство въ значеніи, роднятъ всѣ эти слова между собою.

Эти общіе звуки можно уподобить корню куста, пускающему родственные побѣги въ разныя стороны. По сходству съ корнемъ растеній ихъ тоже зовутъ *корнями* словъ. Итакъ, *корень слова* есть какая-нибудь группа звуковъ, общая многимъ словамъ, родственнымъ между собою по значенію.

Корнемъ слова обыкновенно бываетъ сочетаніе нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ иногда въ соединеніи съ однимъ гласнымъ, а иногда и безъ него. Есть также корни, состоящіе изъ одного гласнаго или согласнаго звука. Присоединяя къ корню слова то спереди, то сзади другіе звуки, мы можемъ производить отъ него другія слова, которыя поэтому и называются *производными*.

Звуки, присоединяемые къ корню спереди, къ его началу, называютъ *приставками* или *префиксами* (отъ латинскаго praefigo, что значитъ приколачиваю, прибиваю спереди); звуки, присоединяемые къ корню сзади, къ его концу, называются *суффиксами* (отъ латинскаго suffigo, что значитъ приколачиваю сзади). Возьмемъ, напримѣръ, слово разрубать,—въ немъ *руб* будетъ корень, *раз*—приставка или префиксъ, *а*+*ть*—суффиксы или, по-русски, набивки сзади.

Суффиксы сейчасъ не имѣютъ такого яснаго смысла, какъ корень, но въ древнѣйшую пору они сами были самостоятельными корнями указательнаго значенія, почему ихъ нѣкоторые языковѣды и назвали указательными корнями въ отличіе отъ основныхъ корней словъ, которые названы корнями сказательными. Для грамматики главное значеніе имѣютъ не сказательные корни, а приставленные къ нимъ суффиксы (концы словъ), потому что въ каждомъ языкѣ не мало словъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ, или имѣющихъ общее происхожденіе, но концы этимъ словамъ каждый языкъ придаетъ свои. Эти окончанія и служатъ главнымъ отличительнымъ признакомъ каждаго языка. Напримѣръ, въ словахъ дом-ъ, dom-us (дом-усъ), *δόμ-ος* (дом-осъ), имѣющихъ одинъ и тотъ же корень *дом*, мы по окончаніямъ

ихъ судимъ о томъ, что первое слово русское, второе—латинское, а третье—греческое.

Если слово не имѣетъ ни суффиксовъ, ни префиксовъ, то оно называется *первообразнымъ* или *первичнымъ*, т. е. имѣющимъ тотъ первоначальный видъ или образъ, въ какомъ геній языка на свѣтъ его произвелъ.

Есть слова, которыя составлены или сложены изъ двухъ или болѣе словъ, напримѣръ: хлѣбопекъ, землепашецъ, пароходовладѣлецъ и т. п. Такія слова называются *сложными*.

Необязательно, чтобы въ построеніи или образованіи каждаго слова непремѣнно участвовали всѣ три части—корень, префиксъ и суффиксъ. Есть слова, въ которыхъ имѣются только двѣ части—корень и префиксъ или же корень и суффиксъ или даже одна—корень.

По своему происхожденію суффиксы и префиксы представляютъ собою или корни какой-нибудь части рѣчи или измѣненный суффиксъ, взятый отъ другой части рѣчи. Есть и такіе суффиксы, происхожденіе которыхъ не ясно.

Было уже отмѣчено, что одно и то же слово можетъ являться въ разныхъ видахъ, можетъ измѣнять свою форму. Съ этой точки зрѣнія всѣ части рѣчи дѣлятъ на два отдѣла: *измѣняемыя и неизмѣняемыя части рѣчи*. Къ первымъ относятся всѣ имена, мѣстоименія и глаголы, ко вторымъ—всѣ остальныя части рѣчи.

Итакъ, слова, съ точки зрѣнія ихъ значенія, дѣлятъ на девять *частей рѣчи*; полагая въ основу дѣленія измѣненіе внѣшней формы словъ, ихъ дѣлятъ на *измѣняемыя* и *неизмѣняемыя*; а съ точки зрѣнія ихъ состава, ихъ, такъ сказать, архитектуры, постройки, слова дѣлятъ на *первообразныя, производныя* и *сложныя*.

УРОКЪ 13-й.

Имя существительное.

Всѣ слова, называющія какой-нибудь предметъ, существующій въ природѣ или только въ нашемъ умѣ, называются *именами существительными* (отъ слова существо). Они отвѣчаютъ на вопросы: кто или что это?

Предметомъ называютъ всякую вещь, которую мы можемъ замѣтить нашими органами внѣшнихъ чувствъ или представить

умомъ. Стало быть, все, что мы можемъ взять въ руки, понюхать, отвѣдать, услышать, увидѣть, вообразить умомъ,—словомъ, все, что можетъ предстать, промелькнуть предъ нашимъ умственнымъ или тѣлеснымъ взоромъ, *мет*нуться *предъ* нимъ, все это будутъ *пред-меты*.

Предметы, видимые тѣлесными очами, бываютъ двухъ родовъ: одни одарены жизнью и имѣютъ душу; ихъ называютъ *одушевленными*. Къ нимъ грамматика относитъ всѣ существа животнаго царства, каковы, напримѣръ, человѣкъ, конь, левъ, орелъ и т. п. Другіе предметы или совсѣмъ души не имѣютъ или она не такъ явно видна, какъ у представителей животнаго міра,—ихъ называютъ *неодушевленными*. Къ нимъ грамматика относитъ всѣ предметы растительнаго и минеральнаго царствъ.

Такое раздѣленіе идетъ изъ глубокой древности, когда люди не знали еще, что между жизнью животнаго и растенія рѣзкой разницы по существу нѣтъ.

Предметы, представляемые или постигаемые умомъ, тоже двоякаго рода: одни *духовные*, дѣйствительно существующіе, каковы, напримѣръ, Богъ, душа и т. п., другіе только порожденіе нашего ума, предметы *воображаемые*; они, строго говоря, не предметы, а *качества* и *дѣйствія* предметовъ видимыхъ и духовныхъ, напримѣръ: доброта, творчество, защита, наказаніе и т. п.

Умъ человѣческій, замѣчая въ предметахъ какое-нибудь качество, способенъ опредмечивать его, т. е. представлять его въ видѣ предмета. Смотря на *бѣлую* скатерть, покрывающую столъ, на *бѣлыя* салфетки, положенныя на *бѣлыя* тарелки, человѣкъ можетъ думать о *бѣлизнѣ* этихъ предметовъ и сравнивать, напримѣръ, бѣлизну салфетокъ съ бѣлизною тарелокъ.

Бѣлизна не есть предметъ, который мы могли бы взять въ руки и осязать; бѣлизна есть только качество предмета, умомъ нашимъ отторгнутое, отвлеченное отъ него, представляемое какъ предметъ.

То же самое нужно сказать и относительно дѣйствій предметовъ. Человѣкъ, напримѣръ, колетъ дрова или щеплетъ лучину,—эти дѣйствія нашъ умъ способенъ представлять какъ *колку* и *щепанье*. Колка съ щепаньемъ тоже не суть предметы, это—дѣйствія предмета, тѣмъ не менѣе умъ и ихъ опредмечиваетъ.

Такія опредмеченныя качества и дѣйствія называются предметами *умственными*, потому что они, какъ предметъ, суще-

ствуютъ только въ нашемъ умѣ. Ихъ называютъ еще *отвлеченными*, потому что умъ нашъ, опредмечивая ихъ, совершаетъ работу, которую называютъ *отвлеченіемъ*, или отнятіемъ признака отъ предмета.

Умственнымъ, или отвлеченнымъ предметамъ, а также и духовнымъ противопоставляются предметы, которые мы воспринимаемъ органами внѣшнихъ чувствъ: конь, домъ, дерево, вода и т. д. Такіе предметы называютъ *конкретными*—отъ латинскаго concretus, что значитъ плотный, сгустившійся, доступный ощупи (дословно: *сросшійся* изъ разныхъ частей).

Дѣленіе именъ существительныхъ по значенію: имена собственныя, нарицательныя, собирательныя и вещественныя.

Съ ранняго возраста мы знаемъ, что каждый изъ членовъ нашей родной семьи называется особымъ именемъ, только ему одному принадлежащимъ; у отца свое собственное имя, у матери свое, у каждаго изъ братьевъ и сестеръ—тоже. Это дѣлается съ цѣлью отличить одинъ предметъ отъ другихъ, похожихъ на него. Такія слова называютъ именами *собственными*, т. е. принадлежащими только одному единственному предмету. Ими называютъ каждаго единичнаго человѣка, каждую отдѣльную мѣстность, каждое отдѣльное заводское или домашнее животное и т. п., напримѣръ: сестра Ольга, братъ Ростиславъ, дочь Лада, городъ Казань, рѣка Волга, лошадь Вьюнъ, корова Звѣздочка и т. д. Слова Ольга, Ростиславъ, Лада, Казань, Волга, Вьюнъ, Звѣздочка будутъ именами собственными; ихъ, по установившемуся у насъ обычаю, принято писать всегда съ большой буквы.

Общее же слово, которымъ мы нарицаемъ, т. е. называемъ, каждый отдѣльный предметъ одного и того же рода или вида, зовется именемъ *нарицательнымъ*, напримѣръ: человѣкъ, конь, городъ, рѣка, столъ и т. п.

Тѣ и другія имена, т. е. собственныя и нарицательныя, могутъ употребляться не только для названія отдѣльныхъ предметовъ, но и для названія множества ихъ, представляемаго нашимъ умомъ какъ нѣчто единое, напримѣръ: стадо, табунъ, отара, полкъ, Чудь, Литва, Черемиса и проч. Слова, подобныя только что приведеннымъ и употребляемыя нами для обозначенія собранія однородныхъ предметовъ, называютъ именами *собирательными*.

Особый видъ именъ собирательныхъ представляютъ слова: означающіе какое-нибудь вещество или матеріалъ, напримѣръ, молоко, масло, чернила, песокъ, мука, корье, дубнякъ и т. п. Такія имена называютъ *вещественными*.

Отличить имя вещественное отъ собирательнаго можно такъ: если часть предмета сохраняетъ то же названіе, что и весь предметъ, то данное слово будетъ именемъ вещественнымъ; если же часть предмета не сохраняетъ прежняго названія, а именуется иначе, то данное слово будетъ именемъ собирательнымъ. Возьмемъ, напримѣръ, молоко,—сколько бы его ни взяли, много ли, мало ли, все равно, мы любое его количество называемъ молокомъ; слѣдовательно, молоко—имя вещественное; но полкъ называется полкомъ, только пока онъ не раздѣленъ на части; разныя его части именуются уже иначе, смотря по величинѣ: батальонъ, рота, взводъ, солдатъ. Точно также: цѣлое зовется табуномъ, а часть табуна—лошадью; цѣлое—отара, а часть ея—овца, цѣлое—Литва, часть ея—литвинъ.

УРОКЪ 14-й.

О родахъ и числахъ именъ существительныхъ.

Въ одушевленныхъ предметахъ мы замѣчаемъ различіе между существами мужского пола и женскаго. Это различіе отражается и на словахъ, означающихъ эти предметы. Существа женскаго пола у одного и того же вида иногда называются совсѣмъ другимъ словомъ, нежели существа мужского пола, напримѣръ: отецъ—мать, братъ—сестра, быкъ—корова, баранъ—овца, селезень—утка и т. п.; чаще однако для обозначенія лицъ и животныхъ женскаго пола измѣняютъ лишь нѣсколько слово, означающее существо мужского пола, напримѣръ: волкъ—волчиха, медвѣдь—медвѣдица, голубь—голубка, гусь—гусыня, купецъ—купчиха, учитель—учительница и т. д. Но еще больше словъ, которыя безъ всякаго измѣненія въ формѣ употребляются одинаково какъ для существъ мужского пола, такъ и для женскаго, напр.: малиновка, кукушка, севрюга, окунь, мышь, лягушка и проч.

Смысловая особенность или черта въ словѣ, позволяющая намъ судить о полѣ существъ, называется *грамматическимъ родомъ*.

Нашъ языкъ не довольствуется различеніемъ родовъ въ названіяхъ одушевленныхъ предметовъ. По какимъ-то, пока еще невыясненнымъ въ точности мотивамъ или побужденіямъ, онъ это различеніе родовъ перенесъ и на названія предметовъ неодушевленныхъ. Можетъ быть, на это раздѣленіе неодушевленныхъ предметовъ по родамъ оказало вліяніе какое-нибудь сходство неодушевленныхъ предметовъ съ одушевленными, замѣчавшееся въ эпоху созданія языка, а нынѣ уже утратившееся, можетъ быть, вліяло что-нибудь другое, это—вопросъ пока темный, разрѣшить который предстоитъ поколѣніямъ, грядущимъ за нами стариками.

Геній нашего языка, отбирая названія однихъ предметовъ въ разрядъ мужского рода, другія въ разрядъ женскаго, какъ бы утомился этой работой и оставилъ ее недоконченной. Очень многія изъ названій неодушевленныхъ и отвлеченныхъ предметовъ остались не отнесенными ни въ тотъ, ни въ другой родъ, ни въ мужской, ни въ женскій; это своего рода никудашники въ языкѣ, какъ бываютъ никудашники въ жизни, т. е. люди не пристроившіеся, не приспособившіеся ни къ какой практической дѣятельности. Въ грамматикѣ эти слова причисляютъ къ среднему роду или нейтральному (отъ латинскаго neuter, которое дословно значитъ: ни тотъ ни другой, или никоторый).

Такимъ образомъ, нашъ языкъ различаетъ въ именахъ существительныхъ три рода: мужской, женскій и средній, или никаковскій.

При опредѣленіи рода именъ существительныхъ надо руководиться: 1) значеніемъ слова и 2) окончаніемъ слова.

Къ мужскому роду относятся:

1) по значенію—названія предметовъ одушевленныхъ мужского пола: царь, судья, старшина, мѣняло, подмастерье и т. п.

2) по окончанію—названія предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ, оканчивающіяся на *ъ, й* и нѣкоторыя на *ь*: столъ, улей, гвоздь, а также увеличительныя и уменьшительныя на *а, е, о*, произведенныя отъ именъ мужского рода (о нихъ см. дальше).

Къ женскому роду относятся:

1) по значенію—названія предметовъ одушевленныхъ женскаго пола: мать, тетя, невѣста, золовка и т. п.

2) по окончанію—названія предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ, оканчивающіяся на *а, я* и нѣкоторыя на *ь*: вода, земля, кость.

Къ среднему роду относятся:

1) по значенію—слова: дитя, чадо.

2) по окончанію—названія предметовъ на *о, е, мя*: болото, озеро, горе, поле, стремя и т. п.

Есть слова, которыя могутъ означать лицъ всѣхъ трехъ родовъ, напримѣръ: лѣвша, правша, тезка, невѣжа и т. п. Въ грамматикахъ ихъ называютъ именами *общаго* рода. Выдѣлъ ихъ въ особый родъ, пожалуй, излишенъ, потому что въ большинствѣ случаевъ всегда видно, къ которому изъ трехъ родовъ нужно отнести подобное слово.

Помимо окончаній родъ предметовъ неодушевленныхъ и отвлеченныхъ можно узнать еще такимъ образомъ: если къ имени существительному можно прибавить слово *тотъ*, оно будетъ мужского рода, если можно прибавить *та*, оно будетъ женскаго рода, если можно прибавить *то*, оно будетъ средняго рода, напримѣръ: тотъ гвоздь, та трость, то село, тотъ гнѣвъ, та робость, то усердіе.

О числахъ именъ существительныхъ.

Въ именахъ существительныхъ кромѣ родовыхъ различій замѣчаются еще различія количественныя. По окончанію слова видно, судитъ ли наша мысль объ одномъ предметѣ или въ кругъ ея разсмотрѣнія входитъ ихъ нѣсколько одинаковыхъ. Это количественное различіе въ именахъ существительныхъ называется въ грамматикѣ *числомъ*.

Русскій языкъ имѣетъ два грамматическихъ числа: *единственное* и *множественное*. Первое употребляется, когда рѣчь идетъ объ одномъ предметѣ, второе—когда говорится о двухъ и болѣе предметахъ, напримѣръ: гус-ь, гус-и; вод-а, вóд-ы.

Не всѣ имена существительныя имѣютъ оба числа. Есть существительныя, которыя употребляются только въ одномъ единственномъ числѣ или въ одномъ множественномъ, напримѣръ: Казань, Волга, мѣдь, серебро, глухота, косьба, Починки, Щигры, сливки, дровни, святки, спожинки, родины и проч.

Какія слова употребляются въ одномъ единственномъ, какія въ одномъ множественномъ, этому научаетъ, главнымъ образомъ, упражненіе въ разговорѣ, а также и хорошіе словари.

УРОКЪ 15-й.

О склоненіи и падежахъ именъ существительныхъ.

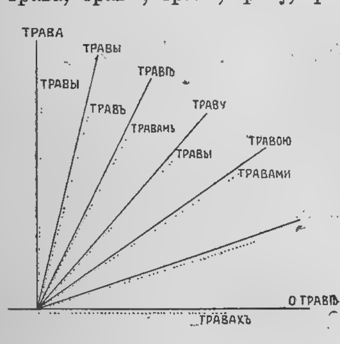
> Ipsi termini grammatici slavonicis vocabulis potius obscurati, quam explicati sunt, v. g. declinatio vocatur склоненіе.
>
> *Ludolfus.*

Мы уже видѣли, знакомясь съ грамматическимъ родомъ и числомъ, что имена существительныя способны мѣнять свой внѣшній видъ, причемъ значеніе слова становится нѣсколько иное (въ смыслѣ пола и количества). Разсмотримъ теперь измѣненіе существительныхъ для обоихъ чиселъ исключительно внѣшнее, на значеніи слова не отражающееся и называемое *склоненіемъ по падежамъ* (κλίσις, declinatio).

Прежде чѣмъ излагать эти измѣненія, остановимся на выясненіи терминовъ *склоненіе* и *падежъ*,—на томъ основаніи, что никогда не нужно употреблять словъ, не осмысливши ихъ, иначе наши представленія не будутъ обладать ясностью, опредѣленностью. Неясности вообще надо избѣгать, потому что неясныя, неопредѣленныя представленія нашего ума ведутъ къ неопредѣленнымъ, а иногда и несправедливымъ поступкамъ.

Чтó въ имени склоняется или нагибается? чтó въ немъ, откуда и куда падаетъ?

Еще древніе греки замѣтили, что нѣкоторыя слова способны мѣнять одно свое окончаніе на другое. Возьмемъ, къ примѣру, слово трава. Оно можетъ имѣть нѣсколько формъ; можно сказать: трава, травы, травѣ, траву, травою, трáвы, травъ, травамъ и т. д.

Возникъ вопросъ, какую изъ многихъ формъ одного и того же имени существительнаго надо считать начальной, главной? На него было отвѣчено такъ: за начальную форму имени существительнаго надо считать ту, которая отвѣчаетъ на вопросъ: кто это? или что это? и которая означаетъ только одинъ предметъ, а не нѣсколько ихъ. Въ нашемъ примѣрѣ эта форма будетъ: трава.

На всѣ прочія формы посмотрѣли какъ на смѣщеніе и отклоненіе въ сторону отъ начальной, за отхожденіе отъ нея, какъ указано на чертежѣ.

Греки назвали это *отклоненіе въ сторону* на своемъ языкѣ словомъ клисисъ (χλίσις), что значитъ наклонъ, нагибъ, потому что формы слова, по мѣрѣ отхожденія отъ начальной, наклоняются или опускаются все ниже и ниже. Римляне, ученики грековъ въ дѣлѣ обработки языка, передали это слово на своемъ языкѣ словомъ деклинаціо (declinatio, отклоненіе; de=отъ, clinatio=клоненіе). Первые авторы грамматикъ русскаго языка, составляя ихъ, главнымъ образомъ, по образцу латинскихъ, заимствовали изъ послѣднихъ многіе грамматическіе термины и дали ихъ въ русскомъ переводѣ, иногда весьма неудачномъ; терминъ деклинаціо былъ переведенъ словомъ *склоненіе*, которое такъ и осталось въ нашей грамматикѣ до сихъ поръ. Лучше, конечно, было бы говорить *отклоненіе*, но такъ уже всѣ привыкли къ слову склоненіе, что перемѣнить его на другое и думать нечего.

Формы имени существительнаго, отклоняющіяся или отходящія въ сторону отъ начальной, можно представлять въ умѣ такимъ образомъ, что онѣ окружаютъ начальную всѣ на равномъ разстояніи отъ нея, на подобіе лепестковъ вѣнчика у цвѣтка; но можно представлять ихъ и такъ, что онѣ одна за другою все дальше и дальше отходятъ въ одну сторону отъ начальной, постепенно понижаясь на подобіе нисходящей музыкальной гаммы. Древніе греческіе грамматисты именно такъ и представляли ихъ себѣ.

Положимъ, взято слово *трава*. Это есть начальная форма слова, стоящая прямо или *прямая*, никуда не отклоняющаяся и не падающая. Слѣдующая форма взятаго нами слова будетъ уже отклоненіемъ отъ начальной и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженіемъ.

Тому *мѣсту*, на которомъ отклонившаяся форма слова рисовалась ихъ воображенію остановившеюся, они дали названіе: *паденіе* (по гречески πτῶσις—птосисъ, по латыни casus). Мы бы по духу нашего языка назвали его скорѣе *высотой* или *ступенью*, нежели *паденіемъ*. На этомъ паденіи или пониженіи (по нашему—на этой высотѣ или ступени) помѣщалась вторая форма слова: травы. Слѣдующая форма слова будетъ еще дальше отклонена отъ начальной, а потому и большее пониженіе или паденіе претерпитъ. На этомъ паденіи (высотѣ, ступени) помѣ-

щалась третья форма слова: травѣ. Третье отклоненіе отъ начальной формы будетъ еще дальше и еще ниже, нежели второе паденіе. Четвертое паденіе еще ниже. Больше не было паденій формъ имени у грековъ.

Если же представлять себѣ отклоняющіяся формы слова расположенными около главной на подобіе лепестковъ вѣнчика у цвѣтка, то всѣ онѣ будутъ находиться на одной высотѣ, слѣдовательно будетъ только одно паденіе или ступень. Понятно, такое представленіе въ виду многихъ формъ одного и того же слова не пріемлемо.

Такимъ образомъ, когда грекъ произносилъ слово *паденіе*, онъ первоначально связывалъ съ нимъ представленіе *о мѣстѣ*, на которомъ рисовалась его воображенію форма слова, остановившаяся при отклоненіи. Съ теченіемъ времени это представленіе *мѣста* заслонилось представленіемъ самой *формы* слова и названіе паденіе было перенесено на самую форму слова.

Наши грамматисты латинское слово казусъ (casus), означающее по-русски паденіе, перевели неуклюжимъ словомъ *падежъ*, которое и донынѣ прочно держится въ грамматикѣ.

Въ настоящее время смыслъ этихъ терминовъ затемненъ, и слова: *склоненіе*, *падежъ* кажутся какъ бы безсмысленными, дикими. На самомъ дѣлѣ это не такъ: термины эти очень образны, и въ нихъ есть смыслъ, только надо докопаться до него, сдѣлать небольшую грамматическую раскопку въ книжныхъ курганахъ, оставшихся послѣ древнихъ грековъ, подобно тому, какъ любители древности дѣлаютъ археологическія раскопки въ полевыхъ курганахъ.

Падежей или паденій формъ имени существительнаго въ русскомъ языкѣ въ каждомъ числѣ семь: именительный, звательный, родительный, дательный, винительный, творительный и предложный.

Именительный падежъ считается *прямымъ*, а всѣ остальные *косвенными* или косыми.

Изъ приложеннаго чертежа довольно ясно видно, почему древніе греки, а вслѣдъ за ними и мы, назвали всѣ падежи, за исключеніемъ именительнаго (по ихнему прямого), *косвенными* или косыми, т. е. стоящими косо, не прямо.

Названія нѣкоторыхъ падежей не совсѣмъ вразумительны, благодаря плохому переводу съ греческаго. Для разъясненія названій первыхъ пяти падежей нужно обратиться къ древнему греку. Онъ намъ сказалъ бы вотъ что:

То, что вы считаете падежомъ *именительнымъ*, мы, греки, первоначально *падежомъ не считали*. Это у насъ была основная, начальная форма слова, стоявшая, какъ выше сказано, прямо и никуда не отклонявшаяся, не падавшая, поэтому мы и называли ее *прямою* (εὐθεῖα). Наши подражатели, римляне ошибочно отнесли ее къ падежамъ. Названа она у нихъ именительнымъ, потому что ею отвѣчаютъ на вопросъ кто или что это? она есть имя предмета.

Второй падежъ *звательный*,—названъ такъ потому, что имъ мы всегда зовемъ или окликаемъ тотъ предметъ, къ которому обращаемся за чѣмъ-нибудь.

Третій падежъ *родительный* мы, греки, называли *родовымъ* (отъ слова родъ), вы же его названіе произвели отъ слова родитель. Это невѣрно. Виноваты въ этомъ тоже римляне: они невѣрно перевели наше слово родовой, а вы теперь имъ слѣдуете. Ваши же предки въ старину называли его тоже родовымъ или ро́днымъ. Назвали его мы такъ потому, что имъ очень часто указывается родъ или сортъ какого-нибудь предмета: стадо коровъ, охапка хвороста, одонье ржи, урожай овса, пшеницы, запахъ розы, левкоя.

Четвертый падежъ *дательный*,—названъ такъ потому, что имъ указываютъ тотъ предметъ, которому что-нибудь даютъ или поручаютъ.

Пятый падежъ *винительный*,—мы называли его иначе. Наше названіе этого падежа *этіатики* (αἰτιατική) взято отъ слова *этэо* (αἰτέω), что значитъ домогаюсь чего-нибудь или стремлюсь, устремляюсь къ чему-нибудь,—по вашему надо было бы сказать *устремительный* или *домогательный* падежъ. Въ этомъ падежѣ мы ставили (да и вы то же дѣлаете) названія предметовъ, на которые устремлено или направлено чье-нибудь дѣйствіе. Римляне, переводя наше названіе падежа по латыни и думая, что оно происходитъ отъ слова *этіа* (αἰτία), что значитъ вина, передали его словомъ accusativus, которое вы и перевели буквально *винительный*, т. е. обвиняющій; и у римлянъ и у васъ получилось названіе несообразное съ нашимъ. Для насъ было бы немыслимымъ сказать, что въ фразѣ: судья *оправдалъ* преступника, слово „преступника“ стоитъ въ *винительномъ* падежѣ. Мы этимъ падежомъ никого не винили и не обвиняли. Такъ объяснилъ бы древній грекъ названія этихъ падежей.

Творительнаго и предложнаго падежей въ греческомъ языкѣ не было. Винительный падежъ у грековъ былъ послѣднимъ и приходился подъ прямымъ угломъ къ именительному, какъ нашъ предложный.

Творительный падежъ у насъ получилъ свое названіе потому, что онъ часто указываетъ предметъ, которымъ что-нибудь дѣлается или творится.

Послѣдній падежъ у насъ названъ *предложнымъ*, такъ какъ онъ всегда имѣетъ передъ собою часть рѣчи, называемую предлогомъ. Безъ предлога онъ никогда не употребляется.

У Пушкина есть прекрасное стихотвореніе „Возрожденіе":

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.

* * *

Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.

Подобно пушкинскому художнику - варвару и время - варваръ зачернило, замалевало смыслъ греческой терминологіи. Но пора удалить „чуждыя краски" съ картины, оставленной намъ греческимъ геніемъ.

УРОКЪ 16-й.

Склоненіе именъ существительныхъ мужского рода.

Достаточно бѣглаго взгляда на формы имени существительнаго, чтобы замѣтить въ нихъ двѣ части: одну постоянную, а другую мѣняющуюся. Первая названа *основою* слова. Она представляетъ какъ бы его фундаментъ, основаніе, нѣчто прочное, на чемъ воздвигаются другія части болѣе легкія, нестойкія, измѣнчивыя. Вторая часть слова, которая измѣняется по падежамъ (по ступенямъ), названа *окончаніемъ*.

Вмѣсто слова *окончаніе* очень часто употребляютъ иностранное слово *флексія*, т. е. отгибъ или загибъ, потому что какъ

разъ передъ ней слово дѣлаетъ какъ бы перегибъ, вродѣ листа бумаги, на двѣ части: постоянную и мѣняющуюся.

Хотя я и сказалъ, что основа слова представляетъ собою часть слова постоянную, однако тутъ нужно сдѣлать оговорку: при измѣненіи слова можетъ встрѣтиться такое сочетаніе звуковъ, при которомъ и основа должна нѣсколько измѣниться согласно съ законами чередованія звуковъ, например: *ухо—уши*, *око—очи*, *другъ—друзья*.

Окончанія падежей надо очень хорошо запомнить, чтобы не дѣлать ошибокъ ни на письмѣ, ни въ разговорѣ.

Падежи именъ мужского рода, оканчивающихся на **ъ**, имѣютъ въ большинствѣ случаевъ слѣдующія окончанія:

	Един. число.	Множ. число.
И.	**ъ**	**ы**
З.	сходенъ съ именительнымъ.	
Р.	**а**	**овъ**
Д.	**у**	**амъ**
В.	сходенъ съ именит. или родительнымъ.	
Т.	**омъ**	**ами**
П.	**ѣ**	**ахъ.**

Почему для падежныхъ окончаній взяты именно эти, а не иные звуки, что именно они означаютъ, это вопросъ пока въ точности невыясненный.

Для примѣра просклоняемъ слова *слонъ* и *долъ*.

	Един. число		Множ. число.	
И.	слон-**ъ**	дол-**ъ**	слон-**ы**	дол-**ы**
З.	слон-**ъ**	дол-**ъ**	слон-**ы**	дол-**ы**
Р.	слон-**а**	дол-**а**	слон-**овъ**	дол-**овъ**
Д.	слон-**у**	дол-**у**	слон-**амъ**	дол-**амъ**
В.	слон-**а**	дол-**ъ**	слон-**овъ**	дол-**овъ**
Т.	слон-**омъ**	дол-**омъ**	слон-**ами**	дол-**ами**
П. о	слон-**ѣ**	дол-**ѣ**	слон-**ахъ**	дол-**ахъ.**

Изъ этого примѣра видно, что винительный падежъ именъ мужского рода на **ъ** сходенъ съ родительнымъ, если слово называетъ предметъ одушевленный, и съ именительнымъ, если оно называетъ предметъ неодушевленный.

Отъ этого образца бываютъ уклоненія, къ указанію которыхъ по порядку падежей и чиселъ и перехожу.

1. Зват. падежъ един. числа слова Богъ имѣетъ форму Боже (г чередуется съ ж), но говорятъ также и Богъ: о, мой Богъ!

Въ старину зват. пад. оканчивался на **е**.

2. Родительн. падежъ един. числа вмѣсто **а** можетъ оканчиваться иногда на **у**. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда слово обозначаетъ вещество и указываетъ его количество точно или неопредѣленно, напримѣръ: творогъ, сахаръ, медъ и т. п. Скажемъ ли мы фунтъ мед*а* или фунтъ мед*у*, пудъ сахар*а* или пудъ сахар*у*, подлить уксус*а* или уксус*у*,—будетъ одинаково хорошо и понятно.

3. Творительн. падежъ един. числа вмѣсто **омъ** оканчивается на **емъ**. Это бываетъ послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и передне-язычнаго *ц* въ томъ случаѣ, если удареніе находится не на окончаніи, напр.: а́гнц*емъ*, мѣсяц*емъ*, му́ж*емъ*, това́рищ*емъ* и т. п.

4. Предложный падежъ един. числа вмѣсто **ѣ** послѣ предлоговъ *въ*, *на* можетъ оканчиваться на **у**, причемъ удареніе слова всегда переносится на окончаніе (въ родительномъ же удареніе остается прежнее), напр.: въ сор*у*, въ отпуск*у*, въ терем*у*, въ лѣс*у*, на угл*у*, на дом*у* и т. п.; но говорятъ и пишутъ также: въ со́р*ѣ*, въ о́тпуск*ѣ*, въ те́рем*ѣ*, на до́м*ѣ* и т. п.

5. Именительный падежъ множеств. числа: а) послѣ шипящихъ *ж*, *ч*, *ш*, *щ* и задненебныхъ *г*, *к*, *х* вмѣсто **ы** оканчивается на **и**: нож*и*, меч*и*, шалаш*и*, товарищ*и*, сапог*и*, рак*и*, слух*и*. Особнякомъ стоитъ слово: чертъ—черт*и*; б) можетъ вмѣсто **ы** и **и** оканчиваться на **а**, причемъ удареніе всегда переносится на окончаніе слова: жернов*а́*, бурав*а́*, снѣг*а́*, вѣк*а́*, ястреб*а́* и т. п., но говорятъ и пишутъ также: жо́рнов*ы*, снѣ́г*и*, вѣ́к*и*, я́стреб*ы* и т. п.; в) можетъ вмѣсто **ы** и **и** оканчиваться на **ья**: друз*ья*, лоскут*ья*, кол*ья*, волос*ья* и проч., но говорятъ и пишутъ также: друг*и*, лоскут*ы*, кол*ы*, волос*ы* и проч.

6. Имена, оканчивающіяся въ единств. числѣ на **инъ**, во всѣхъ падежахъ множеств. числа отбрасываютъ слогъ **ин**, а имен. падежъ вмѣсто **ы** оканчивается на **е**, родительный же пад. вмѣсто **овъ** на **ъ**: крестьян*инъ*—крестьян-*е*, крестьян-*ъ*, граждан*инъ*—граждан-*е*, граждан-*ъ*, дворян*инъ*—дворян-*е*, дворян-*ъ* и т. п. Но слово татар*инъ* имѣетъ въ множ. числѣ имен. пад. татар*ы*; также говорятъ и пишутъ бояр*ы* и бояр*е*.

7. Имена, оканчивающіяся на **енок**, во множ. числѣ замѣняютъ суффиксъ **енок** суффиксомъ **ят**, а именит. и родит. падежи вмѣсто **и** и **овъ** оканчиваются на **а** и **ъ**: тел-*енокъ*—тел-*ят-а*, тел-*ят-ъ*, кут-*енокъ*—кут-*ят-а*, кут-*ят-ъ*.

Но нѣкоторыя изъ такихъ именъ могутъ и не мѣнять суффикса *енок* на *ят*, напр. цыпленокъ—цыпленки (и цыпл*ята*), утенокъ—утенки (и ут*ята*).

8. Родительн. падежъ множеств. числа вмѣсто **овъ** оканчивается: а) на **ей** послѣ шипящихъ: нож*ей*, меч*ей*, шалаш*ей*, товарищ*ей*, а также въ словахъ: люд*ей*, сосѣд*ей*, холоп*ей*, черт*ей*; б) на **евъ** въ именахъ, оканчивающихся въ имен. пад. множ. числа на **ья**: коль*евъ*, лоскуть*евъ*.

Въ прочихъ падежахъ особенностей нѣтъ.

Иногда такія уклоненія формъ соединены съ измѣненіемъ въ значеніи слова, напримѣръ: зубы (во рту) и зубья (у бороны), хлѣбы (въ печи) и хлѣба (въ полѣ) и т. п.

Въ начальной грамматикѣ невозможно перечислить всѣ такія уклоненія. Они, а также и тѣ, о которыхъ рѣчь будетъ дальше, лучше всего усваиваются отъ общаго всѣхъ учителя— повседневнаго употребленія языка: надо больше читать образцовыхъ писателей и, главное, прислушиваться къ *живой рѣчи* лицъ, хорошо говорящихъ по-русски. Этимъ развивается такъ называемое чутье языка, которое подсказываетъ намъ, *какъ* когда надо сказать.

УРОКЪ 17-й.

Склоненіе именъ существительныхъ мужского рода.

(Продолженіе 16-го урока).

Падежи именъ мужского рода, оканчивающихся на **ь**, имѣютъ слѣдующія окончанія:

	Един. число	Множ. число
И.	**ь**	**и**
З.	какъ именительный	
Р.	**я=йа**	**ей**
Д.	**ю=йу**	**ямъ=йамъ**
В.	сходенъ съ именит. или родительн.	
Т.	**емъ**	**ями=йами**
П.	**ѣ**	**яхъ=йахъ.**

Какъ видно, почти всѣ окончанія падежей именъ на **ь** похожи на окончанія именъ на **ъ**. Разница лишь въ томъ, что одни іотованныя, т. е. присоединяютъ й, а другія нѣтъ. Относительно сходства винительнаго падежа съ именительнымъ или родительнымъ должно сказать то же, что было сказано объ именахъ на ъ.

Для примѣра просклоняемъ слова *конь* и *гвоздь*.

	Един. число		Множ. число	
И.	кон-**ь**,	гвозд-**ь**	кон-**и**,	гвозд-**и**
З.	кон-**ь**,	гвозд-**ь**	кон-**и**,	гвозд-**и**
Р.	кон-**я**,	гвозд-**я**	кон-**ей**,	гвозд-**ей**
Д.	кон-**ю**,	гвозд-**ю**	кон-**ямъ**,	гвозд-**ямъ**
В.	кон-**я**,	гвозд-**ь**	кон-**ей**,	гвозд-**и**
Т.	кон-**емъ**,	гвозд-**емъ**	кон-**ями**,	гвозд-**ями**
П. о	кон-**ѣ**,	гвозд-**ѣ**	кон-**яхъ**,	гвозд-**яхъ**.

Какъ и въ именахъ на **ъ**, отъ этого образца также бываютъ уклоненія. Они слѣдующія:

1) Родительный падежъ един. числа въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ именахъ на **ъ**, можетъ оканчиваться на **ю**, напр. въ извѣстной поговоркѣ: бочка мед*у* да ложка дегт*ю*.

2) Предложн. падежъ един. числа вмѣсто **ѣ** можетъ оканчиваться на **ю** въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ словахъ на **ъ**, и тоже съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ: сапоги въ дегт*ю*, голова во хмѣл*ю*.

3) Именительный падежъ множеств. числа: а) вмѣсто **и** можетъ иногда оканчиваться на **я** съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ, напримѣръ: учител*я*, якор*я*, вексел*я* и проч.; б) вмѣсто **и** можетъ оканчиваться на **ья**: якор*ья*, угол*ья*, корен*ья* и проч.

Когда какое окончаніе во всѣхъ этихъ случаяхъ нужно ставить, общаго правила нѣтъ; тутъ надо руководиться чутьемъ языка.

Имена на **й**.

Падежи именъ мужского рода на **й** имѣютъ, за исключеніемъ родит. падежа множеств. числа, тѣ же самыя окончанія, что и имена на **ь**. Родительный же падежъ множественнаго въ именахъ на **й** оканчивается на **евъ**.

Образецъ склоненія на **й**: *герой, бой.*

	Един. число		Множ. число	
И.	геро-**й**,	бо-**й**	геро-**и**,	бо-**и**
З.	геро-**й**,	бо-**й**	геро-**и**,	бо-**и**
Р.	геро-**я**,	бо-**я**	геро-**евъ**,	бо-**евъ**
Д.	геро-**ю**,	бо-**ю**	геро-**ямъ**,	бо-**ямъ**
В.	геро-**я**,	бо-**й**	геро-**евъ**,	бо-**и**
Т.	геро-**емъ**,	бо-**емъ**	геро-**ями**,	бо-**ями**
П.	о геро-**ѣ**,	бо-**ѣ**	геро-**яхъ**,	бо-**яхъ**.

И здѣсь винительный падежъ сходенъ съ родительнымъ, если слово называетъ предметъ одушевленный, и съ именительнымъ, если—предметъ неодушевленный.

Въ именахъ на **й** тоже бываютъ уклоненія отъ образца.

1) Родит. падежъ един. числа вмѣсто **я** можетъ оканчиваться на **ю** въ тѣхъ случаяхъ, какъ и въ именахъ на **ъ** и **ь**: пудъ кле*ю*, фунтъ ча*ю*.

2) Предложн. падежъ един. числа вмѣсто **ѣ** можетъ оканчиваться на **ю** съ переносомъ ударенія на послѣдній слогъ: на *бою*, въ стр*ою*.

Кромѣ того, онъ оканчивается на **и**, если основа слова оканчивается на звукъ **і**, напр. о генi*и*, о Васил*іи*.

3) Именит. падежъ множ. числа вмѣсто **и** можетъ оканчиваться на **я**: дальніе кра*я*.

Изъ приведенныхъ образцовъ и уклоненій отъ нихъ видно, что окончанія падежей нельзя считать чѣмъ-то незыблемымъ, чѣмъ-то прочно и на вѣки установившимся. Это и понятно. Языкъ, какъ и всякій живой организмъ, живетъ, а все живое не можетъ пребывать неизмѣннымъ. Оно порою быстро, порою медленно, но постоянно мѣняетъ свой обликъ; подобно струѣ воды, все живое не можетъ стоять неподвижно на мѣстѣ. „*Все струится*", сказалъ одинъ древній мудрецъ. И это глубокая правда. И живая природа, и мертвая одинаково не остаются безъ измѣненія, ибо повсюду въ мірѣ разлитъ *Животворящій* Духъ, который испоконъ вѣковъ неустанно и доселѣ вновь и вновь „вся премудростію" творитъ. Не мѣняется только Онъ одинъ, Премудрый и Непостижимый.

УРОКЪ 18-й.

Склоненіе именъ существительныхъ женскаго рода.

Имена женскаго рода оканчиваются или на **а**, или на **я**, или на **ь**.

Окончанія падежей именъ на **а** слѣдующія:

	Един. число	Множ. число
И.	**а**	**ы**
З.	**а**	**ы**
Р.	**ы**	**ъ**
Д.	**ѣ**	**амъ**
В.	**у**	сход. съ И. или Р.
Т.	**ою**	**ами**
П.	**ѣ**	**ахъ**

Въ качествѣ образца просклоняемъ слова: *корова* и *нива*.

	Един. число		Множ. число	
И.	коров-**а**,	нив-**а**	коров-**ы**,	нив-**ы**
З.	коров-**а**,	нив-**а**	коров-**ы**,	нив-**ы**
Р.	коров-**ы**,	нив-**ы**	коров-**ъ**,	нив-**ъ**
Д.	коров-**ѣ**,	нив-**ѣ**	коров-**амъ**,	нив-**амъ**
В.	коров-**у**,	нив-**у**	коров-**ъ**,	нив-**ы**
Т.	коров-**ою**,	нив-**ою**	коров-**ами**,	нив-**ами**
П.	о коров-**ѣ**,	нив-**ѣ**	коров-**ахъ**,	нив-**ахъ**

Отъ этого образца бываютъ уклоненія:

1) Родит. падежъ един. числа послѣ шипящихъ *ж, ч, ш, щ* и задне-небныхъ *г, к, х* вмѣсто **ы** оканчивается на **и**: лу́ж*и*, свѣч*и́*, но́ш*и*, тё́щ*и*, ног*и́*, рук*и́*, блох*и́*.

2) Творит. падежъ единств. числа вмѣсто **ою** можетъ оканчиваться на **ой** (въ силу отпаденія гласныхъ звуковъ). Оба окончанія считаются одинаково хорошими.

3) Именит. падежъ множеств. числа послѣ шипящихъ *ж, ч, ш, щ* и задне-небныхъ *г, к, х* оканчивается вмѣсто **ы** на **и**: лу́ж*и*, свѣ́ч*и*, но́ш*и*, тё́щ*и*, но́г*и*, ру́к*и*, бло́х*и*.

4) Родительн. падежъ множеств. числа въ нѣкоторыхъ именахъ съ основой на шипящіе *ж, ч, ш, щ* принимаетъ окончаніе **ей** вмѣсто **ъ**: возж*ей*, парш*ей*.

Окончанія падежей именъ на **я** слѣдующія:

	Един. число	Множ. число
И.	**я**	**и**
З.	**я**	**и**
Р.	**и**	**ь**
Д.	**ѣ**	**ямъ**
В.	**ю**	сход. съ им. или род.
Т.	**ею**	**ями**
П.	**ѣ**	**яхъ**

Примѣръ склоненія: *цапля, пуля.*

	Един. число		Множ. число	
И.	цапл-**я**,	пул-**я**	цапл-**и**,	пул-**и**
З.	цапл-**я**,	пул-**я**	цапл-**и**,	пул-**и**
Р.	цапл-**и**,	пул-**и**	цапел-**ь**,	пул-**ь**
Д.	цапл-**ѣ**,	пул-**ѣ**	цапл-**ямъ**,	пул-**ямъ**
В.	цапл-**ю**,	пул-**ю**	цапел-**ь**,	пул-**и**
Т.	цапл-**ею**,	пул-**ею**	цапл-**ями**,	пул-**ями**
П.	о цапл-**ѣ**,	пул-**ѣ**	цапл-**яхъ**,	пул-**яхъ**

Отъ этого образца бываютъ уклоненія:

1) Предл. пад. един. числа у именъ съ основой на **і** оканчивается на **и**: на лині*и*, о Марі*и*.

2) Въ родительн. падежѣ множеств. числа:

а) многія слова на **ня** имѣютъ окончаніе **ъ** вмѣсто **ь**: бой*ня*—боен*ъ*, баш*ня*—башен*ъ*, вечер*ня*—вечерен*ъ*, обѣд*ня*—обѣден*ъ*, сот*ня*—сотен*ъ*, спаль*ня*—спален*ъ* и т. п.

б) многія слова имѣютъ окончаніе **ей** вмѣсто **ь**: клешн*я*—клешн*ей*, ноздр*я*—ноздр*ей*, распр*я*—распр*ей*, рохл*я*—рохл*ей*, чешу*я*—чешу*й*, коле*я*—коле*й*.

в) нѣкоторыя слова на **я**, имѣющія передъ нею букву **ь**, оканчиваютъ родительный падежъ множ. числа на **ій**: колдун*ья*—колдун*ій*, шалун*ья*—шалун*ій*, молон*ья*—молон*ій* и т. п.

Окончанія падежей именъ на **ь** слѣдующія:

	Един. число	Множ. число
И.	**ь**	**и**
З.	**ь**	**и**
Р.	**и**	**ей**
Д.	**и**	**ямъ**
В.	**ь**	сход. съ им. или р.
Т.	**ью**	**ями**
П.	**и**	**яхъ**

Примѣръ склоненія: *свекровь, кость.*

	Един. число		Множ. число	
И.	свекров-**ь**,	кост-**ь**	свекров-**и**,	кост-**и**
З.	свекров-**ь**,	кост-**ь**	свекров-**и**,	кост-**и**
Р.	свекров-**и**,	кост-**и**	свекров-**ей**,	кост-**ей**
Д.	свекров-**и**,	кост-**и**	свекров-**ямъ**,	кост-**ямъ**
В.	свекров-**ь**,	кост-**ь**	свекров-**ей**,	кост-**и**
Т.	свекров-**ью**,	кост-**ью**	свекров-**ями**,	кост-**ями**
П.	о свекров-**и**,	кост-**и**	свекров-**яхъ**,	кост-**яхъ**

Уклоненій отъ этого образца немного:

1) слова *мать* и *дочь* во всѣхъ формахъ, кромѣ именит., звательн. и винит. падежей един. числа, принимаютъ предъ окончаніями такъ называемое *наращеніе*, т. е. прибавочные звуки, **ер**: мат-*ер*-и, доч-*ер*-и, мат-*ер*-ью, доч-*ер*-ью, мат-*ер*-ей, доч-*ер*-ей и. т. д.

2) въ словахъ *дочь, дверь, лошадь, плеть, кость* и нѣкоторыхъ другихъ творительный падежъ множ. числа можетъ имѣть окончаніе *ями* и *ьми:* дочер*ями*, дочер*ьми*, кост*ями*, кост*ьми*, лошад*ями*, лошад*ьми* и проч.

3) слово *церковь* въ дательн., творит. и предложн. падежахъ множеств. числа имѣетъ окончанія *амъ, ами, ахъ* вмѣсто *ямъ, ями, яхъ:* церкв*амъ*, церкв*ами*, о церкв*ахъ*.

УРОКЪ 19-й.

Склоненіе именъ существительныхъ средняго рода.

Имена средняго рода оканчиваются на **о**, **е**, **мя**.

Окончанія падежей именъ на **о** слѣдующія:

	Един. число	Множ. число
И.	**о**	**а**
З.	**о**	**а**
Р.	**а**	**ъ**
Д.	**у**	**амъ**
В.	**о**	**а**
Т.	**омъ**	**ами**
П.	**ѣ**	**ахъ**

Мы видимъ, что эти окончанія, исключая именит., зват. и винит. падежа обоихъ чиселъ и родит. множ. числа, тѣ же самыя, что и въ именахъ мужского рода на **ъ**, почему нѣкоторые учоные и относятъ ихъ къ одному склоненію.

Въ качествѣ образца приведу склоненіе словъ *озеро* и *болото:*

	Един. число		Множ. число	
И.	озер-**о**,	болот-**о**	озер-**а**,	болот-**а**
З.	озер-**о**,	болот-**о**	озер-**а**,	болот-**а**
Р.	озер-**а**,	болот-**а**	озер-**ъ**,	болот-**ъ**
Д.	озер-**у**,	болот-**у**	озер-**амъ**,	болот-**амъ**
В.	озер-**о**,	болот-**о**	озер-**а**,	болот-**а**
Т.	озер-**омъ**,	болот-**омъ**	озер-**ами**,	болот-**ами**
П.	объ озер-**ѣ**,	о болот-**ѣ**	озер-**ахъ**,	болот-**ахъ**

Уклоненія отъ этого образца слѣдующія:

1) Слова, оканчивающіяся на **ко**, всѣ, кромѣ словъ *войско* и *облако*, имѣютъ въ именительномъ падежѣ множеств. числа окончаніе **и** вмѣсто **а**: лы*ко*—лык*и*, окош*ко*—окош*ки*, древ*ко*—древ*ки*, *око*—оч*и* а также ух*о*—уш*и*. Слова *дно* и *судно* имѣютъ въ именительн. множеств. числа двоякую форму: дн*ы* и дон*ья*, судн*ы* (въ значеніи домашней утвари) и суд*а* (въ значеніи корабля, баржи). Слова *звено*, *полѣно* иногда имѣютъ во множеств. числѣ форму: звен*ья*, полѣн*ья*.

2) Родит. падежъ множ. числа словъ *облако*, *очко*, *яблоко* оканчиваются на **овъ** вмѣсто **ъ**: облак*овъ*, очк*овъ*, яблок*овъ* (говорятъ и яблок*ъ*). Въ словахъ *око* и *ухо* родит. пад. множеств. числа оканчивается на **ей**: оч*ей*, уш*ей*.

3) *Колѣно* склоняется во множеств. числѣ трояко:

1. Колѣн*а*, колѣн*ъ*, когда говорятъ о племенахъ народовъ, родствѣ, пѣніи, плясках, напримѣръ: двѣнадцать колѣн*ъ* израилевыхъ, бракъ между родственниками въ четвертомъ колѣн*ѣ* не дозволяется, въ пѣніи соловья нѣсколько колѣн*ъ*, выказывать колѣн*а* въ пляскѣ.

2. Колѣн*и*, колѣн*ей*, когда говорится о части человѣческаго тѣла: ушибить колѣн*и*, молиться на колѣн*яхъ*.

3. Колѣн*ья*, колѣн*ьевъ*, когда говорится о частяхъ ствола растеній или орудій: колѣн*ья* тростника.

Слова *небо* и *чудо* во всѣхъ падежахъ множеств. числа принимаютъ предъ окончаніями падежей наращеніе *ес:* неб-*ес*-а, неб-*ес*-ъ, неб-*ес*-амъ и т. д.; чуд-*ес*-а, чуд-*ес*-ъ, чуд-*ес*-амъ и т. д.

Но когда подъ словомъ небо разумѣется часть рта, а подъ словомъ чудо—животное, то во множеств. числѣ не бываетъ прибавочныхъ звуковъ *ес*: неба, небъ, небамъ и т. д., чуда, чудъ, чудамъ и т. д., напр.: чуда морскія, чудъ морскихъ.

Окончанія падежей именъ существительныхъ на **е** слѣдующія:

	Един. число	Множ. число
И.	**е**	**я**
З.	**е**	**я**
Р.	**я**	**ей**
Д.	**ю**	**ямъ**
В.	**е**	**я**
Т.	**емъ**	**ями**
П.	**ѣ**	**яхъ**

И здѣсь замѣчается сходство съ склоненіемъ именъ мужского рода на **ь**, исключая именит., зват. и винит. пад. обоихъ чиселъ.

Примѣры: *море, поле.*

	Един. число		Множ. число	
И.	мор-**е**,	пол-**е**	мор-**я**,	пол-**я**
З.	мор-**е**,	пол-**е**	мор-**я**,	пол-**я**
Р.	мор-**я**,	пол-**я**	мор-**ей**,	пол-**ей**
Д.	мор-**ю**,	пол-**ю**	мор-**ямъ**,	пол-**ямъ**
В.	мор-**е**,	пол-**е**	мор-**я**,	пол-**я**
Т.	мор-**емъ**,	пол-**емъ**	мор-**ями**,	пол-**ями**
П.	о мор-**ѣ**,	пол-**ѣ**	мор-**яхъ**,	пол-**яхъ**

Уклоненій отъ этого образца немного:

1) если предъ окончаніемъ **е** имѣется **і**, то предложный падежъ един. числа оканчивается вмѣсто **ѣ** на **и**: о весел*іи*, о склонен*іи*. Но: объ остр*іѣ*, о лезв*іѣ*.

2) если предъ окончаніемъ *е* имѣется звукъ *і* или замѣняющій его *ь*, то родительный падежъ множ. числа оканчивается на **ій** вмѣсто **ей**: писан*іе*, писан*ье*—писан*ій*, плаван*іе*, плаван*ье*—плаван*ій*, оруд*іе*, оруд*ье*—оруд*ій*, помѣст*ье*—помѣст*ій*. Но: руж*ье*—руж*ей*, одон*ье*—одонь*евъ*.

Окончанія именъ существительныхъ на **мя**:

	Един. число	Множ. число
И.	м-**я**	м-**ен-а**
З.	м-**я**	м-**ен-а**
Р.	м-**ен-и**	м-**ен-ъ**
Д.	м-**ен-и**	м-**ен-амъ**
В.	м-**я**	м-**ен-а**
Т.	м-**ен-емъ**	м-**ен-ами**
П.	м-**ен-и**	м-**ен-ахъ**

Примѣръ: *бремя.*

	Един. число	Множ. число
И.	брем-**я**	брем-**ен-а**
З.	брем-**я**	брем-**ен-а**
Р.	брем-**ен-и**	брем-**ен-ъ**
Д.	брем-**ен-и**	брем-**ен-амъ**
В.	брем-**я**	брем-**ен-а**
Т.	брем-**ен-емъ**	брем-**ен-ами**
П.	о брем-**ен-и**	брем-**ен-ахъ**.

Имена на **мя** представляютъ ту особенность, что у нихъ въ именительномъ, звательномъ и винительномъ падежахъ един. числа, въ сущности, нѣтъ окончаній, потому что звукъ **я**, находящійся въ концѣ ихъ, принадлежитъ, строго говоря, къ основѣ слова, а не къ окончанію. Этотъ звукъ замѣнилъ собою церковно-славянскій ѧ=*ен*, чѣмъ и объясняется появленіе наращенія *ен* во всѣхъ остальныхъ падежахъ этихъ словъ, такъ что основа ихъ оканчивается не на *мя* а на *мен*.

По образцу слова бремя склоняются еще слова: время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, стремя, сѣмя, темя и употребляемыя только во множеств. числѣ слова: письмена, рамена, а также старинное слово ѣмена=ѣда (урожая хватило и на сѣмена и на ѣмена). Слово сѣмя въ род. падежѣ множ. числа имѣетъ форму *съмя́нъ*, но если удареніе удерживается на первомъ слогѣ, то говорится и пишется: *сѣменъ*.

УРОКЪ 20-й.

Склоненіе словъ: Господь, путь, дитя. О именахъ безъ единственнаго числа и о заимствованныхъ именахъ.

Кромѣ указанныхъ уклоненій есть нѣсколько существительныхъ, стоящихъ особнякомъ отъ всѣхъ другихъ; изъ нихъ отмѣтимъ слова: Господь, путь, дитя.

Склоняются они слѣдующимъ образомъ:

	Един. число	Множ. число
И.	Господ-**ь**	
З.	Господ-**и**	
Р.	Господ-**а**	
Д.	Господ-**у**	н ѣ т ъ
В.	Господ-**а**	
Т.	Господ-**омъ**	
П.	о Господ-**ѣ**	
И.	пут-**ь**	пут-**и**
З.	пут-**ь**	пут-**и**
Р.	пут-**и**	пут-**ей**
Д.	пут-**и**	пут-**ямъ**
В.	пут-**ь**	пут-**и**
Т.	пут-**емъ**	пут-**ями**
П.	о пут-**и**	пут-**яхъ**
И.	дит-**я**	дѣт-**и**
З.	дит-**я**	дѣт-**и**
Р.	дитят-**и**	дѣт-**ей**
Д.	дитят-**и**	дѣт-**ямъ**
В.	дит-**я**	дѣт-**ей**
Т.	дитят-**ею**	дѣт-**ьми**
П.	о дитят-**и**	дѣт-**яхъ**

Отъ слова теля употребительна форма телят*и*, напр.: дай Богъ нашему теляти волка поймати.

Указанными образцами и уклоненіями отъ нихъ не исчерпываются всѣ формы, которыя принимаютъ имена существительныя; мною указаны только главнѣйшія уклоненія. Кромѣ того, если бы даже и всѣ уклоненія были въ данный моментъ перечислены *въ грамматикѣ*, всегда *въ живомъ языкѣ* могутъ

найтись слова, не занесенныя въ перечень уклоняющихся словъ, ибо грамматика, подобно людскимъ законамъ, имѣетъ дѣло съ явленіями отчасти отошедшими въ область прошлаго; языкъ же—дѣло живое, измѣнчивое, въ немъ всегда можетъ появиться что-нибудь новое,—новое слово, новое уклоненіе отъ образца. Напримѣръ, окончанія именъ мужского рода во множественномъ числѣ на *а, я* вмѣсто *ы, и* съ каждымъ годомъ захватываютъ все болѣе и болѣе словъ въ языкѣ, и возможно, мыслимо время, когда эти окончанія станутъ болѣе обычными, нежели окончанія *ы, и,* такъ что послѣднія придется считать уклоненіями, а первыя образцомъ, нормой.

Склоненіе и родъ именъ существительныхъ, употребляемыхъ только во множественномъ числѣ.

Есть порядочное количество словъ, которыя единственнаго числа не имѣютъ. Склоненіе ихъ производится сообразно съ образцами того рода, къ которому ихъ относятъ. Родъ же ихъ узнается по именительному и родительному падежу, именно:

1. къ мужскому роду причисляются тѣ слова, у которыхъ именительный падежъ оканчивается на **ы** или **и**, а родительный на **овъ** или **евъ**: квасц*ы*—квасц*овъ*, обо*и*—обо*евъ*, турус*ы*—турус*овъ*.

Но очк*и*—очк*овъ* причисляютъ къ среднему роду, потому что производятъ это слово отъ очк*о* (можно производить и отъ слова очок*ъ*).

2. къ женскому роду причисляются тѣ слова, у которыхъ именительный падежъ оканчивается на **ы** или **и**, а родительный на **ъ** или **ей**: оков*ы*—оков*ъ*, именин*ы*—именин*ъ*, салазк*и*—салазок*ъ*, дрожк*и*—дрожек*ъ*, отруб*и*—отруб*ей*.

3. къ среднему роду относятъ такія слова, у которыхъ именительный падежъ оканчивается на **а**, а родительный на **ъ**: дров*а*—дров*ъ*, ворот*а*—ворот*ъ*, уст*а*—уст*ъ*.

О заимствованныхъ именахъ.

Скажу еще нѣсколько словъ объ именахъ существительныхъ, взятыхъ изъ другихъ языковъ. Заемъ словъ—дѣло обычное среди народовъ. Подобно тому какъ сосѣдъ у сосѣда въ

случаѣ нужды одолжается чѣмъ-нибудь, такъ и цѣлые народы, входя въ общеніе между собою всегда одолжаются словами другъ у друга. Эти одолженія бываютъ или временныя, краткосрочныя, съ отдачею долга назадъ по минованіи въ немъ надобности, или они получаются на вѣки вѣчные, зажиливаются, такъ сказать, навсегда.

У насъ въ примѣръ первыхъ можно привести множество словъ, нахлынувшихъ къ намъ съ запада при Петрѣ Великомъ и его ближайшихъ преемникахъ, напримѣръ: ассамблея (собраніе), фортеція (крѣпость), салвогвардія (охранная стража) и т. п.

Къ числу вторыхъ принадлежатъ: церковь, икона, лампада, фонарь, кровать, лахань, серьга, собака, огурецъ, греча и множество другихъ.

Одни изъ заимствованныхъ словъ мы такъ передѣлали, перекроили на свой ладъ, такъ обрусили, придали имъ такую гибкость, что они не кажутся намъ чужими; другія, какъ напримѣръ: депо, пальто, пюре, колье, па и проч., еще не утратили своего иноземнаго облика и пока не склоняются,—принято даже не склонять ихъ. Но надо думать, что со временемъ русскій языкъ или отдастъ ихъ назадъ, замѣнивъ ихъ русскими словами, или повернетъ на свой ладъ: такъ и сейчасъ уже слово пальто многими склоняется по образцу именъ средняго рода; говорятъ: изъ пальта, къ пальту, съ пальтомъ, въ пальтѣ. Худого въ этомъ нѣтъ—*коль скоро слово поддается склоненію, его надо склонять.*

УРОКЪ 21-й.

О переносѣ ударенія въ словахъ при склоненіи.

Измѣняя различныя имена существительныя по числамъ и падежамъ, мы замѣчаемъ, что очень многія изъ нихъ при склоненіи переносятъ свое удареніе съ одного гласнаго звука на другой.

Какія причины заставляютъ дѣлать переносъ ударенія, это, какъ и причина самого ударенія, не вполнѣ выяснено. Поэтому приходится довольствоваться пока указаніемъ только на самый фактъ переноса или смѣщенія ударенія.

Наблюдается нѣсколько типовъ этого переноса. Я отмѣчу ихъ отдѣльно по каждому роду. Нѣкоторые типы, какъ увидимъ, общи всѣмъ родамъ.

Мужской родъ.

1-й типъ. Удареніе во *всѣхъ* падежахъ единственнаго и множественнаго числа *остается на основѣ:* стонъ, мученикъ, священникъ и т. д.

2-й типъ. Удареніе *остается на основѣ* во *всѣхъ* падежахъ един. числа и *именительномъ* множеств. числа (если предметъ неодушевленный, то и винительномъ множеств.): окунь, локоть, вѣтеръ и т. д.

3-й типъ. Удареніе *остается на основѣ* только *въ одномъ единственномъ числѣ*, а во множественномъ переносится на окончаніе: жиръ, ладъ, станъ, строй и т. д.

4-й типъ. Удареніе *остается на основѣ* только въ *именительномъ падежѣ един. числа* (если предметъ неодушевленный, то и въ *винит. ед.*), во всѣхъ же остальныхъ падежахъ единст. и множ. числа переносится на окончаніе: умъ, китъ, дроздъ, ёжъ и друг.

Женскій родъ.

1-й типъ. Удареніе постоянно *на основѣ*: лада, крыша, управа, бездна, и т. д.

2-й типъ. Удареніе *на основѣ остается въ винит. пад. единств.* и въ *именит.*, а иногда и *родит. пад. множ. числа*, во всѣхъ остальныхъ падежахъ падаетъ на окончаніе: изба, коса, нора, слобода и др.

3-й типъ. Удареніе *на основѣ* остается только *въ именит. и родит. пад. множ. числа*, во всѣхъ остальныхъ падежахъ падаетъ на окончаніе: скоба, стрѣла, дыра и др.

4-й типъ. Удареніе *во всѣхъ падежахъ* един. и множ. числа *падаетъ на окончаніе* (исключая родит. множ. числа): княжна, мечта и др.

Въ именахъ на *ь*.

1-й типъ. Удареніе постоянно *на основѣ:* мысль, нить и друг.

2-й типъ. Удареніе остается *на основѣ во всѣхъ падежахъ един. числа и въ имен. множ. числа*, въ остальныхъ же падежахъ множ. числа переходитъ на окончаніе: кость, трость и др.

Средній родъ.

1-й типъ. Удареніе постоянно *на основѣ въ обоихъ числахъ:* болото, шило и др.

2-й типъ. Удареніе *на основѣ только въ един. числѣ*, а во множ. переходитъ на окончаніе: дѣло, тѣло и др.

3-й типъ. Удареніе *на основѣ во множеств. числѣ*, а въ единственномъ на окончаніи: вино, ребро и др.

4-й типъ. Удареніе *на окончаніи во всѣхъ падежахъ* обоихъ чиселъ: житіе, остріе, озорство и др.

УРОКЪ 22-й.

О строеніи или образованіи именъ существительныхъ.

Я уже говорилъ, что слова могутъ состоять изъ корней, префиксовъ и суффиксовъ. Обыкновенно наблюдается, что каждая изъ частей рѣчи имѣетъ свои суффиксы, свойственные только ей одной. Префиксы же могутъ быть общими у нѣсколькихъ частей рѣчи. Умѣнье разложить слово на его составныя части, т. е. на корень, префиксы и суффиксы приноситъ тройную пользу: во первыхъ, оно указываетъ на происхожденіе слова, именно, отъ какого слова оно произведено или образовано; во-вторыхъ, оно облегчаетъ вѣрное написаніе слова; въ третьихъ, разложеніе дѣлаетъ слово какъ бы прозрачнымъ, сквознымъ, отъ чего значеніе и пониманіе смысла слова углубляется.

Префиксовъ сравнительно немного. Вотъ ихъ перечень въ азбучномъ порядкѣ: без (безо), вз (взо, воз), в (во), вы, до, за, из (изо), к (ко), на, над (надо), не, ни, низ (низо), о, об (обо), от (ото), па, пере, по, под (подо), пра, пре, пред (предо, перед), при, про, раз (разо, роз), с (со, су), у, чрез (через).

Такъ какъ префиксы большею частью общи именамъ и глаголамъ, то здѣсь я не буду разсматривать ихъ и ограничусь лишь суффиксами, свойственными именамъ существительнымъ.

Суффиксъ присоединяется къ корню слова или непосредственно, напр.: пас-тырь, или между корнемъ слова и присоединяемымъ суффиксомъ вставляются другіе суффиксы, напр. пис-а-тель.

Разложеніе слова на составныя части начинаютъ всегда съ конца, отдѣляя черточкой суффиксъ за суффиксомъ, затѣмъ уже отдѣляютъ корень отъ префикса. Если префиксъ сложный, то и его разлагаютъ на составныя части. Напримѣръ, слово „изобразитель“ разложится такъ: из-об-раз-и-тель,—суффиксы *и* и *тел*, корень *раз*, префиксы *из* и *об*.

Каждый суффиксъ, свойственный имени существительному, что-нибудь да означаетъ: или дѣйствующій предметъ, или качество предмета, или самое дѣйствіе, или орудіе дѣйствія и т. д.

Суффиксовъ у именъ существительныхъ очень много; перечислять ихъ всѣ нахожу излишнимъ. Укажу лишь важнѣйшіе, причемъ распредѣлю ихъ по группаммъ, соотвѣтственно тому, кого или что они означаютъ.

По своему значенію суффиксы могутъ быть раздѣлены на слѣдующія группы.

I. Суффиксы, означающіе дѣятелей или лицъ, выполняющихъ дѣйствіе, а также лицъ по ихъ свойствамъ.

акъ, якъ: рыб-акъ, мор-якъ.
анъ, янъ: горл-анъ, грубі-янъ.
арь: звон-арь, кух-арь.
ецъ: куп-ецъ, дѣл-ецъ, твор-ецъ.
никъ: сапож-никъ, лат-никъ, муч-никъ.
тай, тель, теръ, тухъ, тырь: ход-а-тай, глаш-а-тай, спас-и-тель, вѣ-теръ, пас-тухъ, пас-тырь.
унъ, юнъ: болт-унъ, гор-юнъ.
чикъ: отвѣт-чикъ, груз-чикъ, порут-чикъ.
щикъ: спор-щикъ, пololь-щикъ.
ышъ: замор-ышъ, глуп-ышъ, крѣп-ышъ.
ѣй: богат-ѣй, грамот-ѣй.

II. Суффиксы, означающіе опредмеченныя качества:

б-а: зло-б-а, худо-б-а.
ость, есть: скуп-ость, глуп-ость, свѣж-есть.
ин-а: выш-ин-а, глуб-ин-а.
от-а: пестр-от-а, крас-от-а, глуб-от-а.
зн-а, знь: криви-зн-а, прями-зн-а, боя-знь, прія-знь, жи-знь.

III. Суффиксы, означающіе опредмеченныя дѣйствія:

б-а: кось-б-а, борь-б-а.

і-е: весел-і-е, счаст-і-е, благолѣп-і-е.

к-а: гон-к-а, топ-к-а, пал-к-а.

н-я: стряц-н-я, воз-н-я.

от-н-я, ов-н-я: руг-от-н-я, болт-ов-н-я.

н-і-е, т-і-е: гада-н-і-е, взя-т-і-е.

ть: вѣс-ть, чес-ть.

тв-а: мол-и-тв-а, жа-тв-а.

ств-і-е: наше-ств-і-е, дѣй-ств-і-е.

ств-о: колд-ов-ств-о, шут-ов-ств-о.

IV. Суффиксъ, означающій мѣсто дѣйствія:

ищ-е: гульб-ищ-е, пастьб-ищ-е, учил-ищ-е, торж-ищ-е.

V. Суффиксы, означающіе потомство: *ен, ят, ич* [древне-церк.-слав. ѧт, ищ: дѣт-ѧ—дѣт-ѧт-є, тєл-ѧ—тєл-ѧт-є, дѣт-ищь, козл-ищь] тел-ен-ок-ъ, ягн-ен-ок-ъ, тел-ят-а, ягн-ят-а. Какъ видимъ, суффиксъ *ен* въ единственномъ числѣ сопровождается еще суффиксомъ *ок*, но во множ. числѣ послѣдній отбрасывается, а *ен* замѣняется *ят*, какъ въ др.-церк.-слав. языкѣ. Церковно-славянскій суффиксъ *ищь* замѣнился въ русскомъ языкѣ суффиксомъ *ичъ*, сопровождаемымъ добавочными суффиксами *ов, ев, ин:* Иван-ов-ич-ъ, Григорь-ев-ич-ъ, Ѳом-ин-ич-на, Кузьм-ич-ъ, Вят-ич-ъ.

VI. Суффиксъ, означающій орудіе дѣйствія, *л-о:* ши-л-о, мы-л-о, би-л-о.

Кромѣ суффиксовъ указанныхъ выше, есть еще другіе, отмѣчающіе великость или малость предмета, а также ласковое или пренебрежительное отношеніе къ нему говорящаго лица.

Суффиксы, отмѣчающіе великость или громоздкость предмета, даютъ намъ производныя имена существительныя *увеличительныя.*

ищ-а, ищ-е: книж-ищ-а, нож-ищ-а, нос-ищ-е, глаз-ищ-е.

ин-а: дом-ин-а, рыб-ин-а, урод-ин-а.

Суффиксы, отмѣчающіе малость предмета, даютъ производныя имена существительныя *уменьшительныя.*

к-а: шуб-к-а, руч-к-а, бумаж-к-а.

к-о: уш-к-о, брюш-к-о.

ц-е, ц-о: блюд-ц-е, рыль-ц-е, озер-ц-о.

ек-ъ, ок-ъ: пен-ек-ъ, кул-ек-ъ, глаз-ок-ъ.

ик-ъ, иц-а, ик-о: нож-ик-ъ, вод-иц-а, лич-ик-о.

еч-к-а, оч-к-а, еч-к-о: дощ-еч-к-а, цѣп-оч-к-а, кол-еч-к-о.

ин-к-а, ын-к-а, уш-к-а: дуб-ин-к-а, вол-ын-к-а, изб-уш-к-а, востр-уш-к-а.

ёч-ек-ъ, оч-ек-ъ: огон-ёч-ек-ъ, глаз-оч-ек-ъ.

Для выраженія уничиженія и пренебреженія языкъ употребляетъ тѣ же суффиксы, что и для увеличительныхъ съ уменьшительными, а также суффиксы:

ён-к-а, ан-ьк-а, ун-ьк-а, ур-к-а, иш-к-а, юш-к-а, уш-к-а: голов-ён-к-а, Миш-ан-ьк-а, Маш-ун-ьк-а, Миш-ур-к-а, писар-иш-к-а, пьян-ч-уш-к-а, Наст-юш-к-а.

Имена, выражающія оттѣнокъ пренебреженія и уничиженія, называются *уничижительными.*

Для выраженія ласковости, сердечности пользуются суффиксами именъ уменьшительныхъ, а также еще суффиксами.

ен-ьк-а, он-ьк-а, ан-еч-ек-ъ, ён-оч-ек-ъ, ич-уш-к-а, оч-еч-к-а и др.: Маш-ен-ьк-а, Ол-ен-ьк-а, дѣв-он-ьк-а, кум-ан-ёч-ек-ъ, татар-ч-ён-оч-ек-ъ, сестр-ич-уш-к-а, цѣп-оч-еч-к-а.

Имена, выражающія оттѣнокъ ласки и сердечности, называются *ласкательными.*

Какъ видимъ, нашъ языкъ чрезвычайно богатъ суффиксами для выраженія ласки. Ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не можетъ соперничать въ этомъ отношеніи съ нимъ. Эту особенность родного языка намъ надо цѣнить: она указываетъ на особую сердечность, благостность, мягкость и незлобивость русскаго народа, на высшую прирожденную культурность его души.

Эти именно свойства народной души и имѣлъ въ виду нашъ поэтъ, когда говорилъ про свою родину:

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа—
Край родной долготерпѣнья,
Край ты русскаго народа!

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ благословляя.

Скажу еще нѣсколько словъ о происхожденіи суффиксовъ.

Происхожденіе ихъ разное: одни суффиксы представляютъ собою корни мѣстоименій или иныхъ частей рѣчи, другіе—суффиксы, взятые отъ другихъ частей рѣчи, третьи—таковы, что о происхожденіи ихъ мы ничего опредѣленнаго сказать не можемъ.

Къ числу первыхъ, напримѣръ, нужно отнести суффиксъ *к*. Этотъ суффиксъ представляетъ собой корень мѣстоименія к-то или к-ой, к-оя, к-ое, (который): мѣт-к-а, отъ корня мѣт (мѣтить)=мѣчена коя; пал-к-а отъ корня пал (палить)=палена коя (въ старину палка обжигалась ради прочности).

Къ числу вторыхъ нужно отнести суффиксы *л*, *н*, *т* и др. Такъ слова бы-л-ь, да-н-ь, жи-т-о, мы-т-о предварительно прошли чрезъ глагольныя формы и потомъ уже, присоединивъ родовыя окончанія, стали существительными.

Суффиксы, принадлежащіе къ третьей группѣ, тоже, вѣроятно, произошли аналогичнымъ путемъ, какъ и первыя двѣ, но въ нихъ теперь уже трудно усмотрѣть основное, корневое ядро.

УРОКЪ 23-й.

О мѣстоименіи.

Мѣстоименіемъ названа небольшая группа словъ, которыя мы ставимъ вмѣсто имени существительнаго или другого какого (прилагательнаго, числительнаго). Напримѣръ, каждый человѣкъ вмѣсто своего собственнаго имени говоритъ „я“: я сдѣлалъ, я говорю. Какъ часть рѣчи, слово „я“ будетъ мѣстоименіемъ. Подобнымъ образомъ, обращаясь къ другому человѣку, мы употребляемъ слово „ты“: ты это сдѣлалъ, ты это говоришь. Слово „ты“ тоже надо отнести въ разрядъ мѣстоименій.

Мѣстоименія представляютъ собою слова, корни которыхъ, а также и суффиксы, почти одни и тѣ же въ языкахъ индо-

европейской семьи *). Изъ европейскихъ языковъ это особенно ясно замѣтно въ языкахъ древне-греческомъ, латинскомъ, древне-церковно-славянскомъ и близкомъ родичѣ послѣдняго русскомъ. Такимъ образомъ, мѣстоименія можно считать за остатки отъ той древнѣйшей поры людской жизни, когда предки современныхъ культурныхъ народовъ составляли „едино стадо" и имѣли, можетъ быть, „единаго пастыря",—состояніе, указанное намъ нашимъ Спасителемъ Іисусомъ Христомъ, какъ идеалъ, т. е. самая совершенная форма человѣческаго общежитія.

Подобно именамъ существительнымъ мѣстоименія раздѣляютъ на нѣсколько разрядовъ, именно:

1) *личныя:* я, ты, онъ, она, оно.

Названы они *личными* на слѣдующемъ основаніи: о чемъ бы мы ни думали и ни говорили, всегда предметомъ нашихъ думъ и разговоровъ будутъ три предмета: или я самъ, или мой собесѣдникъ, или кто посторонній для меня и моего собесѣдника. Себя, какъ сказано, каждый изъ насъ въ разговорѣ называетъ „я", къ собесѣднику мы обращаемся съ словомъ „ты", а про посторонній предметъ мы говоримъ „онъ". Подобно тому, какъ каждый человѣкъ узнается прежде всего по лицу, такъ и по этимъ словамъ: я, ты, онъ, мы сразу узнаемъ, про кого идетъ рѣчь. Сходство ихъ въ этомъ отношеніи съ человѣческимъ *лицомъ* и дало основаніе назвать эти мѣстоименія *личными*. По нимъ, какъ человѣка по лицу, мы узнаемъ предметъ рѣчи. „Я" считается мѣстоименіемъ 1-го лица, „ты"—2-го лица и „онъ"—3-го лица. Послѣднее имѣетъ родовыя окончанія: *ъ, а, о.*

2) *возвратное:* себя.

Когда мы приписываемъ предмету какое-нибудь дѣйствіе и желаемъ показать, что это дѣйствіе совершается имъ надъ самимъ собой, что оно направлено не на что-либо иное, а обращено на этотъ же самый дѣйствующій предметъ, мы употребляемъ мѣстоименіе себя. Вотъ это обращеніе, или поворотъ дѣйствія, или, какъ говорятъ, его *возвратъ* на дѣйствующій предметъ и дало поводъ назвать мѣстоименіе „себя" *возвратнымъ*. Названіе не изъ удачныхъ.

---

*) Къ этой семьѣ принадлежатъ языки: санскритскій, персидскій, греческій, латинскій, итальянскій, испанскій, французскій, русскій (и всѣ другіе славянскаго происхожденія), нѣмецкій, англійскій, шведскій, кельтскій, литовскій и нѣкоторые другіе.

3) *притяжательныя:* мой, твой, свой, нашъ, вашъ, его, ея, ихъ, ихній.

Названы они такъ потому, что ими мы указываемъ, кому принадлежитъ предметъ, чье достояніе и пріобрѣтеніе, или, говоря по старинному, чье *притяжаніе* онъ составляетъ.

4) *опредѣлительныя:*

а) утвердительныя—самъ, самый, весь, всякій, каждый.

б) отрицательныя—никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей, кто бы ни, что бы ни, какой бы ни, который бы ни и т. п.

Названы они *опредѣлительными* потому, что ими мы указываемъ предѣлъ *(опредѣляемъ)* объема и количества предметовъ, а также и ихъ подлинности.

5) *вопросительныя:* кто? что? какой? который? чей? каковой? кой? сколько?

Названы они такъ потому, что ихъ мы употребляемъ въ вопросахъ о чемъ-нибудь неизвѣстномъ намъ.

6) *указательныя:* тотъ, этотъ, сей, оный, такой, сякой, таковой, иной, экой.

Названы такъ потому, что ими мы указываемъ предметы, о которыхъ насъ спрашиваютъ вопросительными мѣстоименіями или просто указываемъ собесѣднику предметы, желая обратить его вниманіе на нихъ.

7) *относительныя:* тѣ же самыя, что и вопросительныя. Отличаются они отъ вопросительныхъ только по тону голоса: если въ послѣднемъ не слышится вопроса, мѣстоименіе будетъ относительнымъ.

Названы они такъ потому, что ими мы сказъ о чемъ-нибудь *относимъ*, присоединяемъ къ другому слову нашей рѣчи, къ другому сказу. Напримѣръ: *деревня,* **которую въ прошломъ году опустошилъ пожаръ,** *въ нынѣшнемъ снова вся обстроилась.* Сказъ о пожарѣ здѣсь *отнесенъ* къ слову деревня при посредствѣ слова „которую“.

8) *неопредѣленныя:* нѣкто, нѣчто, нѣкій, нѣкоторый, одинъ, какой-нибудь, который-нибудь, кто-нибудь, что нибудь, кто-то, что-то, какой-то, чей-то, кто-либо, что-либо, какой-либо, чей-либо, кое-кто, кое-что, кое-какой, кто-кто, что-что, какой-какой.

Названіе свое они получили благодаря тому, что они указываютъ предметъ не такъ ясно и точно, какъ другія мѣстоименія, а неясно, *неопредѣленно.*

УРОКЪ 24-й.

О склоненіи мѣстоименій.

Такъ какъ мѣстоименія замѣняютъ собою имена (существительныя, прилагательныя и числительныя), то они, конечно, должны, подобно именамъ, склоняться.

Мѣстоименія *личныя я* и *ты* склоняются слѣдующимъ образомъ:

Я.

	Един. число	Множ. число
И.	я	мы
З.	я	мы
Р.	меня	насъ
Д.	мнѣ	намъ
В.	меня	насъ
Т.	мною	нами
П.	обо мнѣ	о насъ

Ты.

И.	ты	вы
З.	ты	вы
Р.	тебя	васъ
Д.	тебѣ	вамъ
В.	тебя	васъ
Т.	тобою	вами
П.	о тебѣ	о васъ

Однимъ изъ пріемовъ выясненія истины служитъ сравненіе предметовъ и явленій. Такъ какъ многія явленія въ русскомъ языкѣ дѣлаются яснѣе и понятнѣе при сравненіи его съ древне-церковно-славянскимъ, а иногда и съ древне-греческимъ и латинскимъ, то я изрѣдка, при случаѣ, буду пользоваться этимъ пріемомъ, буду сопоставлять формы нашего языка съ соотвѣтственными формами другихъ языковъ.

Вотъ и сейчасъ, прежде чѣмъ приводить склоненіе личнаго мѣстоименія *онъ*, *она*, *оно*, считаю полезнымъ, въ цѣляхъ сравненія, привести склоненіе древне-церковно-славянскаго ука-

зательнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ (=латин. i-s, корень котораго составляетъ звукъ i—тотъ же, что и въ церковно-славянскомъ языкѣ).

Единственное число.

И.	(и-же)	(ꙗ-же)	(ѥ-же)
Р.	ѥ-г-о	ѥ-ѩ	ѥ-г-о *)
Д.	ѥ-моу	ѥ-и	ѥ-моу
В.	и, а послѣ предлоговъ (н) ь	ѭ	ѥ
Т.	и-мь	ѥ-ѭ	и-мь
П.	ѥ-мь	ѥ-и	ѥ-мь

Двойственное число.

И.	(ꙗ-же)	(и-же)	(и-же)
Р.	ѥ-ю	ѥ-ю	ѥ-ю
Д.	и-ма	и-ма	и-ма
В.	ꙗ	и	и
Т.	и-ма	и-ма	и-ма
П.	ѥ-ю	ѥ-ю	ѥ-ю

Множественное число.

И.	(и-же)	(ѩ-же)	(ꙗ-же)
Р.	и-хъ	и-хъ	и-хъ
Д.	и-мъ	и-мъ	и-мъ
В.	ѩ	ѩ	ꙗ
Т.	и-ми	и-ми	и-ми
П.	и-хъ	и-хъ	и-хъ

Въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ кромѣ единственнаго и множественнаго чиселъ было еще двойственное для указанія двухъ предметовъ.

Формы именительнаго падежа всѣхъ трехъ чиселъ встрѣчаются только въ составѣ сложнаго относительнаго мѣстоименія и-же=который.

Склоненіе нашего третьяго личнаго мѣстоименія очень похоже на склоненіе церковно-славянскаго указательнаго и, ꙗ, ѥ.

---

*) ѥ-г-о=латин. e-j-u-s, русское г замѣняется въ латинскомъ чрезъ j; сравни Генварь=Januarius).

Единственное число.

И.	онъ	она	оно
Р.	его	ея	его
Д.	ему	ей	ему
В.	его	ее	его
Т.	имъ	ею	имъ
П.	о (н)емъ	о (н)ей	о (н)емъ

Множественное число.

И.	они	онѣ	они
Р.	ихъ	ихъ	ихъ
Д.	имъ	имъ	имъ
В.	ихъ	ихъ	ихъ
Т.	ими	ими	ими
П.	о (н)ихъ	о (н)ихъ	о (н)ихъ

Форма винит. падежа *её*, въ сущности, есть тоже форма родит. падежа, получившаяся изъ ѥѩ=*еен* путемъ отбрасыванія звука *н*. Въ живомъ произношеніи формы родит. и винит. падежей одинаковы, и различаются онѣ ухомъ только по смыслу, изъ связи словъ.

Сравнивая склоненіе мѣстоименій онъ, она, оно и и, ꙗ, ѥ, мы видимъ, что русское мѣстоименіе почти всѣ свои формы заимствовало изъ мѣстоименія древне-церковно-славянскаго.

Возвратное мѣстоименіе *себя* употребляется только въ единственномъ числѣ и не имѣетъ именительнаго падежа. Склоняется оно такъ:

Р.	себя
Д.	себѣ
В.	себя
Т.	собою
П.	о себѣ

Притяжательное мѣстоименіе *мой* склоняется такъ:

Единственное число.

И.	мо-**й**	мо-**я**	мо-**е**
Р.	мо-**его**	мо-**ея**	мо-**его**
Д.	мо-**ему**	мо-**ей**	мо-**ему**
В.	мо-**й** или мо-**его**	мо-**ю**	мо-**е**
Т.	мо-**имъ**	мо-**ею**	мо-**имъ**
П.	о мо-**емъ**	мо-**ей**	мо-**емъ**

Множественное число.

И.	мо-**и**	для всѣхъ трехъ родовъ.
Р.	мо-**ихъ**	
Д.	мо-**имъ**	
В.	мо-**и** или мо-**ихъ**	
Т.	мо-**ими**	
П.	о мо-**ихъ**	

Изъ склоненія этого мѣстоименія видно, что окончанія всѣхъ падежей его представляютъ собою формы древне-церк.-славянскаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ, которыя непосредственно присоединены къ основѣ мѣстоименія *мо*: мо+и, мо+ꙗ, мо+ѥго, мо+ѥꙗ и т. д.

Склоненіе *указательнаго* мѣстоименія *тотъ*:

Единственное число.

И.	то-тъ	та	то
Р.	того	той	того
Д.	тому	той	тому
В.	сход. съ И. или Р.	ту	то
Т.	тѣмъ	тою	тѣмъ
П.	о томъ	той	томъ

Множественное число.

И.	тѣ (древ.-церк.-славян. т-і-и, ц-і-и)
Р.	тѣхъ
Д.	тѣмъ
В.	тѣ или тѣхъ
Т.	тѣми
П.	о тѣхъ

Склоненіе мѣстоименія *этотъ:*

Единственное число.

И.	этотъ	эта	это
Р.	этого	этой	этого
Д.	этому	этой	этому
В.	сход. съ И. или Р.	эту	это
Т.	этимъ	этою	этимъ
П.	объ этомъ	этой	этомъ

Множественное число.

И.	эти
Р.	этихъ
Д.	этимъ
В.	сход. съ И. или Р.
Т.	этими
П.	объ этихъ

Мѣстоименіе *этотъ*, какъ видно, склоняется почти такъ же, какъ и мѣстоименіе *тотъ*. Отличіе имѣется только въ твор. падежѣ един. числа мужского и средняго рода и во всѣхъ падежахъ множ. числа. Въ этихъ формахъ звукъ *ѣ* замѣняется звукомъ *и* (сравни съ древн.-церк.-слав. формой т-і-и).

Склоненіе мѣстоименія *такой*.

Единственное число.

И.	такой	такая	такое
Р.	такого	такой	такого
Д.	такому	такой	такому
В.	сход. съ И. или Р.	такую	такое
Т.	такимъ	такою	такимъ
П.	о такомъ	такой	такомъ

Множественное число.

И.	такіе	такія	такія
Р.		такихъ	
Д.		такимъ	
В.	сход. съ Именит. или	Родит.	такія
Т.		такими	
П.		о такихъ	

Мѣстоименіе сей, сія, сіе склоняется по образцу мой, моя, мое.

Отъ мѣстоименія сей у насъ въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ сохранились краткія формы: „ни то, ни сё“ „по сю сторону“.

По образцу мѣстоименія такой склоняются еще *сякой* и *таковой*.

Послѣднее мѣстоименіе имѣетъ и краткія формы: таковъ, такова́, таково́.

УРОКЪ 25-й.

(*Продолженіе 24-го урока*).

Склоненіе *опредѣлительныхъ* утвердительныхъ мѣстоименій: *самъ, самый* и *весь*.

Единственное число.

И.	самъ	сама́	само́
Р.	самого́	само́й	самого́
Д.	самому́	само́й	самому́
В.	самого́	само́е	само́
Т.	сами́мъ	само́ю	сами́мъ
П.	о само́мъ	само́й	само́мъ

Множественное число.

И.	са́ми
Р.	сами́хъ
Д.	сами́мъ
В.	сами́хъ
Т.	сами́ми
П.	о сами́хъ

Нѣкоторые изъ нашихъ учоныхъ грамматистовъ даютъ для винит. падежа женскаго рода форму *саму* вмѣсто *самоё*. Я не совѣтую слѣдовать имъ: наши лучшіе писатели, такъ называемые классики, обладавшіе чутьемъ къ языку, всегда писали самоё вмѣсто саму. На мой взглядъ, форма „саму" какъ-то претитъ русскому уху. Форма „самоё"—одинъ изъ капризовъ языка.

Мѣстоименіе *са́мый*.

Единственное число.

И.	са́мый	са́мая	са́мое
Р.	са́маго	са́мой	са́маго
Д.	са́мому	са́мой	са́мому
В.	сход. съ И. или Р.	са́мую	са́мое
Т.	са́мымъ	са́мою	са́мымъ
П.	о са́момъ	са́мой	са́момъ

Множественное число.

И.	са́мые	са́мыя	са́мыя
Р.		са́мыхъ	
Д.		са́мымъ	
В.	сход. съ Имен. или Родит.		са́мыя
Т.		са́мыми	
П.		о са́мыхъ	

Мѣстоименіе *весь* склоняется такъ:

Единственное число.

И.	весь	вся	все
Р.	всего	всей (всея)	всего
Д.	всему	всей	всему
В.	сход. съ И. или Р.	всю	все
Т.	всѣмъ	всею	всѣмъ
П.	о всемъ	всей	всемъ

Множественное число.

И.	всѣ
Р.	всѣхъ
Д.	всѣмъ
В.	въ муж. и жен. сход. съ И. или Р., въ сред. всѣ
Т.	всѣми
П.	о всѣхъ

Мѣстоименія *всякій, каждый* склоняются по образцу самый, ая, ое.

Склоненіе опредѣлительныхъ отрицательныхъ:

Единственное число.

И.	никто	ничто
Р.	никого	ничего
Д.	никому	ничему
В.	никого	ничто
Т.	никѣмъ	ничѣмъ
П.	ни о комъ	ни о чемъ

Множественнаго числа нѣтъ.

Изъ формъ предложнаго падежа видно, что предлогъ расщепляетъ это мѣстоименіе на двое: отрицательная частица и

мѣстоименія ставятся отдѣльно другъ отъ друга, а предлогъ между ними. Еще примѣры: ни у кого, ни къ чему, ни съ кѣмъ, ни съ чѣмъ и т. п.

Мѣстоименія *некого* и *нечего* склоняются такъ:

И.	нѣтъ	
Р.	некого	нечего
Д.	некому	нечему
В.	некого	нѣтъ
Т.	некѣмъ	нечѣмъ
П.	не о комъ	не о чемъ

И эти мѣстоименія расщепляются предлогомъ на двѣ части точно такъ же, какъ и мѣстоименія никто и ничто: не у кого, не для чего, не къ чему, не съ кѣмъ и т. п.

Изъ *вопросительныхъ* мѣстоименій я приведу склоненія *кто? что? чей? кой?* и *который?*

Единственное число.

И.	кто?	что?
Р.	кого?	чего?
Д.	кому?	чему?
В.	кого?	что?
Т.	кѣмъ?	чѣмъ?
П.	о комъ?	о чомъ? (о чемъ?)

Множественнаго числа эти мѣстоименія не имѣютъ.

Мѣстоименіе *чей?*

Единственное число.

И.	чей?	чья?	чье?
Р.	чьего?	чьей?	чьего?
Д.	чьему?	чьей?	чьему?
В.	сход. съ И. и Р.	чью?	чье?
Т.	чьимъ?	чьею?	чьимъ?
П.	о чьёмъ?	о чьей?	о чьёмъ?

Множественное число.

И.	чьи?
Р.	чьихъ?
Д.	чьимъ?
В.	сход. съ И. и Р.
Т.	чьими?
П.	о чьихъ?

Мѣстоименіе *кой?*

Единственное число.

И.	кой?	коя?	кое?
Р.	коего?	коея?	коего?
Д.	коему?	коей?	коему?
В.	сход. съ И. и Р.	кою?	кое?
Т.	коимъ?	коею?	коимъ?
П.	о коемъ?	коей?	коемъ?

Множественное число.

И.	кои?
Р.	коихъ?
Д.	коимъ?
В.	въ муж. и жен. сход. съ И. и Р., сред. кои?
Т.	коими?
П.	о коихъ?

Мѣстоименіе *который?*

Единственное число.

И.	который?	которая?	которое?
Р.	котораго?	которой?	котораго?
Д.	которому?	которой?	которому?
В.	сход. съ И. и Р.	которую?	которое?
Т.	которымъ?	которою?	которымъ?
П.	о которомъ?	которой?	которомъ?

Множественное число.

И.	которые?	которыя?	которыя?
Р.		которыхъ?	
Д.		которымъ?	
В.		сход. съ И. и. Р.,	которыя?
Т.		которыми?	
П.		о которыхъ?	

Мѣстоименіе *какой* и *каковой* склоняются по образцу *такой.* Мѣстоименіе каковой имѣетъ и. краткую форму: какóвъ, á, ó. Отъ мѣстоименія *оный* краткая форма *онъ* считается у насъ личнымъ мѣстоименіемъ.

Относительныя мѣстоименія и въ косвенныхъ падежахъ ничѣмъ не отличаются по формѣ отъ вопросительныхъ.

Неопредѣленныя мѣстоименія составлены изъ удвоенныхъ относительныхъ мѣстоименій или изъ относительныхъ мѣстоименій и частицъ *нѣ* или *кое,* приставленныхъ къ нимъ спереди, или частицъ *либо, нибудь* и *то,* присоединяемыхъ всегда сзади слова.

Въ удвоенныхъ мѣстоименіяхъ каждое изъ нихъ склоняется: *кто-кто, кого-кого, кому-кому* и т. д.

Мѣстоименіе *нѣкто* употребляется лишь въ именительномъ падежѣ единств. числа, а *нѣчто*—только въ именит. и винит. падежѣ един. числа.

Мѣстоименіе *нѣкій* склоняется такъ:

Единственное число.

И.	нѣкій (нѣкой)	нѣкая	нѣкое
Р.	нѣкоего	нѣкоей	нѣкоего
Д.	нѣкоему	нѣкоей	нѣкоему
В.	нѣкоего	нѣкую	нѣкое
Т,	нѣкіимъ (нѣкоимъ)	нѣкоею	нѣкіимъ (нѣкоимъ
П.	о нѣкоемъ	нѣкоей	нѣкоемъ

Множественное число.

И.	нѣкіе	нѣкія	нѣкія
Р.		нѣкіихъ (нѣкоихъ)	
Д.		нѣкіимъ (нѣкоимъ)	
В.		сход. съ Им. или Род.	
Т.		нѣкіими (нѣкоими)	
П.		о нѣкіихъ (нѣкоихъ)	

Въ этомъ мѣстоименіи, какъ можно видѣть, формы чисто русскія (съ *о* послѣ *к*) существуютъ одновременно съ формами церковно-славянскими (съ *і* послѣ *к*). Тѣ и другія равно употребительны. Одни писатели предпочитаютъ русскія формы, другіе—церковно-славянскія; пишутъ, какъ кому нравится, это—дѣло вкуса. Лично я даю преимущество формамъ внѣ скобокъ.

УРОКЪ 26-й.

О строеніи и образованіи мѣстоименій.

Мѣстоименія, какъ и имена существительныя, бываютъ первообразныя, производныя и сложныя.

Первыя или не имѣютъ въ именительномъ падежѣ родовыхъ окончаній или присоединяютъ ихъ къ корню, не пользуясь суффиксами; вторыя имѣютъ въ именительномъ падежѣ родовыя окончанія, присоединяемыя къ корню съ помощью суффиксовъ.

Разсмотримъ сначала первыя. Къ нимъ принадлежатъ:

А. Личныя мѣстоименія я, ты и возвратное себя.

Наше мѣстоименіе я образовалось изъ древне-славянскаго азъ чрезъ промежуточную форму ꙗзъ и чрезъ отпаденіе согласнаго з (сравни санскр. aham, греч. ἐγώ, лат. ego; звукъ г путемъ чередованія въ славянскомъ замѣненъ звукомъ з: азъ вмѣсто агъ).

Въ косвенныхъ падежахъ един. числа и имен. падежѣ множ. числа корнемъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служитъ звукъ *м*, дополняемый суффиксами *е* и *н*: м-ен-я, м-н-ѣ, м-н-ою, м-ы. Полагаютъ, что эти суффиксы произошли отъ разложенія малаго юса (сравни церковно-слав. м-ѧ).

Въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа корнемъ служитъ звукъ *н*, дополняемый звукомъ *а*: на-съ, на-мъ, на-ми.

Корнемъ мѣстоименія ты (санскр. tvam, лат. tu, греч. σύ) служитъ звукъ *т*, дополняемый въ косвенныхъ пад. един. числа то звукомъ *е*, то звукомъ *о*: те-б-ѣ (лат. ti-b-i), то-б-ою; во множественномъ числѣ корнемъ служитъ звукъ *в*; вы, васъ, вамъ, вами.

Корнемъ мѣстоименія себя (санскр. svayám, лат. sui) служитъ звукъ *с*, дополняемый звуками *е* и *о*: се-б-ѣ, (лат. si-b-i), со-б-ою, се-б-я.

Б. Мѣстоименія съ родовыми окончаніями, присоединяемыми безъ помощи суффиксовъ:

1) ставшее у насъ личнымъ указательное мѣстоименіе он-ъ, он-а, о-но; затѣмъ, указательныя: та, то. Корни: *он*, *т*.

2) опредѣлительныя мѣстоименія вес-ь, вс-я, вс-е и сам-ъ, сам-а, сам-о. Корни: *вс* (древнеслав. вьс) и *сам*.

Производныя мѣстоименія образованы изъ первообразныхъ.

Такъ, притяжательныя мѣстоименія мой, твой, свой образовались изъ корней личныхъ мѣстоименій м, т (tv, tu) и возвратнаго с (sv, su) чрезъ добавленіе къ корню звука *о* и указательнаго мѣстоименія и, ıa, ıe: м-о-й, м-о-я, м-о-е, тв-о-й, тв-о-я, тв-о-е, св-о-й, св-о-я, св-о-е; такъ же образовано вопросительное мѣстоименіе к-о-й, к-о-я, к-о-е отъ корня *к* (др.-цер.-слав. к-ій).

Отъ корня вопросительнаго мѣстоименія *к* путемъ чередованія *к* съ *ч* образовалось мѣстоименіе ч-е-й, ч-ь-я, ч-ь-е.

Отъ того же корня путемъ присоединенія суффикса *ак* образовалось мѣстоименіе к-ак-ой, к-ак-ая, к-ак-ое.

Самый суффиксъ *ак*, означающій качество, повидимому, заключаетъ въ себѣ тотъ же корень *к*: а-к. Съ помощью суффикса *олик*, означающаго количество, образованы мѣстоименія к-олик-ій, т-олик-ій.

Съ помощью суффикса *тор*, означающаго порядокъ, образовано мѣстоименіе к-о-тор-ый.

Сложныя мѣстоименія.

Къ нимъ принадлежатъ: к-то (къ-то), ч-то (чь-то), то-тъ, ни-к-то, ни-ч-то, нѣ-к-то, нѣ-ч-то, нѣ-к-ій, нѣ-к-о-тор-ый, с-к-ольк-о, с-т-ольк-о, а также всѣ удвоенныя мѣстоименія и сложныя съ неизмѣняющимися частицами *либо, нибудь, то:* кто-кто, что-что, кто-либо, кто-нибудь, кто-то и пр.

УРОКЪ 27-й.

Имя прилагательное.

Есть обширный разрядъ словъ, которыя употребляются почти всегда только въ соединеніи съ именемъ существительнымъ; безъ него они рѣдко употребляются, а если и доводится иногда это дѣлать, то и въ этомъ случаѣ къ нимъ всегда мысленно добавляется имя существительное, напримѣръ: *деревянный* домъ, *спѣлая* ягода, *глубокое* озеро, *мастеровой* (подразумѣвается: человѣкъ), *часовой* (подразумѣвается: солдатъ), *вьючный* (подразумѣвается: скотъ). Это приложеніе ихъ къ именамъ существительнымъ и дало основаніе назвать ихъ именами *прилагательными.*

Имя прилагательное всегда называетъ какой-нибудь признакъ предмета. Оно отмѣчаетъ или *качество* предмета, напр.: добрый человѣкъ, красивая дѣвушка, трудное дѣло, или указываетъ на какое-нибудь *касательство* или *отношенiе* одного предмета къ другому, напр.: санный путь, крестьянская изба, жемчужное ожерелье (путь для саней, изба крестьянъ, ожерелье изъ жемчуга).

Имя прилагательное обладаетъ способностью имѣть *троякое родовое окончанiе:* одно для именъ мужского рода, другое для именъ женскаго рода и третье для именъ средняго рода: *высокiй* домъ, *высокая* колокольня, *высокое* дерево.

Случается обозначать признаки предмета и не однимъ словомъ, напримѣръ: *мужикъ съ котомкой за плечами.* Само собою разумѣется, что слова „съ котомкой за плечами" не будутъ именемъ прилагательнымъ, хотя и указываютъ признакъ мужика: во-первыхъ, это—не одно слово, а во-вторыхъ, эти слова не могутъ имѣть трехъ родовыхъ окончанiй. Подобнымъ образомъ въ выраженiи: *ковыль-трава* растетъ въ степи, слово ковыль хотя и указываетъ признакъ травы, однако оно не есть имя прилагательное, потому что трехъ родовыхъ окончанiй и у него нѣтъ.

Этой внѣшней особенностью имени прилагательнаго удобно можно пользоваться для различенiя его отъ имени существительнаго въ томъ случаѣ, когда то и другое называютъ качество предмета, напримѣръ: бѣлый и бѣлизна; *бѣлый*—прилагательное: у него три родовыя окончанiя есть—бѣл*ый*, бѣл*ая*, бѣл*ое*; *бѣлизна*—существительное: трехъ родовыхъ окончанiй у него нѣтъ.

Смотря по роду признака (качество или отношенiе), имена прилагательныя раздѣляютъ на *качественныя* и *относительныя:* бѣлый, добрый—прилагательныя качественныя; золотой, вчерашнiй—прилагательныя относительныя. Какъ распознавать ихъ другъ отъ друга, будетъ указано ниже.

Какое-нибудь качество—напримѣръ, желтый цвѣтъ—можетъ принадлежать разнымъ предметамъ и въ разной мѣрѣ; въ одномъ предметѣ желтизны можетъ быть болѣе, нежели въ другомъ, въ другомъ еще болѣе, нежели въ третьемъ и т. д. Оттѣнки одного и того же цвѣта могутъ быть очень разнообразны. Подобно цвѣту и другiя качества могутъ быть присущи предметамъ въ разной мѣрѣ. Въ этомъ случаѣ, при сравненiи предметовъ другъ съ другомъ въ отношенiи какого-нибудь ихъ качества, у насъ получалось бы нѣчто въ родѣ лѣстницы, которая постепенно

ведетъ вверхъ. Ступенекъ у такой лѣстницы въ дѣйствительности можетъ быть очень много, но въ языкѣ это различіе въ напряжонности или мѣрѣ качества выражается только въ трехъ формахъ, представляющихъ какъ бы лѣстницу въ три ступени. Первая ступень снизу именуется *положительною;* она только называетъ качество, на ней его какъ бы только положили безъ всякой мысли о мѣрѣ, откуда и названіе *положительная.* Вторая ступень именуется *сравнительною;* она показываетъ увеличеніе качества при сравненіи одного предмета съ другимъ, откуда и названіе *сравнительная* (или, по старому, *разсудительная).* Третья ступень именуется *превосходною;* она показываетъ самую высшую мѣру качества, присущаго предмету, *превзойти* которую уже нельзя, отсюда и ея названіе *превосходная.*

Такъ, напримѣръ, прилагательное *скучный* будетъ имѣть слѣдующія три формы для мѣры качества: *скучный, скучнѣе, прескучный.* Эти три формы называются въ грамматикѣ ступенями или *степенями сравненія.*

Хотя положительная степень прилагательнаго и не содержитъ въ себѣ указанія на сравненіе одного предмета съ другимъ, какъ это видно въ формахъ сравнительной и превосходной степеней, тѣмъ не менѣе и за ней упрочилось названіе степени *сравненія,*—просто такъ, за компанію, какъ говорится.

Способность слова образовать степени сравненія отличаетъ прилагательныя качественныя отъ относительныхъ. Послѣднія не могутъ имѣть сравнительной и превосходной степеней; золотой, вчерашній, заячій, каменный—прилагательныя относительныя, потому что не говорятъ это кольцо *золотѣе* того, или этотъ слѣдъ *заячѣе* того. Уху противно, если такъ скажутъ. Прилагательныя: скромный, золотистый, скучный—имена качественныя, потому что ловко сказать: этотъ мальчикъ *скромнѣе,* нежели тотъ; этотъ цвѣтъ *золотистѣе* того; разговоръ былъ *прескучный.*

Качественныя прилагательныя имѣютъ двоякую форму: *простую и сложную.* У простой формы родовыя окончанія бываютъ въ мужскомъ родѣ *ъ* и *ь*, въ женскомъ *а* и *я*, въ среднемъ *о* и *е*, напримѣръ: бѣлъ, синь; бѣла, синя; бѣло, сине. У сложной формы родовыя окончанія въ муж. родѣ: *ый, ой, ій,* въ женск. *ая, яя,* въ среднемъ *ое, ее,* напримѣръ: бѣлый, голубой, синій; бѣлая, синяя; бѣлое, синее.

Сопоставляя простую и сложную форму имени прилагательнаго, не трудно догадаться, что сложная форма получилась изъ простой посредствомъ присоединенія къ ней древняго указательнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ: синій=синь+и, синяя=синя+ꙗ, синее=сине+ѥ.

Среди относительныхъ прилагательныхъ есть слова, которыя могутъ отвѣчать на вопросъ чей? напримѣръ: заячій слѣдъ, медвѣжья берлога, матушкина дочка, Ладинъ братъ, Ярославова сестра и т. п. Такія прилагательныя имена называютъ *притяжательными.* Они указываютъ или на происхожденіе одного предмета отъ другого или на то, кому предметъ принадлежитъ, чье *притяжаніе* онъ составляетъ.

Бываетъ, что относительное прилагательное употребляютъ въ смыслѣ качественнаго, а притяжательное въ смыслѣ относительнаго вообще, напримѣръ: слово *дубовый* само по себѣ прилагательное относительное, а въ выраженіи *дубовый человѣкъ* оно получаетъ иной смыслъ, именно *малопонятливый,* и тогда оно становится качественнымъ и можетъ имѣть степени сравненія: этотъ человѣкъ дубовый (малопонятливый), а тотъ еще *дубовѣе.* Въ выраженіи *медвѣжья берлога* слово медвѣжья—прилагательное притяжательное (чья берлога?), а *медвѣжья полость* у саней—прилагательное относительное (какая полость?)

Въ настоящее время прилагательныя относительныя имѣютъ только одну сложную форму: старческій, дѣтскій, но въ старину они, какъ и качественныя, имѣли тоже двоякую форму: простую и сложную, остатки чего сохранились въ названіяхъ городовъ: Курскъ, Рыльскъ, Смоленскъ и др., ставшихъ теперь именами существительными собственными.

УРОКЪ 28-й.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

Имена прилагательныя сверхъ измѣненія ихъ по родамъ и степенямъ сравненія могутъ еще измѣняться по числамъ и падежамъ.

Имена прилагательныя качественныя въ *простой* (или *краткой)* формѣ могутъ измѣняться по числамъ; склоненіе же по

падежамъ они удержали только въ народномъ языкѣ, да и то не вполнѣ, и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ литературнаго языка. Въ древнее время склоненіе ихъ было сходно съ именами существительными на ъ, а, о и ь, ꙗ, ѥ, почему у новыхъ грамматистовъ этому склоненію и дано названіе *именного*.

Образецъ склоненія именного:

Единственное число.

И.	**бѣл-ъ**	**бѣл-а**	**бѣл-о**
Р.	**бѣл-а**	**бѣл-ы**	**бѣл-а**
Д.	**бѣл-у**	**бѣл-ѣ**	**бѣл-у**
В.	**бѣл-ъ**	**бѣл-ѫ**	**бѣл-о**
Т.	**бѣл-ъмь(омь)**	**бѣл-оѭ**	**бѣл-ъмь(омь)**
П.	**бѣл-ѣ**	**бѣл-ѣ**	**бѣл-ѣ**

Множественное число.

И.	**бѣл-и**	**бѣл-ы**	**бѣл-а**
Р.	**бѣл-ъ**	**бѣл-ъ**	**бѣл-ъ**
Д.	**бѣл-омъ**	**бѣл-амъ**	**бѣл-омъ**
В.	**бѣл-ы**	**бѣл-ы**	**бѣл-а**
Т.	**бѣл-ы**	**бѣл-ами**	**бѣл-ы**
П.	**бѣл-ѣхъ**	**бѣл-ахъ**	**бѣл-ѣхъ**

Единственное число.

И.	**син-ь**	**син-я**	**син-е**
Р.	**син-я**	**син-ѩ**	**син-я**
Д.	**син-ю**	**син-и**	**син-ю**
В.	**син-ь**	**син-ѭ**	**син-е**
Т.	**син-ьмь(емь)**	**син-еѭ**	**син-ьмь(емь)**
П.	**син-и**	**син-и**	**син-и**

Множественное число.

И.	**син-и**	**син-ѩ**	**син-я**
Р.	**син-ь**	**син-ь**	**син-ь**
Д.	**син-емъ**	**син-ямъ**	**син-емъ**
В.	**син-ѩ**	**син-ѩ**	**син-я**
Т.	**син-и**	**син-ями**	**син-и**
П.	**син-ихъ**	**син-яхъ**	**син-ихъ**

Въ настоящее время отъ этого склоненія остались одни обрывки, развалины. Такъ, въ народномъ языкѣ встрѣчаемъ вы-

раженія: „чоботы надѣла на *босу* (ѫ) ногу“, „стали скакать черезъ *бѣлъ горючъ* камень“, „*удалу добру* молодцу не хочется“, „не стану пить *зелена* вина“, „а не птички налетѣли изъ *чиста* поля“ и проч.

У Пушкина: „Въ *темну* ночь на вѣткѣ дремлетъ“; въ выраженіяхъ: „отъ *мала* до *велика*“, „въ три *дорога*“, „съ *горяча* до *сыта*“, „быть *биту*“ и проч.

Удержавшія простую форму имена прилагательныя притяжательныя на *овъ, евъ, инъ, ынъ* склоняются слѣдующимъ образомъ

	Единственное число.			Множ. число.
И.	попов-**ъ**	попов-**а**	попов-**о**	попов-**ы**
Р.	попов-**а**	попов-**ой**	попов-**а**	попов-**ыхъ**
Д.	попов-**у**	попов-**ой**	попов-**у**	попов-**ымъ**
В.	попов-**ъ(а)**	попов-**у**	попов-**о**	попов-**ы(ыхъ)**
Т.	попов-**ымъ**/**омъ**	попов-**ою**	попов-**ымъ**/**омъ**	попов-**ыми**
П.	попов-**ѣ**/**омъ**	попов-**ой**	попов-**ѣ**/**омъ**	попов-**ыхъ**

Творительный и предложный падежи, какъ видимъ, имѣютъ двоякое окончаніе. Окончаніе творит. пад. **омъ** ставится тогда, когда прилагательныя, употребляясь безъ существительнаго, означаютъ названіе мѣстности: подъ Кіевомъ, за Псковомъ, подъ Тарутиномъ, за Лысковомъ. Окончаніе твор. пад. **ымъ** ставится тогда, когда прилагательныя означаютъ фамиліи: съ Кутузовымъ, за Поповымъ.

Нѣкоторые составители грамматикъ рекомендуютъ писать: подъ Тарутинымъ, за Лысковымъ, но я не совѣтую имъ слѣдовать.

Окончаніе предложн. падежа **ѣ** ставится тогда, когда прилагательныя означаютъ мѣстность или фамиліи: въ Кіевѣ, въ Лысковѣ, при Кутузовѣ, о Петровѣ; окончаніе предложнаго пад. **омъ** ставится, когда эти прилагательныя означаютъ принадлежность въ тѣсномъ смыслѣ и безъ существительнаго явнаго или легко подразумѣваемаго не употребляются: въ поповомъ огородѣ, на Куликовомъ полѣ, объ Олеговомъ щитѣ.

О простой формѣ именъ прилагательныхъ относительныхъ (Курскъ, Рыльскъ) было уже замѣчено, что она приняла характеръ именъ существительныхъ и склоняется по ихъ образцу.

Сложная форма именъ прилагательныхъ (иначе называемая *полною*) произошла, какъ было сказано, изъ простой путемъ присоединенія къ ней указательнаго мѣстоименія и, ꙗ, ѥ. Въ очень древнее время при склоненіи сложной формы обѣ ея составныя части, именная и мѣстоименная, склонялись, вѣроятно, каждая сама по себѣ, но потомъ, ближе къ нашему времени, эта рѣзкая обособленность въ силу фонетическихъ законовъ утратилась, и склоненіе сложной формы прилагательныхъ на **ый, ая, ое** въ настоящее время приняло въ написаніи такой видъ:

Единственное число.

И.	нов-**ый**	нов-**ая**	нов-**ое**
Р.	нов-**аго (ого)**	нов-**ой**	нов-**аго (ого)**
Д.	нов-**ому**	нов-**ой**	нов-**ому**
В.	сход. съ И. или Р.	нов-**ую**	нов-**ое**
Т.	нов-**ымъ**	нов-**ою(ой)**	нов-**ымъ**
П.	о нов-**омъ**	нов-**ой**	нов-**омъ**

Множественное число.

И.	нов-**ые**	нов-**ыя**	нов-**ыя**
Р.	нов-**ыхъ**	нов-**ыхъ**	нов-**ыхъ**
Д.	нов-**ымъ**	нов-**ымъ**	нов-**ымъ**
В.	сходенъ съ Имен. или Родит.		нов-**ыя**
Т.	нов-**ыми**	нов-**ыми**	нов-**ыми**
П.	о нов-**ыхъ**	нов-**ыхъ**	нов-**ыхъ**

Если именительный падежъ мужского рода оканчивается на **ой**, что бываетъ въ томъ случаѣ, когда удареніе слова приходится на послѣднемъ слогѣ, то въ окончаніи родительнаго падежа единственнаго числа пишется согласно съ произношеніемъ **ого**, а не **аго**. Въ произношеніи, кромѣ того, задне-язычный звукъ **г** замѣняется губнымъ **в**; такъ, напримѣръ, пишемъ: голуб*ого*, а выговариваемъ: голуб*ова*.

УРОКЪ 29-й.

Склоненіе именъ прилагательныхъ.

(Продолженіе 28-го урока).

Въ цѣляхъ уясненія образованія современнаго склоненія прилагательныхъ я привожу *предполагаемыя* формы древнѣйшаго времени, а также и формы, *засвидѣтельствованныя* историческими письменными памятниками церковно-славянскаго и древне-русскаго языка.

	Предполагаемыя формы.			*Дѣйствительно бывшія формы.*		
			Единственное число.			
И.	новъ+и	нова+ꙗ	ново+ѥ	новы+и нова+ѥго	нова+ꙗ	ново+ѥ
Р.	нова+ѥго	новы+ѥѩ	нова+ѥго	нова+аго нов+аго	новы+ѩ	нова+аго
Д.	нову+ѥмоу	новѣ+ѥи	нову+ѥмоу	ново+ѥмоу нову+оумоу	новѣ+и	нову+оумоу
В.	новъ+и	новѫ+ѭ	ново+ѥ	новы+и	новѫ+ѭ	ново+ѥ
Т.	новъмь+имь	новоѭ+ѥѭ	новъмь+имь	новы+имь	ново+ѭ	новы+имь
П.	новѣ+ѥмь	новѣ+ѥи	новѣ+ѥмь	новѣ+ѥмь	новѣ+и	новѣ+ѥмь
			Множественное число.			
И.	нови+и	новы+ѩ	нова+ꙗ	нови+и	новы+ѩ	нова+ꙗ
Р.	новъ+ихъ	новъ+ихъ	новъ+ихъ	новы+ихъ	новы+ихъ	новы+ихъ
Д.	новомъ+имъ	новамъ+имъ	новомъ+имъ	новы+имъ	новы+имъ	новы+имъ
В.	новы+ѩ	новы+ѩ	нова+ꙗ	новы+ѩ	новы+ѩ	нова+ꙗ
Т.	новы+ими	новы+ими	новы+ими	новы+ими	новы+ими	новы+ими
П.	новѣхъ+ихъ	новахъ+ихъ	новѣхъ+ихъ	новѣ+ихъ и новы+ихъ	новы+ихъ	новы+ихъ

Сопоставляя съ этими формами прилагательныхъ нынѣшнія, приведенныя въ предыдущемъ урокѣ, мы замѣчаемъ, что у послѣднихъ въ окончаніяхъ, начиная съ родит. падежа, одинъ гласный звукъ выброшенъ, и выброшенъ или звукъ *и* или звукъ ѥ=*йэ*, т. е. такой именно звукъ, на произношеніе котораго затрачивается бо́льшая мышечная работа, чѣмъ на оставленный гласный. Такъ въ окончаніи родительнаго падежа муж. рода звукъ *а* легче произнести, нежели сложный *е=йэ*, поэтому *а*

осталось, *е* выброшено. Причемъ выбросъ произошелъ не сразу: сначала *е* было замѣнено *а*, какъ болѣе легкимъ для произношенія, потомъ уже изъ двухъ *а* одно выброшено.

Подобнымъ образомъ въ окончаніи дательнаго падежа един. числа звукъ *е* былъ сначала замѣненъ болѣе легкимъ *у*, а потомъ уже изъ двухъ *у* одно выброшено, оставшееся же *у*, въ свою очередь, замѣнено еще болѣе легкимъ звукомъ *о*. Эта замѣна на письмѣ и особенно въ произношеніи болѣе трудныхъ, въ смыслѣ мышечной работы, звуковъ болѣе легкими совершена во всѣхъ падежахъ. Кажущееся исключеніе представляетъ окончаніе имен. падежа множ. числа муж. рода, въ которомъ совершенно неосновательно принято писать *е*; въ произношеніи однако въ немъ слышится *и*, согласно съ происхожденіемъ окончанія и старымъ его написаніемъ.

Сначала замѣчается наклонность удержать для второго, выпадающаго, гласнаго укладъ предыдущаго звука, видна какъ бы неохота перемѣнить его (укладъ), а затѣмъ является неохота и задерживаться на немъ, длить его.

На этотъ фактъ можно смотрѣть или какъ на проявленіе *экономіи въ мышечной работѣ* или какъ на проявленіе лѣнцы, свойственной русскому человѣку.

Не берусь рѣшить, которое именно изъ началъ (экономія или лѣнь) легло въ основу этого факта. Возможно, что оба они дѣйствовали одновременно и въ согласіи.

Прилагательныя съ окончаніями на **ій, яя, ее** склоняются сходно съ предыдущими, какъ это видно изъ слѣдующаго образца:

Единственное число.

И.	син-**ій**	син-**яя**	син-**ее**
Р.	син-**яго**	син-**ей**	син-**яго**
Д.	син-**ему**	син-**ей**	син-**ему**
В.	сход. съ И. или Р.	син-**юю**	син-**ее**
Т.	син-**имъ**	син-**ею(ей)**	син-**имъ**
П.	о син-**емъ**	син-**ей**	син-**емъ**

Множественное число.

И.	син-**іе**	син-**ія**	син-**ія**
Р.		син-**ихъ**	
Д.		син-**имъ**	
В.	сход. съ Имен. или Родит.		син-**ія**
Т.		син-**ими**	
П.		о син-**ихъ**	

И здѣсь, если сравнивать древнія формы съ нынѣшнимъ произношеніемъ, мы наблюдаемъ то же самое явленіе, что и въ предыдущемъ случаѣ: болѣе трудный звукъ выбрасывается, а легкій оставляется. Такъ вмѣсто синей, синя-кго произносимъ син-ий, син-ива (пишемъ же син-яго): *и* легче для произношенія, нежели двойной *я=й+а* или *е=й+э*; вмѣсто синю-кмоу произносимъ син-иму, вмѣсто въ сини+кмь платкѣ, въ сини+кй накидкѣ говоримъ въ син-имъ платкѣ, въ син-ий накидкѣ.

Но пишемъ мы не такъ, какъ говоримъ. На письмѣ мы крѣпко держимся за написаніе, доставшееся намъ по преданію отъ старины, отъ ея грамотѣевъ, или придерживаемся моды, вводимой къ огорченію многихъ родителей и дѣтей современными книжными людьми.

Прилагательныя притяжательныя на **ій, ья, ье** склоняются такъ:

Единственное число.

И.	вдов-**і-й**	вдов-**ь-я**	вдов-**ь-е**
Р.	вдов-**ь-яго**	вдов-**ь-ей**	вдов-**ь-яго**
Д.	вдов-**ь-ему**	вдов-**ь-ей**	вдов-**ь-ему**
В.	сход. съ И. или Р.	вдов-**ь-ю**	вдов-**ь-е**
Т.	вдов-**ь-имъ**	вдов-**ь-ею**	вдов-**ь-имъ**
П.	о вдов-**ь-емъ**	вдов-**ь-ей**	вдов-**ь-емъ**

Множественное число:

И.	вдов-**ь-и**	
Р.	вдов-**ь-ихъ**	
Д.	вдов-**ь-имъ**	
В.	сход. съ И. или Р.	вдов-**ь-и**
Т.	вдов-**ь-ими**	
П.	о вдов-**ь-ихъ**	

Прилагательное *Божій* иногда употребляется и безъ замѣны звука *і* еремъ *(ь)*: Божіи, Божіихъ. Въ родительн. и дат. падеж. единств. числа мужского и средняго рода оно имѣетъ двоякую форму: Р. Бож-і-я и Бож-і-яго, Д. Бож-і-ю и Бож-і-ему.

УРОКЪ 30-й.

О степеняхъ сравненія.

Выше было замѣчено, что степеней сравненія хотя и считается три, но ихъ въ сущности двѣ: *сравнительная* и *превосходная*. О нихъ только я и буду говорить въ этомъ урокѣ.

Особыхъ окончаній для каждой изъ нихъ у насъ, строго говоря, нѣтъ. И сравнительная и превосходная степень пользуются для своихъ цѣлей одними и тѣми же окончаніями, такъ что иногда отличить одну степень отъ другой можно только по смыслу:

Окончанія эти слѣдующія: *ѣе* (сокращ. *ѣй*), *е*, *шій*, *ѣйшій*, *айшій*.

Изстари однако такъ повелось, что въ грамматикахъ окончанія *ѣе*, *е* считаютъ принадлежащими сравнительной степени: добрѣе, хуже. Эти формы называютъ *краткими*, онѣ не склоняются. По своему происхожденію эти несклоняемыя формы суть не что иное, какъ именительный падежъ един. числа средняго рода древне-славянскаго языка.

лоучии, лоуч-ьш-и, лоуч-е=лучше
добрѣи, добрѣиши, добрѣе.

Остальныя три окончанія относятъ то къ сравнительной, то къ превосходной степени. Ихъ называютъ *полными*, они склоняются: добрѣйшій—добрѣйшаго, тишайшій—тишайшаго.

Общее правило для образованія степеней сравненія состоитъ въ томъ, что къ основѣ положительной степени приставляется одно изъ пяти окончаній ихъ, смотря по тому, которое лучше подходитъ. При этомъ иногда приходится дѣлать чередованіе согласныхъ звуковъ основы, напр.: добр-ый, добр-ѣе, добр-ѣйшій; строг-ій, строж-е, строж-айшій; глубок-ій, глубж-е, глубоч-айшій.

Въ частности надо замѣтить слѣдующее:

1. Если основа прилагательнаго оканчивается на *г*, *к*, *х*, то краткая форма сравнительной степени оканчивается на *е*, причемъ конечные согласные звуки основы чередуются съ *ж*, *ч*, *ш*.

строгій—стро*же*
мягкій—мяг*че*
тихій—ти*ше*.

Но: дикій—дич*ѣе*, бойкій—бойч*ѣе*, ловкій—ловч*ѣе* и ловч*е*, звонкій—звонч*ѣе* и звонч*е*.

Въ нѣкоторыхъ изъ такихъ прилагательныхъ бываютъ отступленія отъ закона чередованія:

слаб*к*ій—слаб*ж*е вмѣсто слаб*ч*е
дол*г*ій—доль*ш*е — дол*ж*е
глубо*к*ій—глуб*ж*е — глуб*ч*е

Нѣкоторыя изъ прилагательныхъ на *к-ій* и *ок-ій* при образованіи сравнительной степени отбрасываютъ суффиксы *к* и *ок*.

гадкій—гаже
рѣдкій—рѣже
близкій—ближе
широкій—шире
высокій—выше и др.

2. Склоняемая форма степени отъ задне-язычныхъ основъ оканчивается на *айшій* и тоже съ чередованіемъ послѣдняго согласнаго основы.

стро*г*ій—стро*ж*айшій
мяг*к*ій—мяг*ч*айшій
ти*х*ій—ти*ш*айшій.

Впрочемъ, отъ многихъ такихъ основъ склоняемая форма не образуется.

3. Если основа прилагательнаго оканчивается не на задне-язычный звукъ, то краткая форма степени оканчивается на *ѣе*, а склоняемая на *ѣйшій*: добрый, добрѣе, добрѣйшій; знатный, знатнѣе, знатнѣйшій; бѣлый, бѣлѣе, бѣлѣйшій и т. п.

Но: богатый—богаче и богатѣе

густой—гуще
дешевый—дешевле
красный—краше (о красотѣ)
крутой—круче
простой—проще
твердый—тверже
толстый—толще
частый—чаще
чистый—чище
старый—старше и старѣе.

4. Три прилагательныхъ образуютъ сравнительную степень отъ другихъ основъ:

великій,	больше,	большій;
малый,	меньше,	меньшій;
хорошій,	лучше,	лучшій.

5. Прилагательное *горькій* имѣетъ въ сравнительной степени по двѣ формы: горчѣе и горше, горчайшій и горшій.

6. Къ прилагательнымъ, не имѣющимъ краткой или полной формы сравнительной степени, для ея выраженія прибавляютъ къ положительной степени слово *болѣе*, напр., отъ *узкій* нельзя образовать сравнительной степени съ склоняемымъ окончаніемъ, нельзя сказать *ужайшій*, поэтому въ случаѣ надобности говорятъ: *болѣе* узкій.

Превосходная степень пользуется, какъ сказано, тѣми же окончаніями, какъ и сравнительная, но съ добавленіемъ заимствованной изъ польскаго языка приставки *наи:* наилучшій, наихудшій, наидобрѣйшій, наилучше, наихуже, наидобрѣе.

Кромѣ того, она можетъ быть выражена положительной степенью съ прибавленіемъ приставки *пре* или мѣстоименія *самый*: *пре*милый, *пре*добрый, *самый* милый, *самый* добрый.

Краткое окончаніе превосходной степени получается добавленіемъ къ сравнительной степени слова *всего* или *всѣхъ: всѣхъ* милѣе, *всѣхъ* лучше, *всего* милѣе, *всего* лучше.

Здѣсь же добавлю еще, что качественныя прилагательныя, подобно существительнымъ, могутъ иногда посредствомъ особыхъ суффиксовъ выражать оттѣнки уменьшенія и ласкательности, а также усиленія.

Суффиксы *оват, еват* выражаютъ уменьшеніе: холодноватый, глуповатый, синеватый.

Суффиксы *оньк, еньк* выражаютъ ласку: сухонькій, холодненькій.

Суффиксы *охонек, ёхонек, ошенек, ёшенек* выражаютъ усиленіе качества: сухохонекъ, мокрёхонекъ, сухошенекъ, мокрёшенекъ.

УРОКЪ 31-й.

Объ образованіи именъ прилагательныхъ.

Имена прилагательныя по своему происхожденію бываютъ первообразныя или первичныя, производныя и составныя.

Первообразныя или *первичныя* — это тѣ прилагательныя, у которыхъ признакъ рода присоединенъ прямо къ корню слова, напр.: бѣл-ъ, бѣл-а, бѣл-о, хром-ъ, мал-ъ.

Производныя—это тѣ прилагательныя, у которыхъ между корнемъ и родовымъ окончаніемъ находятся какіе-нибудь суффиксы: яр-к-ій, круг-л-ый, брат-ск-ій, друж-е-ск-ій.

Составныя—это тѣ прилагательныя, которыя образованы изъ нѣсколькихъ словъ: велико-душный, главно-командующій, не-полно-правный, желѣзно-дорожный и т. п.

Каждому разряду именъ прилагательныхъ свойственны особые суффиксы.

1) Качественнымъ прилагательнымъ свойственны слѣдующіе суффиксы:

к: этотъ суффиксъ мѣстоименнаго происхожденія (к-ыи) прибавляется къ корню или прямо или съ помощью гласныхъ *е* и *о:* роб-к-ій, яр-к-ій, звон-к-ій, жар-к-ій, дал-ек-ій, шир-ок-ій.

л: свѣт-л-ый, кис-л-ый.

н: тем-н-ый, ум-н-ый, яс-н-ый.

р: храб-р-ый, доб-р-ый, хит-р-ый.

ав, ив: лук-ав-ый, крас-ив-ый.

ат, ит: косм-ат-ый, имен-ит-ый.

аст, ист: зуб-аст-ый, серебр-ист-ый.

2) Суффиксы прилагательныхъ относительныхъ слѣдующіе:

ан, ян: кож-ан-ый, кост-ян-ой, рж-ан-ой, лед-ян-ой, землян-ой, дерев-ян-н-ый, серебр-ян-ый.

н: желѣз-н-ый, камен-н-ый, здѣш-н-ій, сквоз-н-ой.

ск: город-ск-ой, приход-ск-ій, ям-ск-ой.

Если суффиксъ *ск* присоединяется къ корню или основѣ, оканчивающимся на *к* или *ч*, то звуки *кс* и *чс* замѣняются въ произношеніи и на письмѣ звукомъ *ц*, напримѣръ: вмѣсто

грек-*ск*-ій орѣхъ говорятъ и пишутъ гре*ц*-кій орѣхъ, вмѣсто галич-*ск*-ій—гали-*ц*-к-ій, вмѣсто дура*ж*-*ск*-ій—дура-*ц*-к-ій.

Но если этотъ суффиксъ присоединяется къ основѣ на *д* или *т*, то звуки *дс* и *тс* въ произношеніи иногда замѣняются звукомъ *ц*, но на письмѣ этой замѣны никогда не изображаютъ: кадет-ск-ій, посад-ск-ій.

Если за этимъ суффиксомъ будутъ слѣдовать суффиксы *ик* и *ин*, то онъ замѣняется однимъ звукомъ *щ*, напримѣръ: ям-*ск*-ой—ям-*щ*-ик-ъ, жен-*ск*-ій—жен-*щ*-ин-а.

Если суффиксъ *щ-ик-ъ* долженъ присоединиться къ основѣ на *к*, то въ этомъ случаѣ происходитъ двойная замѣна: *к* замѣняется *т*, а *щ* замѣняется *ч*: по-так-а-ть—по-тат-ч-ик-ъ, поруч-а-ть (отъ рука) по-рут-ч-ик-ъ (неосновательно пишутъ: поручикъ).

Если основа слова оканчивается на *з* или *с*, то эти звуки передъ суффиксомъ *щ-ик-ъ* опускаются: изво-щик-ъ, разно-щик-ъ, раска-щик-ъ, прика-щик-ъ, подно-щикъ, доно-щикъ. Но пишутъ также и: извоз-чикъ, приказ-чикъ и проч.

3) Суффиксы прилагательныхъ *притяжательныхъ* слѣдующіе:

ев, ов: цар-ев-ъ, писар-ев-ъ, отц-ов-ъ, ворон-ов-ъ.
ин, ын: сестр-ин-ъ, дяд-ин-ъ, куриц-ын-ъ, кормилиц-ын-ъ.
і: Бож-і-й, человѣч-і-й, лис-і-й, баб-і-й, вдов-і-й.

БЕСѢДА 10-я

Существительныя, означающія качество, и прилагательныя качественныя.

Такія существительныя, какъ *краснота, худоба, радость, храбрость, злость* и т. п., подобно прилагательнымъ *красный, худой, радостный храбрый, злой* и т. п. выражаютъ качество. Спрашивается, есть-ли какое-нибудь различіе между существительнымъ качества и па́рнымъ къ нему прилагательнымъ, и если есть, то въ чемъ оно состоитъ.

Такъ какъ языкъ возникъ у неграмотнаго народа, то намъ, чтобы отвѣтить на поставленный вопросъ, надо обратиться или къ простолюдину и какимъ-нибудь образомъ допытаться, добиться отъ него, какъ онъ смотритъ на качества, или обратиться за тѣмъ же къ письменнымъ памятникамъ нашей старины, когда писатель былъ душой попроще, чѣмъ нынѣшній.

Въ старину всѣ люди, и учоные и неучоные, а нынче только простецы и неучоные смотрѣли и смотрятъ на качество, какъ на *особую вещь*, находящуюся въ предметѣ. Эта вещь, по ихъ представленіямъ, обладаетъ силой, которая можетъ побѣждать другія качества, такъ что между качествами возможна борьба; они могутъ входить и выходить изъ предметовъ. Напримѣръ, по мнѣнію простолюдина, рѣдька своею *горькостью прогоняетъ жаръ*; *болѣзнь входитъ* пудами, а *выходитъ* золотниками. Такія выраженія въ устахъ простыхъ людей не есть только оборотъ рѣчи; съ ними всегда связывается представленіе о дѣйствительномъ прогнаніи, вхожденіи и выхожденіи, какъ будто качества на самомъ дѣлѣ были одушевленные предметы. Понятно, что названія одного и того же качества, взятыя отъ одного и того же корня, слабо различались другъ отъ друга, такъ что чѣмъ дальше мы будемъ забираться въ глубь вѣковъ, тѣмъ все меньше и меньше будемъ видѣть разницы между существительнымъ и прилагательнымъ. До чего она была мала вообще, это видно изъ древнихъ письменныхъ памятниковъ, въ которыхъ отъ именъ существительныхъ образована даже сравнительная степень. Такъ, въ одной рукописи XIII вѣка читаемъ: „Къ чему пріложю пiѧнаго, скотiну ли i нареку, нъ того скотѣе, звѣрь ли, нъ того звѣрѣе i несмысльнѣе“, т. е. „съ чѣмъ сравню пьяницу? назову ли его скотомъ? но пьяница скотѣе его; звѣремъ? но пьяница звѣрѣе и безсмысленнѣе его“. Въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ эта способность существительныхъ образовать сравнительную степень сохранилась до настоящаго времени, напр., въ архангельской губерніи говорятъ *бережѣе*, т. е. ближе къ берегу.

Думать, что формы *скотѣе, звѣрѣе* произведены отъ притяжательныхъ *скотій, звѣрій* нельзя, потому что тогда онѣ означали бы „болѣе принадлежащій звѣрю“, а не „болѣе звѣрь“. Нѣтъ, просто въ существительномъ въ древности было болѣе качественности, чѣмъ теперь.

Есть даже основаніе думать, что было время, когда и по формѣ существительныя не отличались отъ прилагательныхъ,

такъ что отличать ихъ другъ отъ друга было трудно. Слѣды такого состоянія языка доселѣ сохранились въ нѣкоторыхъ именахъ, напр.: сѫсѣдъ=сосѣдъ и сосѣдній; „вечер' же єстъ общь прѣдѣлъ д'ни и нощи, и заутрина такожде, яже *сусѣда* нощи къ дни"; „и *жито* забыто, и *пито* не въ честь" (пословица); „отъ добраго приноса и *прямо* съ колѣнцемъ живетъ"; другъ=другой; другъ за другомъ=одинъ за другимъ; „все *сине*—мое и за *сине*—мое", т. е. мои владѣнія простираются отсюда дальше лѣсовъ, синѣющихъ вдали (за *синь*).

Такимъ образомъ, разницы по существу между существительными качества и прилагательными качественными нѣтъ; она между ними—формальная (родовыя окончанія и степени сравненія). Поэтому мы иногда свободно замѣняемъ ихъ другъ другомъ, напримѣръ: онъ—удивительная доброта=онъ удивительно добръ. У Пушкина: „вздохнетъ младость, утѣшится печаль, задумается радость"=вздохнутъ молодые, утѣшатся печальные, задумаются радостные.

УРОКЪ 32-й.

Имя числительное.

Есть въ языкѣ слова, которыя употребляютъ въ томъ случаѣ, когда нужно обозначить или число предметовъ или мѣсто, которое они занимаютъ въ какомъ-нибудь ряду. Въ первомъ случаѣ такія слова отвѣчаютъ на вопросъ *сколько?* напр.: семь, десять, сто, во второмъ на вопросъ *который?* седьмой, десятый, сотый. Этотъ разрядъ словъ называется въ грамматикѣ *именемъ числительнымъ*.

Имена числительныя, отвѣчающія на вопросъ *сколько?* называются *количественными*, а отвѣчающія на вопросъ *который?* —*порядковыми*, такъ какъ они указываютъ мѣсто въ ряду или пó ряду.

Количественныя:	Порядковыя:
1—одинъ, одна, одно,	первый, ая, ое,
2—два, двѣ,	второй, ая, ое,
3—три,	третій, ья, ье,

4—четыре,	четвертый,	ая,	ое,
5—пять,	пятый,	„	„
6—шесть,	шестой,	„	„
7—семь,	седьмой,	„	„
8—восемь,	восьмой,	„	„
9—девять,	девятый,	„	„
10—десять,	десятый,	„	„
11—одиннадцать,	одиннадцатый,	„	„
12—двѣнадцать,	двѣнадцатый,	„	„
13—тринадцать,	тринадцатый,	„	„
14—четырнадцать,	четырнадцатый,	„	„
15—пятнадцать,	пятнадцатый,	„	„
16—шестнадцать,	шестнадцатый,	„	„
17—семнадцать,	семнадцатый,	„	„
18—восемнадцать,	восемнадцатый	„	„
19—девятнадцать,	девятнадцатый,	„	„
20—двадцать,	двадцатый,	„	„
21—двадцать одинъ,	двадцать первый,	„	„
22—двадцать два,	двадцать второй,	„	„
30—тридцать,	тридцатый,	„	„
40—сорокъ,	сороковой,	„	„
50—пятьдесятъ,	пятидесятый	„	„
60—шестьдесятъ,	шестидесятый,	„	„
70—семьдесятъ,	семидесятый,	„	„
80—восемьдесятъ,	восьмидесятый,	„	„
90—девяносто,	девяностый,	„	„
100—сто,	сотый,	„	„
101—сто одинъ,	сто первый,	„	„
200—двѣсти,	двухсотый,	„	„
300—триста,	трехсотый,	„	„
400—четыреста,	четырехсотый,	„	„
500—пятьсотъ,	пятисотый,	„	„
600—шестьсотъ,	шестисотый	„	„
700—семьсотъ,	семисотый,	„	„
800—восемьсотъ,	восьмисотый,	„	„
900—девятьсотъ,	девятисотый,	„	„
1000—тысяча,	тысячный,	„	„

и т. д.

Числительное *сорокъ* заимствовано изъ греческаго языка (σαράκοντα) и замѣнило прежнее русское *четырдцать*.

Къ числительнымъ количественнымъ относятся также числительныя *собирательныя:* двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, и т. д. и *дробныя:* полтора, полтретья, полчетверта и т. д.

Дробныя образовались изъ порядковыхъ путемъ сокращенія послѣднихъ: полтора значитъ пол(в)тора(го), полтретья значитъ полтретья(го) т. е. два съ половиной, полчетверта—полчетверта(го) т. е. три съ половиной и т. д.

Имена числительныя, подобно существительнымъ и прилагательнымъ, склоняются, причомъ нѣкоторыя количественныя измѣняются какъ существительныя, нѣкоторыя же—какъ прилагательныя, а всѣ порядковыя склоняются какъ имена прилагательныя.

Такъ какъ нерѣдко затрудняются, какъ надо сказать или написать нѣкоторыя формы числительныхъ, то я покажу здѣсь склоненіе тѣхъ изъ нихъ, которыя могутъ служить образцомъ всѣхъ остальныхъ.

Единственное число.

	Муж. родъ.	Сред. родъ.	Женскій родъ.
И.	одинъ	одно	одна
Р.	одного		одной
Д.	одному		одной
В.	сход. съ И. или Р.	одно	одну
Т.	однимъ		одною
П.	объ одномъ		объ одной

Множественное число.

	Муж. родъ.	Сред. родъ.	Женскій родъ.
И.	одни		однѣ
Р.	однихъ		однѣхъ
Д.	однимъ		однѣмъ
В.	сход. съ И. или Р.	одни	сход. съ И. или Р.
Т.	одними		однѣми
П.	объ однихъ		объ однѣхъ

Множественное число.

	Муж. и Сред. р.	Жен. р.	Всѣхъ родовъ.	
И.	два	двѣ	три	четыре
Р.	двухъ		трехъ	четырехъ
Д.	двумъ		тремъ	четыремъ
В.	сходенъ съ Именительнымъ или Родительнымъ.			
Т.	двумя		тремя	четырьмя
П.	о двухъ		трехъ	четырехъ

Если эти числительныя присоединяютъ къ десяткамъ, сотнямъ или тысячамъ, то винительный падежъ ихъ всегда бываетъ сходенъ съ именительнымъ.

	Муж. и сред. родъ.	Женск. родъ.
И.	оба	обѣ
Р.	обоихъ	обѣихъ
Д.	обоимъ	обѣимъ
В.	сход. съ Именит. или Родительн.	
Т.	обоими	обѣими
П.	объ обоихъ	обѣихъ

Косвенные падежи этого числительнаго принадлежатъ, въ сущности, формѣ *обои,* иногда замѣняющей числительное *оба* и представляющей собою остатокъ вѣроятной формы *обой,* отъ которой они уцѣлѣли наравнѣ съ формами ед. чис. муж. и сред. рода: *обое.* Числительное *обое* склоняется какъ мѣстоименіе *мое.*

И.	обое
Р.	обоего
Д.	обоему
В.	обое
Т.	обоимъ
П.	объ обоемъ

Отъ этого числительнаго встрѣчается еще именительный падежъ множ. числа муж. рода *обои;* прочіе косвенные падежи этого слова перешли къ числительному *оба.*

Числительныя *пять, шесть, семь, восемь, девять, десять* и сложныя съ десять первоначально были существительными женскаго рода. Такъ въ старину писали: „*одна шесть* деревень“; „*та десять* копенъ описана“; „въ *ту восмь* годовъ“; „*семь* рублевъ денегъ *Московскую*“; „взяти *тридцать* рублевъ *Московская*“ и т. п. Поэтому склоненіе этихъ числительныхъ вполнѣ сходно съ склоненіемъ существительныхъ женскаго рода на **ь**.

И.	пять	семь	тридцать
Р.	пяти	семи	тридцати
Д.	пяти	семи	тридцати
В.	пять	семь	тридцать
Т.	пятью	семью	тридцатью
П.	о пяти	семи	тридцати

Числительныя *сорокъ, девяносто, сто* склоняются какъ существительныя на **ъ** и **о**, если употребляются одни, безъ существительныхъ.

Единственное число.

И.	сорокъ	девяносто	сто
Р.	сорока́	девяноста	ста
Д.	сороку́	девяносту	сту
В.	сорокъ	девяносто	сто
Т.	сороко́мъ	девяностомъ	стомъ
П.	о сорокѣ́	девяностѣ	стѣ

Множественное число.

И.	сорока́	девяноста	ста
Р.	сороко́въ	девяностъ	сотъ
Д.	сорока́мъ	девяностамъ	стамъ
В.	сорока́	девяноста	ста
Т.	сорока́ми	девяностами	стами
П.	о сорока́хъ	девяностахъ	стахъ

Но если къ этимъ числительнымъ приложены существительныя или другія числительныя, то всѣ косвенные падежи, кромѣ винительнаго, принимаютъ окончаніе родительнаго падежа.

И.	сорокъ верстъ	девяносто пять	сто человѣкъ
Р.	сорока верстъ	девяноста пяти	ста человѣкъ
Д.	сорока верстамъ	девяноста пяти	ста человѣкамъ
В.	сорокъ верстъ	девяносто пять	сто человѣкъ
Т.	сорока верстами	девяноста пятью	ста человѣками
П.	о сорока верстахъ	девяноста пяти	ста человѣкахъ

Однако на вопросъ *по скольку?* дательный падежъ имѣетъ окончаніе на **у**: по сороку рублей, по сту человѣкъ, по девяносту верстъ.

Собирательныя *двое, двои, четверо, четверы* склоняются такъ:

И.	двое	двои	четверо	четверы
Р.	двоихъ	двоихъ	четверыхъ	четверыхъ
Д.	двоимъ	двоимъ	четверымъ	четверымъ
В.	сход. съ И. или Р.	двои	сход. съ И. или Р.	четверы
Т.	двоими	двоими	четверыми	четверыми
П.	о двоихъ	двоихъ	четверыхъ	четверыхъ

Такъ же склоняются *трое, трои, пятеро, пятеры, шестеро шестеры* и т. д.

Въ употребленіи этихъ собирательныхъ нашъ языкъ допускаетъ большую свободу; можно говорить: трои, четверы сутки и трое, четверо сутокъ, семеры сани и семеро саней и т. д.,— и то, и другое будетъ хорошо и складно, смотря по случаю.

УРОКЪ 33-й.

Имя числительное.

(Продолженіе 32-го урока).

Въ сложныхъ числительныхъ: *пятьдесятъ, шестьдесятъ, семьдесятъ, восемьдесятъ* каждая составная часть склоняется отдѣльно, напримѣръ:

И.	пятьдесятъ	восемьдесятъ
Р.	пятидесяти	восьмидесяти
Д.	пятидесяти	восьмидесяти
В.	пятьдесятъ	восемьдесятъ
Т.	1. пятьюдесятью	восемьюдесятью
	2. пятидесятью	восьмидесятью
П.	о пятидесяти	восьмидесяти

Подобнымъ же образомъ склоняются и сложныя *двѣсти, триста, четыреста* и т. д. до *девятисотъ* включительно.

И.	двѣсти	шестьсотъ
Р.	двухъ-сотъ	шестисотъ
Д.	двумъ-стамъ	шестистамъ
В.	двѣсти	шестьсотъ
Т.	двумя-стами	шестьюстами
П.	о двухъ-стахъ	шестистахъ

Числительныя *тысяча* и *милліонъ* склоняются какъ имена существительныя.

Изъ дробныхъ числительныхъ нужно отмѣтить тѣ, которыя употребляются съ приставкою *пол*, означающею половину, какъ-то: *полтора, полтораста* и устарѣвшія *полтретья, полчетверта, полпята* и т. п. Обыкновенно эти числительныя от-

дѣльно отъ существительныхъ не склоняются; въ соединеніи же съ ними лучшіе наши грамматисты совѣтуютъ склонять ихъ такъ:

Мужского и средняго рода.

И.	полтора рубля	полтретья ведра
Р.	полутора рублей	полутретья ведеръ
Д.	1. полутора рублямъ 2. по полутору рублей	полутретья ведрамъ по полутретью ведеръ
В.	полтора рубля	полтретья ведра
Т.	полутора рублями	полутретья ведрами
П.	въ полуторѣ рубляхъ	въ полутретьѣ ведрахъ

Женскаго рода.

И.	полторы минуты	полтретьи версты
Р.	полуторы минуты	полутретьи версты
Д.	1. полуторымъ минутамъ 2. по полуторѣ минуты	полутретьимъ верстамъ по полутретьѣ версты
В.	полторы минуты	полтретьи версты
Т.	полуторыми минутами	полутретьими верстами
П.	въ полуторѣ минуты	въ полутретьѣ версты

Нужно однако замѣтить, что живой языкъ не придерживается даннаго образца и то и дѣло допускаетъ уклоненія отъ него, мѣшая един. число съ множ.; говорятъ и „въ полуторѣ верстѣ", и „въ полуторѣ версты", и „въ полуторѣ верстахъ", „съ полутора тысячью", и „съ полуторою тысячью", и „съ полуторыми тысячами". Все это указываетъ въ данномъ случаѣ на полную свободу языка, какъ бы на стремленіе его освободиться отъ путъ грамматической формы, которая всегда до извѣстной степени стѣсняетъ мысль и духъ. Обиліемъ равнозначныхъ формъ геній языка какъ бы желаетъ сказать: не черезъ форму, а независимо отъ нея, духомъ проникай въ духъ или смыслъ говоримаго, не въ формѣ суть и дѣло.

Прибавлю еще одно замѣчаніе къ этимъ числительнымъ: частица *пол* въ прежнее время означала *половину вообще*; поэтому, будучи приложена къ числу, означающему счетъ простыхъ единицъ до двадцати, она означала половину единицы перваго рязряда; приложенная же къ числу, называющему десятки, она означала половину единицы второго разряда, т. е. половину десятка; такимъ образомъ, полшеста значитъ пять съ половиной, полдругонадцать—одиннадцать съ половиной, получетырдцать—тридцать пять (а не

двадцать и не тридцать девять съ половиной), полушестадесятъ— пятьдесятъ пять (а не тридцать и не пятьдесятъ девять съ половиной).

Было сказано, что простыя порядковыя числительныя склоняются, какъ имена прилагательныя. Но сложныя порядковыя составляются изъ количественныхъ и порядковыхъ такимъ образомъ, что къ порядковому прибавляется количественное, напримѣръ: *тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмой.* При склоненіи сложныхъ порядковыхъ количественныя остаются безъ измѣненія.

И.	тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмой
Р.	тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмого
Д.	тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмому
В.	сходенъ съ Именит. или Родит.
Т.	тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмымъ
П.	о тысяча шестьсотъ восемьдесятъ седьмомъ.

Образованіе именъ числительныхъ.

По составу или образованію имена числительныя раздѣляются на первичныя, производныя и сложныя.

Первичныхъ числительныхъ немного; всѣ они количественныя.

ин-ъ, а, о или од-ин-ъ, ед-ин-ъ, од-(и)н-а, ед-ин-а, од-(и)н-о, ед-ин-о,

дв-а, об-а,
тр-и,
четыр-е,
пя-т-ь,
шес-т-ь,
се-м-ь,
в-ос-е-м-ь,
девя-т-ь,
деся-т-ь,
ст-о,
тыс-яч-а,
(тьм-а, у-йм-а).

Производныя числительныя образуются изъ первичныхъ, за исключеніемъ числительнаго пер-в-ый, которое произошло отъ корня *пр*, того же, что и въ словѣ пере-д-н-ій.

Всѣ производныя числительныя суть порядковыя.
в-тор-ой изъ дв-тор-ой,
тре-т-ій,
четвер-т-ый,
пя-т-ый,
шес-т-ой,
седь-м-ой,
в-ось-м-ой,
девя-т-ый,
деся-т-ый,
сот-ы-й,
тыс-яч-н-ый.

Сложныя составляются изъ первичныхъ количественныхъ двоякимъ образомъ:

1) посредствомъ предлога *на* образуются числительныя отъ одиннадцати до двадцати, напр., один-на-дцать, т. е. одинъ на десять или сверхъ десяти (здѣсь *дцать* замѣнило *десять*), три-на-дцать, т. е. три на десять и т. д.

2) непосредственно, безъ всякихъ соединяющихъ частицъ образуются всѣ остальныя числительныя: два-дцать, т. е. два десять; три-дцать, т. е. три десять; пять-десятъ, сто двадцать пять, тысяча триста семьдесятъ два и т. п.

Подобнымъ образомъ составляются и порядковыя числительныя.

Выдѣленіе именъ числительныхъ въ особую часть рѣчи не соотвѣтствуетъ природѣ русскаго языка. Въ русской грамматикѣ этой части рѣчи *не должно быть*, потому что одна половина числительныхъ представляетъ собою имена существительныя, другая—имена прилагательныя. Въ именахъ числительныхъ нѣтъ ничего особеннаго, исключительно имъ принадлежащаго, что давало бы основаніе выдѣлять ихъ въ особую часть рѣчи. Какъ таковая, она введена была въ наши грамматики первыми составителями ихъ, руководившимися при своихъ трудахъ латинскими образцами. Если я и выдѣлилъ числительныя особо, то сдѣлалъ это ради того, чтобы не расходиться съ школьными преданіями и привычками. Придетъ время, эта часть рѣчи сама собою отпадетъ отъ нашей грамматики,—пока же что, она подобно осеннему запоздалому листу все еще трепещетъ на грамматическомъ древѣ.

УРОКЪ 34-й.

О нарѣчіи.

Люди настолько любознательны и любопытны, что они никогда не удовлетворяются, если имъ говорятъ о чемъ-нибудь въ очень краткой, сжатой формѣ. Скажи имъ, напримѣръ, что *лѣсной караульщикъ отнялъ у дѣвочки ягоды,* они пожелаютъ еще знать: какъ онъ отнялъ, когда отнялъ, гдѣ отнялъ, сколько отнялъ, почему и зачѣмъ отнялъ и т. п.—словомъ, давай имъ разныя поясненія, указывай на разныя обстоятельства какого-нибудь поступка или дѣйствія. Для дачи подобныхъ указаній и поясненій въ языкѣ существуютъ *отдѣльныя слова,* которыя могутъ болѣе или менѣе удовлетворить любопытство вопрошающихъ. Такъ на вопросъ: какъ отнялъ? можно отвѣтить: *силóмъ;* когда отнялъ?—*вчера* или *сегодня* и т. п.

Вотъ подобныя единичныя слова, показывающія какое-нибудь обстоятельство дѣйствія, выдѣлили въ особый разрядъ, который назвали *нарѣчіемъ.*

Слово *нарѣчіе* представляетъ буквальный переводъ греческаго слова ἐπίρρημα (ἐπί=на, ῥῆμα=рѣчь). *Рѣчью* въ старину наши грамматисты называли тѣ слова, которыя теперь называютъ глаголомъ. Такимъ образомъ, названіемъ нарѣчіе греческіе грамматисты желали показать, что оно относится какъ бы исключительно къ *глаголу,* къ *рѣчи,* тѣснѣе всего съ нимъ связано,—*приглаголіе* (adverbium), какъ называли его римляне.

Однако, не смотря на названіе, нарѣчія иногда стоятъ и передъ именемъ прилагательнымъ и даже существительнымъ, относясь къ нему, а не къ глаголу.

Смотря по роду обстоятельствъ, нарѣчія раздѣляютъ на нарѣчія

отрицанія: не, ни, нѣ;

мѣста: тамъ, тутъ, отсюда, вонъ, домой, внутри и т. п.;

времени: вчера, завтра, тогда, давно, спозаранку, заранѣе и т. п.;

образа дѣйствія: зря, валóмъ, врасплохъ, пѣшкомъ, верхомъ и т. п.;

причины: почему, потому, спьяна, сдуру и т. п.;

цѣли: зачѣмъ, затѣмъ;

количества: столько, сколько, вдвое, разъ, много, мало и т. п.; *качества:* такъ, красиво, хорошо, дурно и т. п.

По своему образованію нарѣчія бываютъ первичныя, производныя и сложныя.

Къ *первичнымъ* нарѣчіямъ принадлежатъ, во-первыхъ, отрицательныя нарѣчія *не, ни,* и *нѣ;* потомъ, *у* въ сложныхъ нарѣчіяхъ *у*-же, не*у*--же-ли и *еле* (древнее лѣ).

Большинство нарѣчій—*производныя.* Они образованы или отъ именъ и мѣстоименій или отъ глаголовъ или же отъ мѣстоименныхъ корней. Послѣднія нарѣчія имѣютъ особые суффиксы для означенія *мѣста:*

1. *дѣ:* г-дѣ (старин. къ-дє) з-дѣ-сь, вез-дѣ (старин. вьсь-дє), ин-дѣ и пр.;

2. *да:* стар. доу: ку-да, ту-да, сю-да, всю-ду;

3. *мъ:* та-мъ, ся-мъ;

4. *лѣ,* сокращ. ль: отколѣ, оттолѣ (отколь, оттоль).

Для означенія *времени* употребляются суффиксы:

1. *да:* ког-да, тог-да, всег-да, иног-да;

2. *лѣ:* до-се-лѣ, до-то-лѣ и пр.

Образцомъ нарѣчій, произведенныхъ отъ косвенныхъ падежей именъ существительныхъ, могутъ служить слѣдующія:

отъ родительнаго: вчер-а (вечера), завтр-а (заутра);

отъ дательнаго: долу; домой (отъ старин. дол-ов-и, дом-ов-и);

отъ винительнаго: вечо́ръ, чуточку;

отъ творительнаго: босик-омъ, дн-емъ, гор-ма, жор-ма (*ма*—оконч. двойств. числа);

отъ предложнаго: нын-ѣ.

Образцомъ нарѣчій, произведенныхъ отъ именъ прилагательныхъ, могутъ служить нарѣчія: хорошо, трудно, легко, дружно, дружески, дьявольски и т. п. Отъ качественнаго прилагательнаго нарѣчіе производится отъ всѣхъ степеней его: *хорошо, лучше, всего лучше; мудро, мудрѣе, всего мудрѣе.* Это можетъ подать поводъ считать нарѣчіе измѣняемою частью рѣчи, но такой взглядъ будетъ ошибоченъ. Тогда, послѣдовательности ради, пришлось бы заключить, что нарѣчія отъ существительныхъ *(дома, домой, дуро́мъ, дуро́й, по-мелочи, по-мело́ча́мъ)* измѣняются по родамъ, числамъ и падежамъ. Измѣняется не нарѣчіе, а измѣняется прилагательное, и отъ измѣненнаго прила-

гательнаго берется нарѣчіе. Подобнымъ путемъ получаются и уменьшительныя формы нарѣчій: тошнёхонько, близёхонько и т. п. Нарѣчія, производимыя отъ именъ, точно наши сказочные богатыри, мгновенно каменѣютъ въ своихъ формахъ и лишаются гибкости именъ; это, по существу, часть рѣчи неизмѣняемая.

Мѣстоименное происхожденіе имѣютъ нарѣчія: только, такъ, едва и друг.

Отъ глаголовъ получились нарѣчія: вѣстимо, зря и друг.

Къ *сложнымъ* нарѣчіямъ принадлежатъ тѣ, которыя имѣютъ въ своемъ составѣ приставку или составлены изъ двухъ словъ, напримѣръ: во-обще, в-кратцѣ, ис-под-тишка, в-н-утрь, сегодня, тот-часъ, велико-лѣпно, луче-зарно, то-и-дѣло, просто-на-просто, по-жалуй, не-бо-сь, с-паси-бо, по-чти, стрем-главъ, на-вз-рыдъ, все-пре-даннѣйше и т. п.

Нарѣчія, какъ сказано, относятся чаще всего къ глаголу, рѣдко къ прилагательному и еще рѣже къ существительному, напр. „ты—*больно* надоѣда“, „онъ ужъ *больно* мастеръ на это“, „полѣно *черезчуръ* велико“.

Нѣкоторыя нарѣчія, утративъ при своемъ образованіи гибкость окончанія, застывъ въ своей формѣ, иногда тяготѣютъ болѣе къ имени существительному, нежели къ глаголу, напр.: онъ проѣхалъ *мимо* сада, фонарь стоитъ *вблизи* дома, стѣна идетъ *вокругъ* города и т. п. Въ этихъ случаяхъ они, теряя близкую связь съ глаголомъ, становятся предлогами, о которыхъ смотри въ слѣдующемъ урокѣ.

УРОКЪ 35-й.

О предлогѣ.

Каждый предметъ въ природѣ занимаетъ опредѣленное положеніе относительно другихъ: отъ однихъ онъ находится вправо, отъ другихъ влѣво, отъ третьихъ назади или спереди, отъ иныхъ вверху или внизу; онъ можетъ также находиться внѣ однихъ и внутри другихъ. Намъ въ рѣчи то и дѣло приходится отмѣчать это взаимное размѣщеніе предметовъ въ про-

странствѣ. Указаніе на это мы дѣлаемъ при помощи особыхъ словъ, такъ называемыхъ *предлоговъ*, которые въ рѣчи полагаются, *лежатъ предъ* однимъ изъ предметныхъ словъ, отчего они и названіе свое получили (предлогъ значитъ *лежащій предъ* чѣмъ-нибудь).

Допустимъ, намъ надо указать на положеніе въ пространствѣ книги и стола относительно другъ друга; въ этомъ случаѣ мы скажемъ: книга *на* столѣ, или книга *въ* столѣ, или книга *подъ* столомъ, или книга *за* столомъ, или книга *у* стола и т. п. Слово *на, подъ, въ, за, у* суть предлоги. Они именно показываютъ, какъ помѣщенъ одинъ предметъ относительно другого въ пространствѣ. Таково первоначальное назначеніе предлоговъ.

Итакъ, предлогъ есть часть рѣчи, показывающая *пространственное отношеніе* двухъ предметовъ другъ къ другу.

Однако съ теченіемъ времени значеніе предлоговъ расширилось: ихъ стали употреблять и для обозначенія отношеній, связанныхъ съ *временемъ*, напр., *въ* пятницу, *на* Пасху, *о* Рождествѣ, *подъ* праздникъ, *послѣ* обѣда, *предъ* отходомъ, *до* зари и т. п.

Еще позднѣе предлоги стали употреблять для обозначенія и другихъ отношеній между предметами, кромѣ пространственныхъ и временныхъ, напр., ссора *изъ-за* денегъ *(отношеніе причины)*, средство *отъ* кашля *(отношеніе цѣли)*, величиной *съ* гору *(отношеніе количества)* и т. п.

Предлогъ не можетъ измѣнять своей формы; это—часть рѣчи неизмѣняемая. Но онъ способенъ тѣсно сливаться съ другими частями рѣчи и образовывать съ ними новыя слова съ новымъ смысломъ, напримѣръ: плыть, *у*плыть, *при*плыть, *за*плыть, *под*плыть, *пере*плыть, *до*плыть, *в*плыть, *вы*плыть, *от*плыть, *с*плыть, *на*плыть; возъ, *при*возъ, *от*возъ, *под*возъ, *у*возъ, *в*возъ, *с*возъ, *вз*возъ; ходъ, *с*ходный, *до*ходный, *при*ходный, *от*ходный, *в*ходный, *ис*ходный и проч.

Предлогъ непремѣнно сопровождается именемъ въ косвенномъ падежѣ, при немъ именительный падежъ не можетъ стоять. Этимъ онъ отличается отъ нарѣчія, напр.: „я живу *напротивъ* церкви",—здѣсь слово *напротивъ* будетъ предлогомъ, потому что при немъ стоитъ имя существительное въ родительномъ, т. е. косвенномъ, падежѣ; „онъ все *напротивъ* дѣлаетъ",—здѣсь слово *напротивъ* будетъ нарѣчіемъ, потому что оно стоитъ при глаголѣ, косвеннаго падежа при немъ нѣтъ.

По образованію своему предлоги бываютъ первичными, производными и сложными.

Къ *первичнымъ* принадлежатъ: *въ, до, за, изъ, къ, на, по, при, про, съ.*

Къ *производнымъ* принадлежатъ предлоги, образовавшіеся изъ первичныхъ съ помощью нарѣчнаго суффикса *д*, а также и тѣ, которые произошли отъ нарѣчій: *на-дъ, по-дъ, пре-дъ, около, вблизи, напротивъ, чрезъ* (корень *кроз*, откуда народное скрозь=сквозь) и др.

Къ *сложнымъ* предлогамъ принадлежатъ тѣ, которые состоятъ изъ двухъ предлоговъ: *изъ-за, изъ-подъ, по-надъ, по-за.*

Въ сложныхъ предлогахъ косвенный падежъ ставится по требованію или перваго предлога или второго: изъ-за лѣса, изъ-подъ вяза—родительный падежъ зависитъ отъ предлога *изъ;* „по-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ"—творительный пад. зависитъ отъ предлога *надъ.*

Нѣкоторые предлоги отдѣльно не употребляются; таковы—префиксы: *воз, вы, низ, па, пере, пра, су.*

Многіе предлоги произошли отъ нарѣчій, образовавшихся отъ именъ. Вотъ причина, почему послѣ нихъ всегда стоитъ родительный падежъ, какъ и при существительныхъ: вблизи лѣса=въ близи лѣса, вдоль сукна=въ долину сукна.

УРОКЪ 36-й.

О союзѣ.

Терминъ *союзъ* представляетъ переводъ латинскаго conjunctio, которое по-русски значитъ соединеніе (отъ con=съ и jungo, прягу, единю; корень jug, сравни рус. иг-о и уз-ы). *Союзами* назвали слова, которыя служатъ въ рѣчи только для связыванія или соединенія двухъ какихъ-нибудь частей рѣчи или же двухъ какихъ-нибудь мыслей, напримѣръ: „перо да карандашъ", „стройно и красиво", „работаетъ или отдыхаетъ"; „ямщикъ уложилъ вещи въ повозку, и я выѣхалъ со двора"; „меня приглашали въ театръ, но я отказался". Слова: *да, и, или, но*—союзы.

Союзъ—часть рѣчи неизмѣняемая и служебная, какъ и предлогъ. На первыхъ порахъ учащіеся грамматикѣ часто не различаютъ союза отъ предлога; между тѣмъ есть признакъ, по которому ихъ легко отличить другъ отъ друга, именно: послѣ союза можетъ стоять именительный падежъ, а послѣ предлога не можетъ, напримѣръ: земля да вода можно сказать, а земля подъ вода—нельзя; поэтому *да* есть союзъ, а *подъ*—предлогъ.

По употребленію союзы бываютъ:

1) *одиночные:* и, да, но;

2) *повторяемые:* то-то-то, и-и-и, или-или-или;

3) *двойные:* какъ—такъ, такъ—что, хотя—однако, чѣмъ—тѣмъ и проч.

По происхожденію союзы бываютъ первичные, производные и сложные.

Къ *первичнымъ* союзамъ принадлежатъ: *а, и, да, же, ли, но.*

Къ *производнымъ* принадлежатъ союзы, образовавшіеся:

1) изъ мѣстоименій: *то, что, чѣмъ—тѣмъ, но* (простонародное: *ино*) и проч.

2) изъ нарѣчій: *когда, тогда, какъ, словно, однако* и проч.

3) изъ глаголовъ: *бы, пусть, хотя* и проч.

Къ *сложнымъ* принадлежатъ союзы, получившіеся отъ соединенія первичныхъ союзовъ или разныхъ частей рѣчи: *и-ли, и-бо, ли-бо, да-же, ес-ли, то-же, еже-ли, потому что* и пр.

Союзы раздѣляются на нѣсколько разрядовъ; такъ, есть союзы

соединительные: и, да, также, еще и пр.;
раздѣлительные: ли, или, либо;
противительные: а, же, но, однако;
дополнительные: что, будто и пр.;
сравнительные: какъ—такъ, чѣмъ—тѣмъ, будто, словно и др.;
временные: когда, лишь только и др.;
причинные: такъ какъ, потому что, оттого что;
уступительные: хотя, пусть и пр.;
условные: если, коль, когда и пр.;
цѣлевые: бы, дабы, чтобы.

Свои названія эти разряды получили отъ характера мысли, соединяемой этими союзами съ другой мыслью. Такъ, если мысль содержитъ въ себѣ сравненіе, то и союзъ, связывающій ее съ другою мыслью, называется сравнительнымъ, напр.: „дочь походитъ на мать, какъ двѣ капли воды“,—союзъ *какъ* будетъ срав-

нительный, потому что мысль: *какъ двѣ капли воды,* выражаетъ сравненіе; „сегодня я не пошолъ въ школу, потому что мнѣ съ утра нездоровилось“,—двойной союзъ *потому что* будетъ причинный, такъ какъ присоединяемая мысль указываетъ на причину, заставившую меня остаться дома.

Впрочемъ, вопросъ объ употребленіи союзовъ и ихъ раздѣленіи на разряды болѣе подробно разсматривается въ синтаксисѣ. Здѣсь же можно ограничиться только приведеннымъ перечисленіемъ ихъ и ознакомленіемъ съ названіями разрядовъ. Это будетъ, такъ сказать, терминная заготовка впрокъ на будущее время.

УРОКЪ 37-й.

О глаголѣ.

Перехожу къ тому разряду словъ, который нынче зовутъ *глаголомъ,* а въ старину звали *рѣчью.* Слово *глаголъ* теперь устарѣло; оно значило и значитъ вообще *слово* или *реченіе,* а глаголать значитъ говорить слова. Въ грамматикѣ же глаголомъ называютъ не слово вообще, а только такой разрядъ словъ, или такую часть рѣчи, которая называетъ *состояніе* предмета, причомъ въ этомъ названіи всегда содержится указаніе на время, напримѣръ: рублю, пишу, копаю, спалъ, грустилъ, озябну, уѣду и т. п.

Физическое состояніе предметовъ, какъ учитъ физика, бываетъ двоякое: или они находятся въ дѣйствіи, движеніи, или въ покоѣ, бездѣйствіи. Равнымъ образомъ, и душевное или психическое состояніе тоже бываетъ двоякое: состояніе дѣйствія и состояніе покоя, бездѣйствія.

Дѣйствіе, производимое предметами, въ свою очередь, бываетъ двоякое, именно: оно или передается, переходитъ на другой предметъ, напр., служанка *моетъ посуду,* или не переходитъ, напр., солдаты *идутъ.*

Глаголы, означающіе переходное дѣйствіе, называютъ *переходными,* а глаголы, означающіе непереходное дѣйствіе и состояніе покоя,—*непереходными.*

Слова, означающія состояніе предмета во времени, назвали глаголами потому, что они именно, въ большинствѣ случаевъ, *глаголятъ*, т. е. говорятъ намъ о предметѣ самое существенное, въ нихъ именно заключается обыкновенно суть нашей мысли, нашего сужденія о предметѣ.

Глаголъ, подобно именамъ, есть измѣняемая часть рѣчи, но формы, которыя онъ принимаетъ, называются всѣ иначе, нежели въ именахъ. Глаголъ измѣняется по *лицамъ*, *числамъ*, *временамъ*, *наклоненіямъ*, *видамъ* и *залогамъ*. Какъ видимъ, общій терминъ у глаголовъ и именъ имѣется только одинъ—число.

Всѣ эти лица, времена, наклоненія, виды и залоги суть своего рода падежи. Греческій философъ Аристотель, введшій терминъ падежъ, стоялъ на вѣрномъ пути, говоря, что падежи бываютъ у имени и глагола; греческая грамматика до сихъ поръ продолжаетъ называть измѣненіе глагола *склоненіемъ* (χλίσις).

Посмотримъ, что это за формы у глаголовъ, что онѣ означаютъ, и какой смыслъ заключенъ въ этихъ терминахъ.

Начну съ лица.

Лицо есть форма глагола, указывающая, какъ и личное мѣстоименіе, на предметъ рѣчи. Древніе говорили, что по этой формѣ можно распознать и предметъ рѣчи и душевное расположеніе говорящаго, подобно тому, какъ по *лицу* человѣка можно видѣть, кто находится передъ нами, и каково его душевное состояніе. Поэтому они полагали, что терминъ *лицо* (πρόσ-ωπον= поличье, обличье)—самое подходящее слово для этой формы.

Лицъ три: первое, второе и третье. Глаголъ имѣетъ шесть окончаній для обозначенія лицъ: три для единственнаго числа и три для множественнаго. Эти окончанія называются *личными*. Они слѣдующія:

	Един. число.	Множ. число.
1 л.	**у** или **ю**,	**мъ**,
2 л.	**шь**,	**те**,
3 л.	**тъ**,	**утъ** или **ютъ**, **атъ** или **ятъ**.

Если глаголъ имѣетъ въ 1 лицѣ един. числа окончаніе **у**, то второе окончаніе **ю** уже не употребительно въ этомъ глаголѣ; точно также и въ 3 л. множ. числа одно изъ четырехъ окончаній устраняетъ три остальныхъ.

Примѣры:

1 л.	дѣла-**ю**,	дѣла-е-**мъ**,	бер-**у**,	бер-е-**мъ**,
2 л.	дѣла-е-**шь**,	дѣла-е-**те**,	бер-е-**шь**,	бер-е-**те**,
3 л.	дѣла-е-**тъ**,	дѣла-**ютъ**;	бер-е-**тъ**,	бер-**утъ**;
1 л.	пил-**ю**,	пили-**мъ**,	крош-**у**,	кроши-**мъ**,
2 л.	пили-**шь**,	пили-**те**,	кроши-**шь**,	кроши-**те**,
3 л.	пили-**тъ**,	пил-**ятъ**;	кроши-**тъ**,	крош-**атъ**.

БЕСѢДА 11-я.

О смыслѣ личныхъ окончаній.

Что представляютъ собою личныя окончанія? Каковъ ихъ смыслъ и происхожденіе?

Одинъ учоный, сравнивая формы глагола *есмь* въ разныхъ языкахъ, пришолъ къ убѣжденію, что личныя окончанія представляютъ собою корни личныхъ и указательныхъ мѣстоименій.

Это сравненіе очень поучительно, и я вкратцѣ приведу его здѣсь.

	Санскритскій:	Латинскій:	Древнецер.-сл.:
Ед. ч.	1—ас-ми	(e)s-u-m	єс-мь
	2—а(с)-си	e(s)-s(i)	є(с)-си
	3—ас-ти	es-t(i)	єс-ть
Мн. ч.	1—ас-ма-с(и)	(e)s-u-mu-s(i)	єс-мы-(си)
	2—ас-тха-(си)	es-ti-s(i)	єс-тє-(си)
	3—ас-ан-ти	(e)s-un-t(i)	(є)с-ѫ-ть (он)

Ас—корень глагола, *ми си, ти, ан*—корни личныхъ и указательныхъ мѣстоименій. Выходитъ, что для образованія 1-го лица ед. ч. геній языка взялъ корень глагола *ас*, выражающій понятіе существованія (измѣненный въ лат. и слав. языкахъ въ *ес*), и, чтобы показать, кто существуетъ, прямо прибавилъ къ нему корень 1-го личнаго мѣстоименія *ми* (лат. и слав. *m*, мь)—получилось такимъ образомъ: *ас-ми*, т. е. существую я.

Для образованія 2-го лица взятъ корень, выражающій понятіе существованія, *ас* или *ес*, и къ нему прибавленъ корень 2-го личнаго мѣстоименія *си* (сравни греч. σύ=ты), причомъ одно *с* (корневое) во всѣхъ трехъ языкахъ выпало,—получилось: *а-си*, т. е. существуешь ты.

Для образованія 3-го лица взятъ корень *ас* (*ес*) и къ нему прибавленъ корень указательнаго мѣстоименія тотъ: *ти*, причомъ въ латинскомъ конечное *i* отпало—получилось: *ас-ти*, т. е. существуетъ тотъ, другими словами, не я и не ты, а кто-то третій, посторонній—тотъ или онъ.

Для образованія 1-го лица множ. числа взятъ корень *ас* (*ес*) и къ нему прибавлены корни 1-го и 2-го личныхъ мѣстоименій, причомъ въ санскритскомъ отпало конечное *и*, а въ латинскомъ отпало начальное *е* и конечное *i*, въ славянскомъ же отпалъ весь корень 2-го личнаго мѣстоименія,—получилось: *ас-ма-си*, т. е. существую я да ты, или двое мы съ тобой, третьяго, сторонняго *его*, съ нами нѣтъ.

Для образованія 2-го лица множ. числа взятъ корень *ас* (*ес*) и къ нему были прибавлены корни 2-го личнаго мѣстоименія, *тха*=древн. *тва*, и потомъ отпавшее *си*, слѣдъ котораго сохранился въ латинскомъ глаголѣ; причомъ въ латинскомъ отпало конечное *i*, а въ санскритскомъ и славянскомъ отпалъ весь корень другого личнаго мѣстоименія,—получилось: *ас-тха-(си)*, лат. *es-ti-s(i)*, т. е. существуютъ ты да ты, или вы, меня межъ вами нѣтъ.

Для образованія 3-го лица множ. числа взятъ корень *ас* (*ес*) и къ нему прибавлены корни указательныхъ мѣстоименій онъ и тотъ: *ан* и *ти*, причомъ въ латинскомъ отпали начальное *е* и конечное *i*, а въ древнеславянскомъ начальное *е*,—получилось: *ас-ан-ти*, т. е. существуетъ онъ да тотъ, или они, ни меня, ни тебя среди нихъ нѣтъ.

Отсюда легко понять, почему личныя глагольныя формы, напр., зову, зовешь, зоветъ и т. д. совершенно ясны и понятны безъ личныхъ мѣстоименій. Эти мѣстоименія уже имѣются въ глагольныхъ формахъ скрытыми въ личныхъ окончаніяхъ; прибавленіе личнаго мѣстоименія передъ глаголомъ будетъ лишь повтореніемъ того же мѣстоименія: ты зов-е-*шь*=ты зов-е-*ты*.

Въ древнеслав. языкѣ окончаніе *мь* сохранилось у весьма немногихъ глаголовъ; у большинства ихъ оно замѣнилось носовыми гласными *ѫ* и *ѭ*, которые въ русскомъ языкѣ, въ свою очередь, замѣнились чрезъ *у* и *ю*.

Окончаніе 2-го лица си сохранилось тоже у весьма немногихъ глаголовъ; во всѣхъ остальныхъ си измѣнилось въ шн, которое въ русскомъ языкѣ сократилось на письмѣ въ *шь*.

Окончаніе ть въ русскомъ замѣнено чрезъ тъ, окончаніе мы—мъ, окончаніе ѫтъ—утъ.

УРОКЪ 38-й.

О глаголѣ.

(Продолженіе 37-го урока).

Число есть форма глагола, по которой видно, одному или многимъ предметамъ приписывается состояніе, выраженное глаголомъ.

Личныя окончанія заразъ указываютъ и лицо, и число.

Время есть форма глагола, показывающая пору, къ которой отнесено состояніе, выраженное глаголомъ.

Подобно тому какъ при смотрѣніи въ даль предметы представляются намъ размѣщонными въ пространствѣ на разныхъ фонахъ или планахъ, одни ближе, другіе дальше отъ насъ (линейная перспектива), такъ и разныя событія мы размѣщаемъ во времени на разныхъ фонахъ, одни пораньше, другіе попозднѣе (временная перспектива). Передача этой перспективы въ рѣчи возложена на глаголъ. Особыми формами глаголъ указываетъ временный фонъ или планъ, на который какое-нибудь событіе должно быть нанесено.

Не всѣ европейскіе языки одинаково хорошо выполняютъ эту задачу. Хуже всѣхъ съ ней справляется русскій языкъ. Въ немъ временныя формы глагола развиты очень слабо, тогда какъ въ другихъ языкахъ, напримѣръ, въ древнецерковно-славянскомъ, древне-греческомъ, латинскомъ, французскомъ, глаголъ значительно богаче ими, чѣмъ нашъ.

Русскій языкъ различаетъ только три фона во времени: одинъ фонъ *настоящаго*, одинъ фонъ *прошедшаго* и одинъ фонъ *будущаго;* латинскій же языкъ различаетъ шесть фоновъ времени: фонъ настоящаго, три фона прошедшаго и два фона будущаго; а французскій доводитъ число ихъ до восьми.

Если, напримѣръ, сказать: „онъ вспомнилъ, что я говорилъ это“, то слова „вспомнилъ“ и „говорилъ“ сами по себѣ указываютъ только на два совершившихся факта; но который изъ нихъ совершился раньше, который позже—по однѣмъ формамъ этихъ глаголовъ узнать нельзя; это можно видѣть только изъ смысла всей фразы. Переводя же ее на французскій языкъ, мы скажемъ, il se *souvint*, que *j'avais dit* cela. Тутъ по самымъ формамъ глаголовъ *souvint* и *avais dit* видно, что одно событіе совершилось раньше, чѣмъ другое; именно, форма *avait dit*, независимо отъ другихъ словъ, показываетъ, что фактъ говоренія дальше, глубже отодвинутъ въ прошлое, нежели фактъ вспоминанія; по формѣ глагола видно, что послѣдній фактъ ближе къ намъ по времени. Русскій языкъ оба факта изображаетъ на одномъ фонѣ, сливаетъ ихъ во времени, французскій языкъ, умѣя отмѣчать разные фоны времени, этого слитія не дѣлаетъ и одинъ фактъ ставитъ на переднемъ планѣ, а другой отодвигаетъ на задній, въ глубь времени, отчего мысль дѣлается какъ бы выпуклѣе, рельефнѣе.

Точно также въ фразѣ: „я уйду, когда онъ придетъ“, оба глагола указываютъ на будущіе поступки; но по однѣмъ формамъ глаголовъ не видно, который поступокъ произойдетъ раньше, который потомъ. Объ этомъ мы судимъ по смыслу фразы. Переводя ее на французскій языкъ, мы скажемъ: *je serai sorti*, quand il *viendra*. Тутъ по глагольнымъ формамъ *serai sorti* и *viendra* видно, что сперва я уйду, а потомъ онъ придетъ. Когда онъ придетъ, меня уже не будетъ дома. И по отношенію къ будущему времени русскій языкъ всѣ событія наноситъ на одинъ фонъ, между тѣмъ какъ французскій, латинскій и другіе европейскіе языки различаютъ въ будущемъ времени два фона.

Наклоненіе есть форма глагола, показывающая способъ представленія нашей душой состоянія, обозначеннаго глаголомъ; другими словами, показываетъ то, какъ наша душа склонна или *наклонна* представлять себѣ данное состояніе. Она бываетъ наклонна представлять какое-нибудь состояніе и судить о немъ трояко: или какъ о дѣйствительномъ, на самомъ дѣлѣ бывающемъ, или какъ о существующемъ только въ умѣ нашемъ, какъ о возможномъ, или же, наконецъ, какъ о желательномъ, именно, ей хочется, чтобы извѣстное состояніе осуществилось. Напримѣръ: сижу (фактъ, дѣйствительность), сидѣлъ бы (возможность), сиди (хотѣніе).

Эта наклонность души смотрѣть съ трехъ точекъ зрѣнія на состоянія, обозначаемыя глаголами, нашла себѣ выраженіе въ особыхъ формахъ глагола, которыя по ней и названіе получили: *наклоненіе*.

Эти формы въ русскомъ языкѣ такъ же слабо выражены, какъ и формы временъ; онѣ лишь чуть намѣчены въ немъ. Лучше всего онѣ развились въ древнемъ греческомъ языкѣ.

Зато, какъ бы въ возмѣщеніе скудости формъ временъ и наклоненій, русскій языкъ выработалъ особыя глагольныя формы, названныя *видами*,—формы, отсутствующія въ европейскихъ неславянскихъ языкахъ.

Чтобы уяснить себѣ, что такое *видъ* глагола, возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

1. Въ баснѣ Крылова щука говоритъ коту: „Вотъ невидаль—мышей, мы лавливали и ершей". Можно было бы сказать *ловили* и ершей—глаголъ одинъ и тотъ же. Но форма *лавливали* ясно указываетъ на то, что ловля ершей производилась и повторялась не одинъ, а нѣсколько разъ; форма же *ловили* не даетъ такого яснаго указанія на повторяемость ловли.

2. Въ стихотвореніи Лермонтова „Два великана" говорится:

„Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ,
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою,—
Ахнулъ дерзкій и упалъ".

Глаголы *тряхнулъ* и *ахнулъ* имѣютъ то же значеніе, что и глаголы *трясъ* и *ахалъ*. Разница между ними лишь та, что формы *тряхнулъ* и *ахнулъ* ясно указываютъ, что движеніе головы и возгласъ ахъ! совершились только одинъ единственный разъ, тогда какъ формы *трясъ* и *ахалъ* не указываютъ на эту единичность.

3. „Долго я подвязывалъ къ кольямъ молодыя яблоньки въ саду, наконецъ подвязалъ". *Подвязывалъ* и *подвязалъ*—одинъ и тотъ же глаголъ. Форма *подвязалъ* показываетъ, что работа по подвязкѣ не только производилась, но и закончена вполнѣ, ни одна яблонька не осталась неподвязанной, тогда какъ форма *подвязывалъ* не даетъ указанія на законченность работы.

4. Сидятъ праздничнымъ дѣломъ добрые люди у воротъ на лавочкѣ и мирно бесѣдуютъ о томъ, о семъ. Подходитъ ихъ знакомый, и на его вопросъ: „что подѣлываете?" ему дается отвѣтъ: „сидимъ вотъ да посиживаемъ". Глаголы *сидимъ* и *по-*

сиживаемъ называютъ одно и то же состоянie; разница между ними лишь та, что глаголъ *посиживаемъ* ясно показываетъ, что сидѣнie началось не сiю минуту, а значительно раньше и продолжается уже порядочное время; въ глаголѣ же *сидимъ* длительности, давностности сидѣнiя не видно.

Такiя видоизмѣненiя глаголовъ, придавая имъ оттѣнки мягкости и грубости и проч., напоминаютъ увеличительныя и уменьшительныя формы именъ существительныхъ. Для выраженiя этихъ оттѣнковъ русскiй языкъ пользуется разными суффиксами, отчего, конечно, внѣшнiй обликъ (аспектъ), *видъ* глагола мѣняется, получается новая форма его, за которой упрочилось названie *видъ*.

Стало быть, *видъ* есть форма глагола, показывающая или *частоту* состоянiя (лавливали, ахнулъ) или *законченность* его (подвязалъ, тряхнулъ) и *незаконченность* (подвязывалъ, поднималъ, но не поднялъ) или *продолжительность* (посиживаемъ, посматриваемъ).

Остается еще объяснить, что такое *залогъ* глагола, но о немъ въ слѣдующемъ урокѣ.

УРОКЪ 39-й.

О глаголѣ. Залоги глагола.

(*Продолженie 38-го урока*).

Всюду: „что новаго?“ слышишь. Да вдумайся въ старое прежде!
Въ немъ для себя ты найдешь новаго много, повѣрь!
А. Майковъ.

Терминъ *залогъ* благодаря плохому переводу съ греческаго очень невразумителенъ.

Словомъ *залогъ* передано греческое слово дiаѳезисъ (διάθεσις), означающее по-русски *расположенie*. Чтобы понять это слово, намъ надо обратиться къ первоисточнику, т. е. къ древнимъ грекамъ, введшимъ этотъ терминъ, справиться у нихъ, что они разумѣли подъ этимъ словомъ.

Къ первоисточнику обращаться всегда лучше: подобно тому какъ въ торговлѣ невыгодно получать товаръ изъ вторыхъ и

третьихъ рукъ, потому что часть денегъ за товаръ должна прилипнуть къ рукамъ посредниковъ, такъ и въ литературныхъ справкахъ заимствовать свѣдѣнія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ тоже невыгодно, потому что иногда часть смысла остается въ рукахъ посредниковъ, примѣръ чего мы видѣли въ названіи винительнаго падежа.

Какое же расположеніе указывалъ у грековъ глаголъ?

На этотъ вопросъ они отвѣтили бы: *душевное расположеніе.* Бываетъ, что душа иногда расположена совершить извѣстное дѣйствіе, а бываетъ и наоборотъ—расположена претерпѣть его. Осуществленіе такихъ душевныхъ расположеній или настроеній греки называли въ первомъ случаѣ дѣятельностью (ἐνέργια), во второмъ—претерпѣваніемъ или страданіемъ (πάθος).

Это двоякое расположеніе или отношеніе души къ дѣйствію отмѣчалось въ греческомъ языкѣ особыми суффиксами и окончаніями глагола: для означенія дѣятельнаго расположенія или отношенія души употреблялись одни суффиксы и окончанія, а для означенія недѣятельнаго, страдательнаго отношенія—другіе.

Такъ, форма *элиса* (ἔλυσα), *я развязалъ*, показываетъ своимъ окончаніемъ, что я былъ дѣйствующимъ лицомъ, а форма *элиѳинъ* (ἐλύθην), *меня развязали,*—наоборотъ, показываетъ окончаніемъ, что дѣйствующимъ лицомъ я не былъ; имъ былъ кто-то другой, а я претерпѣлъ, испыталъ на себѣ это дѣйствіе, страдательнымъ лицомъ былъ.

Такимъ образомъ, измѣненіе греческаго глагола, въ противоположность именамъ, шло по двумъ направленіямъ, въ развилку, такъ сказать: одно обозначало дѣятельное расположеніе или отношеніе души, другое—ея недѣятельное, пассивное или страдательное отношеніе или расположеніе.

Вотъ это *отношеніе души* къ дѣйствію и было названо греками *діаѳезисъ,* т. е. *расположеніе,* или, какъ наши предки неловко перевели, *залогъ,*—словомъ, корень котораго *лог,* соотвѣтствуетъ греческому корню *ѳе.*

На вопросъ, что такое *расположеніе (залогъ)?* греки давали такой отвѣтъ: *„расположеніе (залогъ)* есть дѣйствіе или же претерпѣваніе (страданіе) души, къ которымъ располагается и влечется душа то какъ дѣлающая, то какъ терпящая что-нибудь“ (страдающая).

Принимая во вниманіе, что расположеніе души прежде всего отражается на нашей внѣшности, т. е. на тѣлѣ—потому что „все, что находится внутри, всегда проступаетъ наружу“,

—греки иногда на вопросъ, что такое расположеніе, или залогъ? отвѣчали кратко: „залогъ есть переложеніе (μετάθεσις) тѣла", т. е. переходъ тѣла изъ одного состоянія въ другое, изъ дѣятельнаго въ недѣятельное и обратно.

Такъ какъ больше двухъ состояній тѣла (дѣйствіе и покой, или бездѣйствіе) нельзя себѣ представить, то понятно, что и расположеній или отношеній души къ состоянію тѣла можетъ быть только два. Отсюда слѣдуетъ, что и грамматическихъ залоговъ можетъ быть только два: одинъ, указывающій дѣятельное состояніе души названъ *дѣйствительнымъ* (въ старину его называли *дѣйственнымъ*,—что было вѣрнѣе), другой, указывающій на недѣятельное состояніе души (на страданіе или претерпѣваніе) названъ *страдательнымъ*.

Впослѣдствіи греки въ своей грамматикѣ прибавили еще залогъ, но сдѣлали это безъ нужды. Поводомъ къ умноженію залоговъ послужило то обстоятельство, что нѣкоторыя формы греческаго глагола одинаково выражаютъ какъ дѣятельное, такъ и страдательное расположеніе; напр., форма *люомэ* (λύομαι) можетъ означать и *меня развязываютъ*, и *я развязываю* что-нибудь для себя. Такія формы, *общія* для обоихъ расположеній или залоговъ души, и были названы *общимъ* залогомъ. Но ясно, что общій залогъ есть не залогъ въ строгомъ смыслѣ слова, а общая грамматическая форма, свойственная двумъ залогамъ. Въ нынѣшнихъ же греческихъ грамматикахъ указывается только два залога: дѣйствительный и страдательный.

Но есть глаголы, которые не означаютъ ни дѣятельнаго, ни страдательнаго расположенія души, напр., сплю, каменѣю и т. п. Какъ быть съ ними? Къ какому залогу надо ихъ относить? Греки говорили о нихъ, что они οὐδετέρας διαθέσεως, т. е. буквально, ни того ни другого залога или, по-просту сказать, никаковскаго. Это были глаголы *беззаложные*.

Равнымъ образомъ, есть глаголы, которые означаютъ только одно дѣятельное расположеніе души, напр., трещу (чѣмъ-нибудь), стучу (во что-нибудь) и т. п. Это—глаголы *однозаложные*. Причислять ихъ, конечно, нужно къ дѣйствительному залогу, который имѣетъ нѣсколько подраздѣленій.

Глаголы *дѣйствительнаго залога* бываютъ *четырехъ* разновидностей.

1) глаголы, которые всегда сопровождаются какимъ-нибудь именемъ или мѣстоименіемъ:

а) въ винительномъ падежѣ *безъ* предлога, напр., люблю отца, уважаю друга, ношу воду, сѣдлаю коня;

б) винительнымъ падежомъ *съ* предлогомъ, а также род., дат., твор. безъ предлога и съ предлогомъ и предложнымъ падежомъ, напр., стучу въ дверь, прошу хлѣба, врежу непріятелю, трещу палкой, думаю о другѣ. Они всегда называютъ дѣйствіе (физическое или душевное) направленное на другой предметъ; эти глаголы я назвалъ бы *предметно-дѣйственными.* Первые (а) въ нашихъ грамматикахъ называются просто *дѣйствительными*, вторые (б) относятся къ *среднему* залогу, что противорѣчитъ существу дѣла.

2) глаголы, которые называютъ дѣйствіе, направленное дѣйствующимъ предметомъ на самого себя, почему къ ихъ окончанію всегда прибавляется частица *ся* или *сь*, сокращенная изъ возратнаго мѣстоименія *себя*, напр., ты одѣваешься, вы умываетесь. Это глаголы—*возвратно-дѣйственные* или короче *возвратные.*

3) глаголы, которые называютъ состояніе дѣйствія, производимаго нѣсколькими предметами и направленнаго ими другъ на друга. Они всегда сопровождаются именемъ въ творительномъ падежѣ съ предлогомъ *съ*, напр., русскіе сражаются съ нѣмцами, мы воюемъ съ австрійцами, я борюсь съ товарищемъ. Они иногда принимаютъ частицу *ся*, иногда нѣтъ. Это глаголы *взаимно-дѣйственные* или короче *взаимные.*

Легко видѣть, что обѣ послѣднія разновидности происходятъ отъ первой.

4) глаголы, которые выражаютъ дѣйствіе непереходящее на другой предметъ, напримѣръ: хожу, скачу, пляшу, ругаюсь, улыбаюсь, смѣюсь и т. п. Это глаголы *безпредметно-дѣйственные*, или короче *безпредметные.* Ихъ въ нашихъ грамматикахъ считаютъ глаголами *средняго* залога. Но такъ какъ между дѣйствіемъ и бездѣйствіемъ никакой средины быть не можетъ, то намъ лучше отказаться отъ этого термина.

Къ *среднему* же залогу наши грамматисты относятъ и глаголы *беззаложные.*

Кромѣ формъ, указывающихъ лицо, число, время, наклоненіе, видъ и залогъ, глаголы имѣютъ еще добавочныя формы: *причастіе, дѣепричастіе* и *неопредѣленную* форму.

Причастіе есть имя прилагательное, произведенное отъ глагола. Отличается оно отъ обыкновенныхъ прилагательныхъ

тѣмъ, что ему присущъ признакъ времени, напримѣръ: *памятливый* будетъ имя прилагательное, а *памятующій* и *памятовавшій*—причастія, потому что въ нихъ имѣется указаніе на время: *памятующій*—это сейчасъ, а *памятовавшій*—это уже было. Это свойство причастій отмѣчать время побудило грамматистовъ разсматривать ихъ въ ученіи о глаголѣ, а такъ какъ эти формы оказались причастны и имени и глаголу, то ихъ и назвали отъ этого *причастіями*.

Дѣепричастіе есть нарѣчіе, произведенное отъ глагола. Оно, подобно причастію, тоже содержитъ въ себѣ признакъ времени, чѣмъ и отличается отъ обыкновеннаго нарѣчія, и что побудило грамматистовъ относить его къ глаголу, напримѣръ: *памятливо*—нарѣчіе, а *памятуя* и *памятовавъ*—дѣепричастія. Такъ какъ эта форма причастна нарѣчію и глаголу и такъ какъ она всегда указываетъ на какое-нибудь второстепенное *дѣяніе* или состояніе бездѣйствія, то ее и назвали *дѣе-причастіемъ*. Терминъ не изъ удачныхъ.

Наконецъ, есть еще одна глагольная форма, соотвѣтствующая по своему смыслу имени существительному, напр., рисовать. Можно сказать: *рисовать полезно* и *рисованіе полезно*—смыслъ одинъ и тотъ же, такъ что рисовать=рисованіе; однако не говорятъ: братъ *будетъ рисованіе*, а братъ *будетъ рисовать*, такъ что форма рисовать больше тяготѣетъ къ глаголу; но такъ какъ окончаніе ея никогда *не опредѣляетъ*, т. е. не указываетъ ни лица, ни числа, ни времени, ни наклоненія, то ее называютъ поэтому *неопредѣленною формою* *).

Примѣчаніе для Ладина репетитора. Нынче въ иныхъ грамматикахъ говорится, что залогъ есть форма глагола, показывающая *направленіе* дѣйствія. Такое опредѣленіе залога нельзя принять, во-первыхъ, потому, что не всегда по формѣ глагола можно видѣть направленіе дѣйствія; напримѣръ, въ вопросѣ: „дверь заперли?“ и отвѣтѣ на него: „да, заперли“, глаголъ „заперли“ можно относить и къ дѣйствительному залогу и къ страдательному въ зависимости отъ того, какъ будемъ смотрѣть на эти выраженія: какъ на безличныя (смыслъ—дверь заперта) или какъ на личныя (смыслъ—мы, вы, они заперли); во-вторыхъ, потому, что очень многіе глаголы,

---

*) Въ латинскомъ языкѣ формы глагола, лишонныя признаковъ лица, времени, наклоненія и залога, были картинно названы однимъ грамматистомъ *супинами*, т. е. *нерадивыми* или *лежебоками* глаголами (verba supina), именно за то какъ бы, что они не озаботились пріобрѣсти всѣ эти признаки.

относимые къ среднему залогу, никакого дѣйствія, а стало-быть, и направленія его, не означаютъ, напр., лежать, спать, сидѣть и т. п.; въ-третьихъ, потому, что по этому опредѣленію въ содержаніе понятія „залогъ“ входитъ представленіе о движеніи, тогда какъ въ словѣ, выражающемъ это понятіе, завитъ, какъ въ клубкѣ (involvitur), смыслъ неподвижности (*лежитъ* что-то)—слово, стало быть, не соотвѣтствуетъ понятію. Подобныя опредѣленія вносятъ смуту и неясность въ умы учащихся. Лучше вернуться къ опредѣленію, данному древними греками.

УРОКЪ 40-й.

Спряженіе глагола, образованіе его формъ.

Объяснивъ смыслъ и значеніе терминовъ, называющихъ глагольныя формы, перейдемъ теперь къ самому образованію этихъ формъ, къ измѣненію глагола.

Измѣненіе формъ глагола названо въ русской грамматикѣ, несогласно съ греческой, *спряженіемъ*—словомъ, представляющимъ буквальный переводъ латинскаго слова conjugatio, что собственно означаетъ запряжку въ одно ярмо (отъ con=съ, вмѣстѣ, заодно и jugum=иго, ярмо). Латинскіе грамматисты облюбовали этотъ терминъ на томъ основаніи, что при глаголѣ всегда имѣется или подразумѣвается именительный падежъ имени или мѣстоименія, къ которому личное окончаніе приноровляется, съ которымъ глаголъ идетъ какъ бы въ одной запряжкѣ, въ одномъ ярмѣ, какъ пара воловъ, выполняя совмѣстно съ именительнымъ падежомъ работу выявленія нашей мысли.

Обзоръ глагольныхъ формъ я начну съ неопредѣленной формы.

Неопредѣленная форма глагола, невѣрно называемая очень часто *неопредѣленнымъ наклоненіемъ*, имѣетъ своимъ окончаніемъ слогъ **ти**, напр., вез-**ти**, нес-**ти**, ит-**ти**. Это окончаніе въ большинствѣ глаголовъ сократились въ **ть**: писа-**ть**, чита-**ть**, плы-**ть**, коси-**ть** и т. п.

Окончаніе **ти** и **ть** присоединяются къ корню слова или непосредственно, какъ въ глаголахъ вез-ти, нес-ти, или же

между корнемъ слова и окончаніемъ вставляется суффиксъ, какъ въ глаголахъ кос-и-ть, пис-а-ть.

Если окончанія **ти** и **ть** приставляются непосредственно къ корню глагола, то такой глаголъ называется *первообразнымъ* или *первичнымъ*, а если между глагольнымъ корнемъ и окончаніями **ти, ть** вставляется суффиксъ, то такой глаголъ называется *производнымъ*.

Суффиксы, вставляемые между корнемъ глагола и окончаніемъ неопредѣленной формы, называютъ *примѣтами* глагола, потому что по нимъ можно иногда примѣтить или замѣтить къ какому *виду* или къ которому *спряженію* относится данный глаголъ.

Если окончаніе **ти** или **ть** приходится присоединять къ корню, послѣднимъ звукомъ котораго будутъ задне-язычные *г* или *к*, то въ этомъ случаѣ всегда происходитъ чередованіе *т* съ *ч*, а заднеязычные выпадаютъ, напр., вмѣсто стри*г-ть* говорится стри-*чь*, вмѣсто пе*к-ть*—пе-*чь*, вмѣсто бере*г-ть*—бере-*чь* и т. п. (сравни простонарод. формы: пек-чи, мок-чи).

Къ этимъ тремъ окончаніямъ: **ти, ть, чь** иногда можетъ быть приставлена древняя форма винит. падежа возвратнаго мѣстоименія **ся**=себя, сокращающаяся иногда въ **сь**, напр., мы-**ться**, стри-**чься**, заплета-**ться**, нес-**тись** и т. п.

Такимъ образомъ получаются для неопредѣленной формы шесть окончаній: **ти, ть, чь, тися, ться, чься**.

Глагольныя же примѣты, вставляемыя между этими окончаніями и корнемъ глагола, слѣдующія: *а, я, и, ѣ, ева, ова, ива, ыва, ну*: бѣг-а-ть, гул-я-ть, крас-и-ть, бѣл-ѣ-ть, гор-ева-ть, зим-ова-ть, за-краш-ива-ть, за-пис-ыва-ть, ах-ну-ть.

Такъ какъ нѣкоторыя глагольныя формы производятся отъ неопредѣленной формы, то ее на этомъ основаніи считаютъ также и начальной формой или началомъ глагола.

Основой неопредѣленной формы будетъ та ея часть, которая получается по отнятіи окончанія этой формы; напримѣръ, въ глаголахъ вез-ти, нес-ти, дѣла-ть, стара-ться основы будутъ: *вез, нес, дѣла, стара*; если неопредѣленная форма оканчивается на *чь, чься*, то основой ея считается корень, въ которомъ заднеязычный звукъ не вступилъ еще въ чередованіе; такъ, основы въ глаголахъ *печь, беречься* будутъ: *пек, берег*.

Обзоръ личныхъ окончаній былъ данъ въ урокѣ 37-мъ.

УРОКЪ 41-й.

Образованіе временъ.

Русскій языкъ, какъ сказано, различаетъ три времени: настоящее, прошедшее и будущее.

Формы *настоящаго* времени, указывающія на фактъ, на дѣйствительность состоянія, образуются съ помощью личныхъ окончаній, присоединяемыхъ къ глагольной основѣ настоящаго времени, которая иногда совпадаетъ съ основой неопредѣленной формы, а иногда отличается отъ нея; напримѣръ, основы настоящаго времени глаголовъ *дѣлать*, *брать* будутъ *дѣла*, *бер*; первая основа одинакова съ основой неопредѣленной формы, вторая—нѣтъ.

Личныя окончанія присоединяются къ основѣ настоящаго времени или съ помощью соединительнаго гласнаго звука *е* или безъ него:

Ед. ч.	1 л.	дѣла-**ю**	бер-**у**
	2 л.	дѣла-е-**шь**	бер-е-**шь**
	3 л.	дѣла-е-**тъ**	бер-е-**тъ**
Мн. ч.	1 л.	дѣла-е-**мъ**	бер-е-**мъ**
	2 л.	дѣла-е-**те**	бер-е-**те**
	3 л.	дѣла-**ютъ**	бер-**утъ**
Ед. ч.	1 л.	глуш-**у**	смотр-**ю** (смотр-й-у)
	2 л.	глуши-**шь**	смотри-**шь**
	3 л.	глуши-**тъ**	смотри-**тъ**
Мн. ч.	1 л.	глуши-**мъ**	смотри-**мъ**
	2 л.	глуши-**те**	смотри-**те**
	3 л.	глуш-**атъ**	смотр-**ятъ**

Это различіе въ способѣ присоединенія личныхъ окончаній къ глагольной основѣ настоящаго времени дало основаніе раздѣлить глаголы на два спряженія: *первое* и *второе*. Къ первому спряженію относятъ тѣ глаголы, у которыхъ личныя окончанія присоединяются къ основѣ при помощи соединительнаго гласнаго звука *е*, ко второму—тѣ глаголы, которые этимъ звукомъ не пользуются.

Глаголы перваго спряженія оканчиваются въ 3 лицѣ множеств. числа на **утъ** или **ютъ**, а второго спряженія на **атъ** или **ятъ**.

Такъ какъ въ произношенiи послѣднiя окончанiя часто смѣшиваются съ первыми, особенно когда на нихъ не падаетъ ударенiе, то, чтобы вѣрно изобразить ихъ на письмѣ, пользуются такимъ правиломъ: если неопредѣленная форма имѣетъ примѣтою *и* или *ѣ*, выпадающее въ 1 лицѣ ед. числа настоящ. времени, или *а*, стоящее послѣ шипящихъ (*ж*, *ч*, *ш*, *щ*) и тоже выпадающее въ 1 л. ед. числа, то глаголъ будетъ 2-го спряженiя; значитъ, въ немъ соединительнаго гласнаго *е не будетъ*, а 3 л. множ. числа будетъ оканчиваться на **атъ** или **ятъ**. Всѣ глаголы, не подходящiе подъ это правило, будутъ 1-го спряженiя.

Примѣры:
люб-и-ть, слав-и-ть (примѣта *и*)—2-го спряженiя;
гор-ѣ-ть, гор-ю (*ѣ* выпало)—2-го спряженiя;
бѣл-ѣ-ть, бѣл-ѣ-ю (*ѣ* осталось)—1-го спряженiя;
трещ-а-ть, трещ-у (*а* выпало)—2-го спряженiя;
скуч-а-ть, скуч-а-ю (*а* осталось)—1-го спряженiя;
толк-а-ть, толк-а-ю (*а* не послѣ шипящей)—1-го спряженiя;
тол-о-чь, толк-у (примѣтъ *и*, *ѣ*, *а* нѣтъ)—1-го спряженiя.

Формы *прошедшаго* времени, указывающiя на фактъ, образуются отъ основы неопредѣленной формы слѣдующимъ образомъ:

1. Если основа неопредѣленной формы оканчивается на гласный звукъ, то къ ней присоединяется въ единственномъ числѣ для всѣхъ лицъ окончанiе **лъ** для мужского рода, **ла** для женскаго и **ло** для средняго, а во множественномъ числѣ **ли** для всѣхъ трехъ родовъ; такъ отъ глагола *дѣлать* прошедшее время будетъ:

я, ты, онъ дѣла-**л-ъ**,
я, ты, она дѣла-**л-а**,
я, ты, оно дѣла-**л-о**,
мы, вы, они, онѣ дѣла-**л-и**.

2. Если основа неопредѣленной формы оканчивается на согласный звукъ, то въ един. числѣ муж. рода звукъ **л** опускается, а въ женскомъ и среднемъ, а также и во множеств. числѣ сохраняется: вез-ти—вез-ъ, вез-л-а, вез-л-о, вез-л-и; нес-ти—нес-ъ, нес-л-а, нес-л-о, нес-л-и; стри-чь—стриг-ъ, стриг-л-а, стриг-л-о, стриг-л-и; пе-чь—пек-ъ, пек-л-а, пек-ло, пек-л-и.

Въ формахъ прошедшаго времени есть особенность, не встрѣчающаяся въ другихъ европейскихъ не-славянскихъ языкахъ, именно: *глаголъ измѣняется по родамъ*, какъ имя прилагательное. Эта особенность легко объясняется тѣмъ, что наша форма прошедшаго времени представляетъ собою древнее несклоняемое причастіе въ краткой формѣ, и какъ таковое, оно, конечно, должно имѣть родовыя окончанія.

Въ нашемъ языкѣ сбереглась, какъ остатокъ, и полная форма этого причастія, но ее никто уже не считаетъ за причастіе, но всѣ относятъ къ имени прилагательному, напримѣръ: бывa-л-ый, лежа-л-ый, одича-л-ый, хожа-л-ый, тух-л-ая, блек-л-ая, пух-л-ое и т. п.

Для формъ *будущаго* времени, показывающихъ, что что-нибудь *непремѣнно* случится, особыхъ окончаній или суффиксовъ нашъ языкъ не выработалъ. Онъ для него употребляетъ или окончанія настоящаго времени или прибѣгаетъ къ помощи другихъ глаголовъ: *быть*, *стать* и т. п. Чаще всего приходится пользоваться формами будущаго времени глагола *быть*; поэтому здѣсь будетъ умѣстно привести ихъ.

	Един. число.	Множ. число.
1 л.	буд-**у**	буд-е-**мъ**
2 л.	буд-е-**шь**	буд-е-**те**
3 л.	буд-е-**тъ**	буд-**утъ**

Глаголы, означающіе незаконченныя и длящіяся состоянія, образуютъ будущее время такъ: берется неопредѣленная форма даннаго глагола и присоединяется къ формамъ будущаго времени глагола *быть;* напримѣръ, отъ глагола *читаю* будущее время будетъ:

	Един. число.	Множ. число.
1 л.	буду читать	будемъ читать
2 л.	будешь читать	будете читать
3 л.	будетъ читать	будутъ читать

Глаголъ *быть*, помогающій образованію будущаго времени (а также и другихъ глагольныхъ формъ), называется поэтому *вспомогательнымъ*, а получаемыя съ нимъ формы спрягаемаго глагола *сложными* или *описательными*, потому что, за неимѣніемъ особыхъ для нихъ окончаній, ихъ приходится изображать или, какъ обыкновенно въ этомъ случаѣ говорятъ, *описывать* съ помощью другихъ словъ.

Глаголы, означающіе законченное состояніе, образуютъ будущее время безъ вспомогательнаго глагола. Они для этого пользуются личными окончаніями настоящаго времени, напримѣръ, отъ глагола *принести* будущее время будетъ:

Един. число.	Множ. число.
1 л. принес-у	принес-е-мъ
2 л. принес-е-шь	принес-е-те
3 л. принес-е-тъ	принес-утъ

Такое будущее, въ отличіе отъ сложнаго, называется *простымъ*, т. е. не сложнымъ.

УРОКЪ 42-й.

Образованіе наклоненій.

Всѣхъ наклоненій въ русскомъ языкѣ имѣется три: изъявительное, повелительное и сослагательное.

Въ *изъявительномъ* наклоненіи глаголъ ставится тогда, когда говорятъ о томъ, что дѣйствительно или есть, или было или *непремѣнно* будетъ, напр., *пишу, писалъ, напишу*.

Терминъ „изъявительное“ есть устарѣвшій переводъ латинскаго indicativus (отъ глагола indico, объявляю, *указываю на фактъ*). Словомъ „изъявительное“ прежніе переводчики хотѣли сказать, что это наклоненіе всегда *изъявляетъ* или *объявляетъ* о фактѣ, указываетъ на дѣйствительное событіе.

Въ *повелительномъ* наклоненіи глаголъ ставится тогда, когда выражаютъ свою *волю* въ видѣ желанія, требованія, приказа, повелѣнія,—отъ послѣдняго слова и названіе этого наклоненія взято—напр., *пиши, пишите*.

Въ *сослагательномъ* наклоненіи глаголъ ставится для выраженія того, что могло бы произойти, но не произошло и не происходитъ; того, что только желательно намъ и что осуществиться не можетъ (предстоящее осуществленіе выражается будущимъ временемъ изъявительнаго наклоненія); слѣдовательно, сослагательное наклоненіе выражаетъ всякое предположеніе, возмож-

ность, неисполнимое желаніе и т. п., все, что имѣетъ бытіе только въ нашей мысли, а не въ дѣйствительности, напр., *писалъ бы.*

Слово „сослагательное" есть плохой переводъ латинскаго слова conjunctivus, передавшаго, въ свою очередь, греческое слово ἐπιζευκτική, которое значитъ сопряжонный, соединенный (отъ con=съ и jungo=единю; корень этого слова jug, откуда jugum=ярмо, иг-о; такимъ образомъ, дословно conjungo значитъ ввожу въ одно иго, ярмо, сопрягаю, соединяю). Названо оно такъ потому, что глаголъ, поставленный греками въ этомъ наклоненіи, обыкновенно посредствомъ союза *присоединялся* къ другому глаголу (*сослагался, связывался* съ нимъ).

Выше было замѣчено, что русскій языкъ плохо справился съ формами наклоненій. Дѣйствительно, ни изъявительное, ни сослагательное наклоненіе у насъ не отмѣчено особыми суффиксами, а повелительное хотя и имѣетъ свой особый суффиксъ, но часто отбрасываетъ его.

Изъявительное наклоненіе, какъ выражающее наклонность нашего ума сказать о томъ, что на самомъ дѣлѣ бываетъ, пользуется у насъ тѣми же самыми формами, что и времена: *беру, бралъ, буду брать.*

Повелительное наклоненіе имѣетъ суффиксомъ звукъ **и**, который непосредственно присоединяется къ основѣ настоящаго времени, напр., бер-**и**, нес-**и**.

Такъ какъ каждый изъ насъ самъ себѣ никогда не приказываетъ, то 1-го лица един. числа въ повелительномъ наклоненіи нѣтъ.

2-е лицо един. числа не имѣетъ личнаго окончанія и довольствуется только примѣтой наклоненія: нес-**и**, да и та въ нѣкоторыхъ глаголахъ или замѣняется **й** (напр., дѣла-й) или совсѣмъ отбрасывается (напр. брось). Это неимѣніе личнаго окончанія даетъ возможность ставить при основѣ повелительнаго наклоненія любое изъ личныхъ мѣстоименій: нес-и я, нес-и ты, нес-и онъ, нес-и мы, нес-и вы, нес-и они.

3-е лицо един. числа образуется описательно: для него берется 3-е лицо ед. ч. настоящаго или будущаго времени изъявительнаго наклоненія и прибавляется впереди слово *пусть*, напр., *пусть* несе-*тъ*, *пусть* принесе-*тъ*.

1-е лицо множеств. числа повелительнаго наклоненія своей формы не имѣетъ; ее замѣняетъ форма изъявит. наклоненія

настоящ. или будущ. времени, напр., нес-е-*мъ*, понес-е-*мъ*, къ которой, иногда присоединяютъ окончаніе 2-го лица множ. числа *те*: нес-е-*м-те*, понес-е-*м-те*.

2-е лицо множ. числа имѣетъ окончаніе **те**, которое непосредственно присоединяется къ формѣ 2-го лица ед. ч.: нес-и-**те**, дѣла-й-**те**, брось-**те**.

3-е лицо множ. числа образуется подобно единственному— описательно: *пусть* нес-*утъ*, *пусть* принес-*утъ*.

Прошедшаго и будущаго времени наше повелительное наклоненіе не имѣетъ.

Сослагательное наклоненіе не только личныхъ окончаній, но и особаго суффикса не имѣетъ. Оно образуется описательно.

Для выраженія его берутъ формы прошедшаго времени изъявительнаго наклоненія и къ нимъ прибавляютъ частицу **бы** (сокращонная форма древнецерк.-слав. быхъ), напр. любилъ, а, о **бы**, любили **бы**.

Эти формы безъ всякаго различія употребляются для всѣхъ трехъ временъ и трехъ лицъ.

Примѣръ:

Настоящее, прошедшее и будущее время.

	Един. число.	Множ. число.
1 л.	я любилъ, а, о **бы**	мы любили **бы**
2 л.	ты любилъ, а, о **бы**	вы любили **бы**
3 л.	онъ, а, о любилъ, а, о **бы**	они, ѣ любили **бы**.

УРОКЪ 43-й.

Образованіе видовъ глагола.

Всѣ различные виды глагола можно свести къ двумъ: несовершонному и совершонному.

Несовершонный видъ выражаетъ состояніе или незаконченное въ прошломъ, или происходящее сейчасъ, или которое произойдетъ, безъ намека на законченность, въ будущемъ, напр., читалъ, читаю, буду читать.

Совершонный видъ выражаетъ состояніе вполнѣ законченное въ прошломъ или имѣющее закончиться въ будущемъ;

поэтому настоящаго времени этотъ видъ не имѣетъ, чѣмъ рѣзко отличается отъ глаголовъ несовершоннаго вида. Кромѣ того, будущее время у этого вида простое: прочиталъ, прочитаю.

Каждый изъ этихъ видовъ имѣетъ по одной разновидности. Въ несовершонномъ видѣ эта разновидность отмѣчаетъ повторяемость, а также и давностность состоянія предмета, напр., читывалъ, посиживаю. Эту разновидность называютъ *многократнымъ* видомъ (крата значитъ разъ).

Разновидность совершоннаго вида отмѣчаетъ единичность состоянія предмета, напр., тряхнулъ, зѣвнулъ, тряхну. Эту разновидность называютъ *однократнымъ* видомъ.

Къ несовершонному виду относятся почти всѣ первообразные глаголы: би-ть, стри-чь, пас-ти, нес-ти и проч.

Къ совершонному виду относятся слѣдующіе первообразные глаголы: да-ть, дѣ-ть, ле-чь, пас-ть, ста-ть, сѣс-ть.

Отъ первообразныхъ глаголовъ производится большинство другихъ глаголовъ различныхъ видовъ.

Обычно природному русскому человѣку слухъ и чутье языка подсказываютъ, какъ образовать тотъ или другой видъ глагола. Но если почему-либо возникнетъ затрудненіе въ образованіи глагольнаго вида, то можно руководиться слѣдующими правилами:

I.

Образованіе видовъ отъ первообразныхъ глаголовъ.

А. 1. Приставка къ первообразнымъ глаголамъ *несовершоннаго* вида даетъ совершонный видъ: пас-ти—при-пас-ти, нес-ти—у-нес-ти, стри-чь—под-стри-чь, би-ть—у-би-ть.

2. Вставка примѣты *а* въ первообразные глаголы даетъ многократный видъ: ѣс-ть—ѣд-а-ть, стри-чь—стриг-а-ть, мы-ть—мы-в-а-ть, ши-ть—ши-в-а-ть, пи-ть—пи-в-а-ть.

3. Приставка къ многократнымъ глаголамъ даетъ опять видъ несовершонный: об-ѣд-а-ть, под-стриг-а-ть, за-мы-в-а-ть, об-ши-в-а-ть, вы-пи-в-а-ть.

В. 1. Приставка къ первообразнымъ глаголамъ *совершоннаго* вида не переводитъ глагола изъ одного вида въ другой; видъ по-прежнему остается совершонный: ле-чь—при-ле-чь, да-ть—от-да-ть, пас-ть—на-пас-ть, дѣ-ть—за-дѣ-ть.

2. Вставка примѣты *а* или *ѣ* въ первообразные глаголы совершоннаго вида даетъ видъ несовершонный: да-ть—да-в-а-ть, дѣ-ть—дѣ-в-а-ть, лечь—леж-а-ть, пас-ть—пад-а-ть, ста-ть—ста-в-а-ть, сѣс-ть—сид-ѣ-ть.

3. Вставка примѣты *ива, ыва,* даетъ видъ многократный: да-ть—да-в-ыва-ть, ле-чь—леж-ива-ть, пас-ть—пад-ыва-ть, сѣс-ть—сиж-ива-ть.

II.

Образованіе видовъ отъ производныхъ глаголовъ.

А. Есть производные глаголы съ примѣтами *а, я, и, ѣ,* которые первообразной формы не имѣютъ, напримѣръ: брос-а-ть, сѣ-я-ть, лѣч-и-ть, терп-ѣ-ть. Большинство ихъ несовершоннаго вида.

Приставка переводитъ ихъ изъ несовершоннаго вида въ совершонный: за-брос-а-ть, по-сѣ-я-ть, вы-лѣч-и-ть, пре-терп-ѣ-ть.

Примѣта *ива, ыва* даетъ имъ видъ многократный: сѣ-ива-ть, терпл-ива-ть, брас-ыва-ть.

Вставка примѣты *ну* образуетъ видъ однократный: дох-ну-ть, дви-ну-ть, дрог-ну-ть, мах-ну-ть.

В. Производные глаголы совершоннаго вида имѣютъ обыкновенно примѣтою *и*: брос-и-ть, пуст-и-ть. Нѣкоторые изъ нихъ могутъ имѣть смыслъ то совершоннаго, то несовершоннаго вида, напр., жен-и-ть, род-и-ть, крест-и-ть.

Примѣта *а* переводитъ ихъ изъ совершоннаго вида въ несовершонный: брос-а-ть, пуск-а-ть.

Въ нѣкоторыхъ глаголахъ при переходѣ совершоннаго вида въ несовершонный или обратно происходитъ чередованіе коренного гласнаго звука: бр-а-ть, собр-а-ть, со-бир-а-ть, смотр-ѣ-ть, сматр-ива-ть, у-лов-и-ть, у-лавл-ива-ть.

Особенно надо замѣтить чередованіе въ глаголахъ съ примѣтою *ива*: въ нихъ гласный звукъ *а*, находящійся въ корнѣ слова и ударяемый, обыкновенно замѣняетъ коренной звукъ *о* глаголовъ съ другими суффиксами. Поэтому невѣрно будетъ написаніе: окончивать, задобривать, принооровливать вмѣсто окáнчивать, задáбривать, принорáвливать и т. п.

УРОКЪ 44-й.

Образованіе залоговъ.

Глагольныхъ залоговъ, какъ сказано, должно быть два: дѣйствительный (дѣйственный) и страдательный.

Русскій языкъ не имѣетъ для страдательнаго залога особыхъ личныхъ окончаній, какъ это имѣется въ языкахъ греческомъ и латинскомъ; въ немъ нѣтъ и особой простой неопредѣленной формы для этого залога. Почему это такъ случилось: не выработали мы ихъ или утратили—дѣло темное; думается, что утратили. У насъ имѣются лишь два причастія страдательнаго залога, поэтому намъ для выраженія страдательнаго залога приходится прибѣгать къ описательному способу или ссужаться формами дѣйствительнаго залога.

Первообразные глаголы дѣйствительнаго залога только по смыслу отличаются отъ первообразныхъ глаголовъ беззаложныхъ (по другимъ грамматикамъ—среднихъ), напр. дать, нести, лечь, течь. Наружныхъ (форменныхъ) признаковъ для ихъ различенія нѣтъ.

Въ производныхъ глаголахъ признакомъ дѣйствительнаго залога (расположенія) служитъ примѣта *и*: нос-и-ть, бѣл-и-ть, точ-и-ть, душ-и-ть, пил-и-ть и т. п.

Всѣ другія примѣты одинаково встрѣчаются какъ въ глаголахъ дѣйствительнаго залога, такъ и въ глаголахъ беззаложныхъ средних), напримѣръ:

Дѣйств. залогъ.	Беззаложные.
дѣл-а-ть	леж-а-ть
сѣ-я-ть	та-я-ть
вид-ѣ-ть	бѣл-ѣ-ть
бич-ева-ть	ноч-ева-ть
мил-ова-ть	тоск-ова-ть
лавл-ива-ть	леж-ива-ть
брас-ыва-ть	быв-ыва-ть
дви-ну-ть	гиб-ну-ть.

Иногда приставка къ беззаложному глаголу дѣлаетъ его глаголомъ дѣйствительнаго залога (дѣйственнаго расположенія) леж-а-ть—от-леж-ать, сид-ѣ-ть—от-сид-ѣ-ть, сп-а-ть—за-сп-а-ть.

Личныя окончанія глаголовъ дѣйствительнаго залога и беззаложныхъ совершенно одинаковы.

Разновидности дѣйствительнаго залога—возвратные и взаимные глаголы—получаются посредствомъ присоединенія къ основной формѣ его — предметно-дѣйственной — частицы **ся**: мы-*ть-ся*, бор-о-*ть-ся*.

Страдательный залогъ выражается у насъ трояко:

1) посредствомъ возвратно-дѣйственной разновидности дѣйствительнаго залога (возвратныхъ глаголовъ), напримѣръ: ученикъ *освобождается* отъ платы.

2) посредствомъ вспомогательнаго глагола *быть* съ страдательнымъ причастіемъ въ краткой формѣ (смотри ниже), напримѣръ: ученикъ *былъ освобождаемъ* отъ платы.

3) посредствомъ 3 лица множ. числа глаголовъ дѣйствительнаго залога, причомъ предметъ, претерпѣвающій извѣстное состояніе, ставится въ винительномъ падежѣ безъ предлога, напримѣръ: ученика *освобождаютъ* отъ платы.

Нужно замѣтить, что не ко всякому глаголу можно приложить эти три способа. Нѣкоторые глаголы отъ присоединенія частицы *ся* не получаютъ характерной для страдательнаго расположенія (залога) черты бездѣйствія, покоя, напр.: молиться, горячиться. Не всегда удобенъ и второй способъ. При третьемъ способѣ иногда трудно отличить пассивность отъ активности (покой отъ движенія). Вообще, при выборѣ способа выраженія страдательнаго залога надо руководиться больше чутьемъ языка, т. е. постиженіемъ духа языка, нежели внѣшними признаками слова.

Примѣчаніе для Ладина репетитора. Въ виду отсутствія у насъ особыхъ глагольныхъ формъ для страдательнаго залога нѣкоторые грамматисты наши склонны думать, что у насъ *нѣтъ и самаго залога* страдательнаго. Тутъ кроется недоразумѣніе. Страдательный залогъ, т. е. недѣятельное расположеніе души или тѣла, конечно, есть и всегда будетъ, его никуда не дѣнешь, отъ него не освободишься; выраженіе же этого расположенія особыми глагольными формами—совсѣмъ другая вещь. Въ этомъ отношеніи залогъ можно сравнить съ мыслью художника. Изъ того, что Микель-Анджело, положимъ, свою мысль выразилъ вмѣсто словъ картиной или статуей, нельзя разумѣется, выводить, что мысли у него не было, потому что онъ *ничего не сказалъ*.

УРОКЪ 45-й.

Образованіе причастій и дѣепричастій.

Причастія и дѣепричастія въ русскомъ языкѣ бываютъ двухъ временъ: настоящаго и прошедшаго.

Общее правило для образованія этихъ формъ таково: причастія и дѣепричастія *настоящаго времени* образуются отъ глагольной основы *настоящаго* времени; причастія и дѣепричастія *прошедшаго времени* образуются отъ глагольной основы *прошедшаго* времени.

I.

Причастія глаголовъ дѣйствительнаго залога и беззаложныхъ (средняго залога).

1. Окончаніе причастія настоящаго времени **щій, щая, щее.** Это причастіе образуется отъ основы настоящаго времени, которую лучше всего брать отъ 3-го лица множественнаго числа. Чтобы образовать это причастіе, берутъ глаголъ въ 3 л. множ. числа, отбрасываютъ въ немъ звукъ **тъ** и вмѣсто него ставятъ окончаніе причастія **щій, щая, щее.**

Примѣры: бер-утъ —бер-у**щій**, бер-у**щая**, бер-у**щее**;
дѣла-ютъ—дѣла-ю**щій, ая, ее**;
сид-ятъ —сид-я**щій, ая, ее**;
дыш-атъ —дыш-а**щій, ая, ее.**

2. Окончаніе причастія прошедшаго времени **шій** или **вшій.** Это причастіе образуется отъ основы прошедшаго времени такъ: берется глаголъ въ прошедшемъ времени един. числа, окончаніе **ъ** отбрасывается и на мѣсто его ставится **шій, шая, шее**, а звукъ **л**, если онъ есть передъ **ъ**, замѣняется **в.**

Примѣры: дѣла-л-ъ—дѣла-**в-шій, шая, шее**;
писа-л-ъ —писа-**в-шій, шая, шее**;
стерег-ъ —стерег-**шій, шая, шее.**

Но если основа глагола оканчивается на зубной звукъ, который передъ **л** въ прошедшемъ времени выпадаетъ, то въ причастіи онъ опять появляется, но зато **л** выпадаетъ безъ замѣны его звукомъ **в.** Напримѣръ: в-е-л-ъ—вед-шій, пле-л-ъ—плет-шій,

ме-л-ъ—мет-шій, вы-ше-л-ъ—вы-шед-шій (корень *ход*, въ которомъ отъ чередованія *о* съ *е* задне-язычный х, въ свою очередь, замѣнился чрезъ ш).

Причастія страдательнаго залога.

1. Окончаніе причастія настоящаго времени: **мый, мая, мое**; краткая форма его: **мъ, ма, мо**. Это причастіе образуется отъ основы настоящаго времени дѣйствительнаго залога. Чтобы образовать его, берутъ глаголъ въ 1-мъ лицѣ множеств. числа настоящаго времени и окончаніе **мъ** замѣняютъ окончаніемъ **мый**: люби-**мъ**—люби-**мый**, дѣла-е-**мъ**—дѣла-е-**мый**. Если основа глагола 1-го спряженія оканчивается на согласный звукъ, то передъ окончаніемъ **мый** соединительный гласный *е* замѣняется гласнымъ *о*, напр.: вез-*е*-мъ—вез-*о*-мый, пас-*е*-мъ—пас-*о*-мый, печ-*е*-мъ—пек-*о*-мый.

2. Окончаніе причастія прошедшаго времени: **нный, нная, нное** и **тый, тая, тое**; краткія формы: **нъ, на, но** и **тъ, та, то**. Это причастіе образуется отъ основы прошедшаго времени дѣйствительнаго залога присоединеніемъ къ ней окончаній **нный** или **тый**, смотря по тому, какое лучше подходитъ: да-л-ъ—да-**нный**, да-**нъ**, взя-л-ъ—взя-**тый**, взя-**тъ**.

Если глагольная основа оканчивается на согласный звукъ, то окончаніе **нный** присоединяется съ помощью соединительнаго гласнаго *е*: нес-ъ—нес-*е*-**нный**, ве-л-ъ—вед-*е*-**нный**, пле-л-ъ—плет-*е*-**нный**, стриг-ъ—стриж-*е*-**нный**.

Если глаголъ имѣетъ примѣтою *и*, то въ причастіи эта примѣта исчезаетъ, а вмѣсто нея появляется соединительный гласный *е*: хвали-л-ъ—хвал-*е*-ннный, хвал-*е*-нъ—точи-л-ъ—точ-*е*-нный, точ-*е*-нъ, топи-л-ъ—топл-*е*-нный, топл-*е*-нъ и проч.

Если причастіе прошедшаго времени на **нный** становится прилагательнымъ, т. е. теряетъ присущую ему черту времени, то оно отбрасываетъ одно **н**, напримѣръ: кова**нн**ый—причастіе, кова**н**ый—прилагательное, дѣла**нн**ый—причастіе, дѣла**н**ый—прилагательное. Въ глаголахъ 2-го спряженія однако сохраняются два **н** и при переходѣ причастія въ прилагательное, но при этомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, удареніе всегда переносится на соединительную гласную: „уни́женный“—причастіе, „унижённый“—прилагательное; „разбу́женный“—причастіе, „разбужённый“—прилагательное. На мой взглядъ, въ послѣднемъ случаѣ рѣзкой разницы между причастіемъ и прилагательнымъ нѣтъ: все зависитъ отъ точки зрѣнія.

II.

Дѣепричастія глаголовъ дѣйствительнаго залога и беззаложныхъ (среднихъ).

1. Окончанія дѣепричастій настоящаго времени **а, я, учи, ючи.** Образуется это дѣепричастіе отъ основы настоящаго времени, присоединеніемъ къ ней непосредственно одного изъ указанныхъ окончаній, напримѣръ: держ-**а**, крич-**а**, *услыш*-**а**, ид-**я**, сид-**я**, *увид*-**я**, ид-**учи**, сид-**ючи** и т. п.

2. Окончанія дѣепричастій прошедшаго времени **въ, вши** и **ши.** Это дѣепричастіе образуется отъ основы прошедшаго времени присоединеніемъ къ ней непосредственно дѣепричастныхъ окончаній: дѣла-**въ**, взя-**въ**, дѣла-**вши**, взя-**вши**, стриг-**ши**, пас-**ши**, грёб-**ши** и т. п.

Окончаніе **ши** находится при основахъ на согласный, **въ** и **вши** при основахъ на гласный звукъ.

Практически это дѣепричастіе получается изъ соотвѣтствующаго причастія, мѣняя въ немъ окончаніе **ій** на **и.**

Примѣчаніе. Такія дѣепричастія, какъ *услыша*, *увидя* и т. п., имѣя форму настоящаго времени, по смыслу принадлежатъ къ дѣепричастіямъ прошедшаго времени. Это и понятно: они происходятъ отъ глаголовъ совершоннаго вида, которые настоящаго времени выражать не могутъ по своей природѣ; всѣ состоянія они относятъ или на фонъ прошлаго времени или на фонъ предстоящаго, будущаго времени.

Дѣепричастія страдательнаго залога.

Особыхъ формъ для этихъ дѣепричастій нѣтъ, онѣ образуются описательно изъ страдательныхъ причастій въ краткой формѣ и дѣепричастій вспомогательнаго глагола *быть*.

Дѣепричастіе настоящаго времени образуется изъ краткихъ формъ причастія на **мый, нный,** и **тый** присоединеніемъ къ нимъ дѣепричастія настоящаго времени отъ глагола быть—*будучи*: напримѣръ, *будучи одобряемъ, будучи одобренъ; будучи взятъ, будучи битъ.*

Дѣепричастіе прошедшаго времени образуется изъ краткихъ формъ причастія на **мый, нный** и **тый** присоединеніемъ къ нимъ дѣепричастія прошедшаго времени отъ глагола быть—*бывъ* или *бывши*: напр., *бывъ одобряемъ, бывъ одобренъ, бывъ взятъ.*

И въ дѣепричастіяхъ страдательнаго залога такія описанія, какъ *будучи одобренъ, будучи взятъ,* относясь по формѣ дѣепричастія *будучи* къ настоящему времени, по смыслу принадлежатъ къ прошедшему времени на томъ же основаніи, какъ и дѣепричастія *услыша, увидя.*

Причастій и дѣепричастій *будущаго* времени нашъ языкъ не имѣетъ, и хотя глаголы совершоннаго вида, судя по дѣепричастіямъ отъ нихъ, какъ бы и могутъ образовать причастія будущаго времени: увидятъ—*увидящій,* возьмутъ—*возьмущій,* однако хорошее, чуткое русское ухо никогда не допуститъ такого образованія. Правда, въ современной печати встрѣчаются такія слова, какъ „*вымрущій*“, „*вскроющійся*“, но они возникли на почвѣ иноплеменнаго вліянія. За послѣдніе годы, благодаря развитію газетнаго дѣла, требующаго огромнаго количества пишущей братіи, стали печатать въ изобиліи свои замѣтки и разсказы въ газетахъ или лица не русскаго происхожденія, которые не вполнѣ еще усвоили духъ и обороты русскаго языка, или и русскіе, но недостаточно обучонные родному языку. Послѣднихъ иногда могутъ сбить съ толку частыя искаженія родной рѣчи инородцами. Не подражай имъ. Нашъ народъ вообще не долюбливаетъ причастныхъ формъ, старается избѣгать ихъ, поэтому создавать за его счотъ еще новую причастную форму совсѣмъ не слѣдъ. То же самое нужно сказать о попыткахъ ввести въ употребленіе причастія прошедшаго времени отъ *сослагательнаго* наклоненія: *отрубившій бы, привлекшій бы* и т. п. Избѣгай всѣхъ этихъ уродливыхъ наростовъ въ родномъ языкѣ, требующихъ хирургическаго вмѣшательства, и храни чистоту родной рѣчи.

УРОКЪ 46-й.

Спряженіе вспомогательнаго глагола ***быть.***

Неопредѣленная форма.

бы-**ть**

Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

Един. число.	Множ. число.
1 л. я ес-**мь**	мы ес-**мы**
2 л. ты е-**си**	вы ес-**те**
3 л. онъ, а, о ес-**ть**	они, ѣ с-**уть**

Прошедшее время.

1 л. я бы-**л-ъ, а, о** (лат. fu-i)	мы бы-**л-и**
2 л. ты бы-**л-ъ, а, о**	вы бы-**л-и**
3 л. онъ, а, о бы-**л-ъ, а, о**	они, ѣ бы-**л-и**

Будущее время.

1 л. я бу-д-**у** (лат. fu-ero)	мы бу-д-е-**мъ**
2 л. ты бу-д-е-**шь**	вы бу-д-е-**те**
3 л. онъ, а, о бу-д-е-**тъ**	они, ѣ бу-д-**утъ**

Повелительное наклоненіе.

Настоящее время.

Един. число.	Множ. число.
1 л. нѣтъ	бу-д-е-**м-те**
2 л. ты бу-д-**ь**	вы бу-д-**ь-те**
3 л. **пусть** онъ, а, о бу-д-е-**тъ**	**пусть** они, ѣ бу-д-**утъ**

Прошедшаго и будущаго времени нѣтъ.

Сослагательное наклоненіе.

Настоящее, прошедшее и будущее время.

1 л. я был**ъ а, о бы**	мы был**и бы**
2 л. ты был**ъ а, о бы**	вы был**и бы**
3 л. онъ, а, о был**ъ а, о бы**	они, ѣ был**и бы**

Причастія.

Наст. времени: с-у-**щій**, **сущая**, **сущее**
Прош. врем.: бы-**в-шій**, **ая**, **ее**
Будущ. врем.: бу-д-у-**щій**, **ая**, **ее**

Дѣепричастія.

Наст. врем. бу-д-**учи**
Прош. врем.: бы-**въ**, бы-**вши**

Глаголъ *быть*—единственный русскій глаголъ, который имѣетъ причастіе будущаго времени.

Въ спряженіи этого глагола видны два корня: *ес* и *бы*. Такіе глаголы, основы которыхъ берутся отъ разныхъ корней, называютъ *неправильными*.

Ознакомившись съ образованіемъ различныхъ формъ глагола и съ спряженіемъ вспомогательнаго глагола, мы можемъ теперь проспрягать любой правильный глаголъ, что и сдѣлаемъ въ слѣдующемъ урокѣ, взявъ для образца глаголъ *бросать*.

УРОКЪ 47-й.

Спряженіе глагола ***бросать***.

Дѣйствительный залогъ.

Видъ несовершонный.	*Видъ совершонный.*
Неопредѣленная форма.	
брос-а-ть	брос-и-ть.
Изъявительное наклоненіе.	
Настоящее время.	
Ед. ч. 1 л. брос-а-ю	
2 л. брос-а-е-шь	
3 л. брос-а-е-тъ	Не имѣетъ.
Мн. ч. 1 л. брос-а-е-мъ	
2 л. брос-а-е-те	
3 л. брос-а-ютъ	

Прошедшее время.

Ед. ч.	1 л. я брос-а-л-ъ, а, о,	я брос-и-л-ъ
	2 л. ты брос-а-л-ъ, а, о	ты брос-и-л-ъ
	3 л. онъ, а, о брос-а-л-ъ, а, о	онъ, а, о брос-и-л-ъ
Мн. ч.	1 л. мы брос-а-л-и	мы брос-и-л-и
	2 л. вы брос-а-л-и	вы брос-и-л-и
	3 л. они, ѣ брос-а-л-и	они, ѣ брос-и-л-и

Будущее время.

Ед. ч.	1 л. буду бросать	брош-у
	2 л. будешь бросать	брос-и-шь
	3 л. будетъ бросать	брос-и-тъ
Мн. ч.	1 л. будемъ бросать	брос-и-мъ
	2 л. будете бросать	брос-и-те
	3 л. будутъ бросать	брос-ятъ

Повелительное наклоненіе.

Настоящее время.

Ед. ч.	1 л. нѣтъ	нѣтъ
	2 л. брос-а-й	брось
	3 л. пусть онъ бросаетъ	пусть онъ броситъ
Мн. ч.	1 л. будемте бросать	брос-и-м-те
	2 л. бросайте	брось-те
	3 л. пусть они, ѣ бросаютъ	пусть они, ѣ бросятъ

Прошедшаго и будущаго времени нѣтъ.

Сослагательное наклоненіе.

Настоящее, прошедшее и будущее время.

Ед. ч.	1 л. я бросалъ, а, о бы	я бросилъ, а, о бы
	2 л. ты бросалъ, а, о бы	ты бросилъ, а, о бы
	3 л. онъ, а, о бросалъ, а, о бы	онъ, а, о бросилъ, а, о бы
Мн. ч.	1 л. мы бросали бы	мы бросили бы
	2 л. вы бросали бы	вы бросили бы
	3 л. они, ѣ бросали бы	они, ѣ бросили бы

Причастія.

Наст. врем.: брос-а-ю-щій, ая, ее	нѣтъ
Прош. врем.: брос-а-в-шій, ая ее	брос-и-в-шій, ая, ее

Дѣепричастія.

Наст. врем.:	брос-а-я	(за-брос-я)
Прош. врем.:	брос-а-в-ъ, брос-а-вши	брос-и-в-ъ, брос-и-в-ши

Страдательный залогъ.

Неопредѣленная форма.

быть бросаему или бросаемымъ — быть брошену или брошеннымъ

Изъявительное наклоненіе.

Настоящее время.

Ед. ч.	1 л.	я брос-а-е-мъ, а, о	я брош-е-нъ, а, о
	2 л.	ты брос-а-е-мъ, а, о	ты брош-е-нъ, а, о
	3 л.	онъ, а, о брос-а-е-мъ, а, о	онъ, а, о брош-е-нъ, а, о
Мн. ч.	1 л.	мы брос-а-е-мы	мы брош-е-ны
	2 л.	вы брос-а-е-мы	вы брош-е-ны
	3 л.	они, ѣ брос-а-е-мы	они, ѣ брош-е-ны

Прошедшее время.

Ед. ч.	1 л.	я былъ, а, о бросаемъ, а, о	я былъ, а, о брошенъ, а, о
	2 л.	ты былъ, а, о бросаемъ, а, о	ты былъ, а, о брошенъ, а, о
	3 л.	онъ, а, о былъ, а, о бросаемъ, а, о	онъ, а, о былъ, а, о брошенъ, а, о
Мн. ч.	1 л.	мы были бросаемы	мы были брошены
	2 л.	вы были бросаемы	вы были брошены
	3 л.	они, ѣ были бросаемы	они, ѣ были брошены

Будущее время.

Ед. ч.	1 л.	я буду бросаемъ, а, о	я буду брошенъ, а, о
	2 л.	ты будешь бросаемъ, а, о	ты будешь брошенъ, а, о
	3 л.	онъ, а, о будетъ бросаемъ, а, о	онъ, а, о будетъ брошенъ, а, о
Мн. ч.	1 л.	мы будемъ бросаемы	мы будемъ брошены
	2 л.	вы будете бросаемы	вы будете брошены
	3 л.	они, ѣ будутъ бросаемы	они, ѣ будутъ брошены

Повелительное наклоненіе.

Ед. ч.	1 л.	нѣтъ	нѣтъ
	2 л.	будь бросаемъ, а, о	будь брошенъ, а, о
	3 л.	пусть онъ, а, о будетъ бросаемъ, а, о	пусть онъ, а, о будетъ брошенъ, а, о
Мн. ч.	1 л.	будемте бросаемы	будемте брошены
	2 л.	будьте бросаемы	будьте брошены
	3 л.	пусть они, ѣ будутъ бросаемы	пусть они, ѣ будутъ брошены

Сослагательное наклоненіе.

Настоящее, прошедшее и будущее время.

Ед. ч.	1 л.	я былъ, а, о бы бросаемъ, а, о	я былъ, а, о бы брошенъ, а, о
	2 л.	ты былъ, а, о бы бросаемъ, а, о	ты былъ, а, о бы брошенъ, а, о
	3 л.	онъ, а, о былъ, а, о бы бросаемъ, а, о	онъ, а, о былъ, а, о бы брошенъ, а, о
Мн. ч.	1 л.	мы были бы бросаемы	мы были бы брошены
	2 л.	вы были бы бросаемы	вы были бы брошены
	3 л.	они, ѣ были бы бросаемы	они, ѣ были бы брошены

Причастія.

Наст. вр.	брос-а-е-мый, ая, ое	нѣтъ
Прош. вр.	брос-а-нный, ая ое	брош-е-нный, нная, нное

Дѣепричастія.

Наст. вр.	будучи бросаемъ, а, о, ы	будучи брошенъ, а, о, ы
Прош. вр.	бывъ бросаемъ, а, о, ы	бывъ брошенъ, а, о, ы.

Какъ видимъ изъ приведеннаго образца, въ страдательномъ залогѣ спрягается собственно вспомогательный глаголъ *быть*, а причастіе присоединяется къ нему, измѣняясь лишь по родамъ и числамъ соотвѣтственно случаю.

Въ настоящемъ времени вспомогательный глаголъ опускается, рѣдко-рѣдко когда онъ оставляется при 3 лицѣ един. и множ. числа.

Во взятомъ для образца глаголѣ *бросать* несовершонный видъ страдательнаго залога имѣетъ два причастія, настоящее и

прошедшее. Спряженіе можно вести съ тѣмъ и другимъ изъ нихъ, смотря по случаю.

Въ приведенномъ примѣрѣ совершонный видъ страдательнаго залога имѣетъ настоящее время, между тѣмъ было сказано, что совершонный видъ не можетъ его имѣть. Это кажущееся противорѣчіе не должно смущать. Если мы отъ этого способа выраженія страдательнаго залога перейдемъ къ третьему способу, дѣло будетъ яснѣе. Въ немъ для несовершоннаго вида мы получимъ: *меня бросаютъ*, *меня бросали*, *меня будутъ бросать*, а для совершоннаго: *меня бросили*, *меня бросятъ*,—настоящаго времени нѣтъ. Отсюда мы вправѣ заключить, что форма *я брошенъ* должна быть выраженіемъ дѣянія оконченнаго прошлаго. Оно такъ и есть. Отличіе *я брошенъ* отъ *я былъ брошенъ* заключается въ томъ, что въ первомъ случаѣ результатъ законченнаго дѣйствія находится на лицо, а во второмъ этой наличности не имѣется. Напримѣръ, *дерево срублено* и *дерево было срублено*,—первое выраженіе имѣетъ тотъ смыслъ, что дерево срубили, фактъ совершился, и оно, можетъ быть, лежитъ тутъ, передъ нами; второе выраженіе означаетъ, что дерево давно срубили и передъ нами его нѣтъ. Форма *я брошенъ* соотвѣтствуетъ латинскому perfectum praesens и её слѣдовало бы помѣстить подъ рубрикой прошедшаго времени, но вслѣдствіе выпущенія вспомогательнаго глагола она, ради симметріи, помѣщена подъ рубрикой настоящаго времени. Точно также: *дверь отворена* (ее отворили и она стоитъ сейчасъ раскрытой), *дверь была отворена* (тогда, а теперь она, можетъ быть, и затворена).

При спряженіи глагола нужно остерегаться перемѣны основъ, т. е. не переходить отъ основы несовершоннаго вида къ основѣ совершоннаго и наоборотъ. Было бы грубой ошибкой, если бы кто, начавъ спряженіе глагола *бросаю* далъ для прошедшаго времени форму *бросилъ* вмѣсто *бросалъ*: онъ смѣшалъ бы виды. Перемѣна вида глагола придаетъ извѣстный оттѣнокъ рѣчи, а иногда мѣняетъ и смыслъ ея, и потому надо пріучить себя крѣпко держаться при спряженіи за данную основу, не сбиваться въ ней.

УРОКЪ 48-й.

Разноспрягаемые, неправильные, архаическіе и безличные глаголы.

Въ русскомъ языкѣ есть немного глаголовъ, которые образуютъ нѣкоторыя свои формы по 1-му спряженію, а нѣкоторыя по 2-му. Такіе глаголы называютъ *разноспрягаемыми*. Къ нимъ принадлежатъ:

1. хот-ѣ-ть: хоч-у, хоч-е-шь, хоч-е-тъ, хот-и-мъ, хот-и-те, хот-ятъ.

2. бѣж-а-ть: бѣг-у, бѣжи-шь, бѣжи-тъ, бѣжи-мъ, бѣжи-те, бѣг-утъ.

3. гуд-ѣ-ть: гуд-у и гуж-у, гуд-е-шь и гуди-шь, гуд-е-тъ и гуди-тъ.... гуд-утъ и гуд-ятъ.

4. слыш-а-ть: слыш-атъ и слыш-утъ.

5. дыш-а-ть: дыш-е-шь и дыши-шь и дыши́-шь, дыш-е-тъ и дыши-тъ и дыши́-тъ, дыш-е-мъ и дыши-мъ и дыши́-мъ.... дыш-утъ и дыш-атъ.

Неправильными глаголами, т. е. нарушающими правило неизмѣняемости глагольныхъ основъ, названы тѣ, которые образуютъ свои формы отъ разныхъ корней и основъ. Ихъ тоже немного. Таковы:

1. быть: настоящ. вр. ес-мь, прош. бы-л-ъ, будущ. бу-д-у.

2. ѣхать: наст. вр. ѣд-у, ѣд-е-шь, ѣд-е-тъ, ѣд-е-мъ, ѣд-е-те, ѣд-утъ; прош. вр. ѣх-а-лъ, ѣх-а-ли.

3. ит-ти: наст. вр. и-д-у, и-д-е-шь, и-д-е-тъ, и-д-е-мъ, и-д-е-те, и-д-утъ; прош. вр. шо-л-ъ, ш-л-и (основа *шед*, которая получилась изъ *ход* чередованіемъ гласнаго *о* съ *е*, вслѣдствіе чего заднеязычный звукъ *х* замѣнился по закону чередованія черезъ *ш*; причастіе: шед-шій).

Архаическими (отъ греческаго ἀρχή—начало), т. е. изначальными, называютъ тѣ немногіе глаголы, у которыхъ сохранились древнѣйшія личныя окончанія. Таковы:

1. ес-мь, е-си, ес-ть, с-уть.
2. ѣ-мъ.
3. да-мъ.
4. вѣс-ть (Богъ вѣсть, т. е. вѣдаетъ).

Безличными глаголами называютъ тѣ глаголы, которые употребляются только въ 3 лицѣ единств. числа, напримѣръ: *свѣтаетъ, морозитъ, тошнитъ, грустится, думается, спится, свѣтало, морозило, стошнитъ, взгрустнется* и т. д.

Названіе безличный не совсѣмъ точно, потому что окончаніе глагола ясно указываетъ на лицо. Лучше было бы назвать ихъ *неопредѣленно-предметными*, потому что при нихъ никакъ нельзя опредѣлить, кто виновникъ состоянія, означеннаго глаголомъ. Русскій языкъ очень любитъ ихъ. Часто вмѣсто личнаго оборота мы употребляемъ безличный: такъ, вмѣсто я думаю, я хочу, я сплю, я грущу, я дремлю и т. п., мы говоримъ: *мнѣ думается, мнѣ хочется, мнѣ спится, мнѣ грустится, мнѣ дремлется* и т. п.

На это явленіе въ языкѣ можно посмотрѣть какъ на отголосокъ давней-давней старины, какъ на пережитокъ вѣрованій первобытнаго человѣка, когда онъ во всѣ предметы видимаго міра вселялъ живыя существа, какихъ-то божковъ (δαιμόνια); когда во всѣхъ явленіяхъ природы онъ видѣлъ проявленіе силы и своенравной воли этихъ существъ. „Смеркается" значило, что какое-то таинственное существо помрачаетъ себя, „свѣтаетъ" значило, что разливаетъ свѣтъ тоже особое существо. Не молнія „зажгла" избу, а молніей избу „зажгло"; „зажгло" оно— таинственное, невидимое и сильное существо, обитающее въ небесахъ. Захотѣло и зажгло. Оно могло бы ее и не зажечь, но для этого человѣкъ долженъ былъ заранѣе умилостивить его жертвой, а онъ не догадался, не спохватился сдѣлать это— изба и сгорѣла.

Подобныя таинственныя существа первобытный человѣкъ вселялъ и въ себя: совершилъ онъ что-нибудь дурное,—въ этомъ, въ сущности, не онъ виноватъ, а попутавшій его лукавый духъ, божокъ (δαιμόνιον), сидящій въ немъ. Грустится человѣку потому, что особое существо наслало на него грусть; не онъ груститъ, а оно производитъ грусть *для него*, оно *ему* грустит*ся*, т. е. захотѣло, заставило грустить въ немъ *себя*. Не я думаю, а оно

насылаетъ думу *для меня, мнѣ* оно думаетъ по *своей волѣ,* т. е. *своевольно,* независимо отъ того, хочу я этого или нѣтъ. Не я дремлю, а особое существо—дрёма во мнѣ дремлетъ, *) дремлетъ исключительно *для меня, мнѣ* она дремле*тся*. Эти существа могутъ направлять свою силу не на одного меня: дрематься, думаться, груститься они могутъ и тебѣ, и ему, и намъ, и вамъ, и имъ—кому-угодно.

УРОКЪ 49-й.

О междометіи.

Терминомъ *междометіе* старинные грамматисты назвали тѣ слова, которыя вбрасываются или *вметываются между* другихъ словъ нашей рѣчи, вметываются невольно, помимо нашего желанія. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы испытываемъ какое-либо сильное ощущеніе или чувство. Такъ, при острой рѣжущей боли человѣкъ невольно издаетъ крикъ: *ой*! при неожиданной радости или испугѣ или удивленіи мы восклицаемъ: *ахъ*! и т. п.

Вотъ подобные возгласы, свидѣтельствующіе только о томъ, что въ данный моментъ нами переживается какое-нибудь чувство или ощущеніе, но самыхъ чувствъ и ощущеній не называющіе, составляютъ особую часть рѣчи—*междометіе.* Къ междометіямъ относятъ и тѣ слова, которыми мы пытаемся передать звуки животныхъ или какіе другіе, воспринятые нашимъ слухомъ, напр.: мяу! бумъ! (пушечный выстрѣлъ) донъ! (ударъ въ колоколъ) и т. п. Поэтому междометія раздѣляются на восклицательныя и звукоподражательныя.

---

*) Ср. дѣтскую пѣсенку:

Сонъ идетъ по сѣнямъ
Дрёма по терему.
Сонъ говоритъ:
„Усыплю да усыплю“.
Дрёма говоритъ:
„Удремлю да удремлю“.
Сонъ да дремá
Моей милой въ головá.

Къ *восклицательнымъ* относятся: а! ахъ! ахти! а? ась? ой! эй! вотъ! вонъ! тьфу! эхъ! и-и! и-и-хи-хи! ухъ! охъ! тсъ! прочь! ура! и т. п.

Къ *звукоподражательнымъ* относятся: бухъ! бацъ! донъ! грохъ! шмякъ! мяу! му-у! гамъ! и т. п.

По образованію междометія бываютъ *первичныя,* какъ-то: ахъ! охъ! эхъ! и пр.; *производныя:* вотъ! вонъ! (отъ мѣстоименій), молчать! хвать-похвать! (отъ глаголовъ); *сложныя:* спаси-бо! ис-пола-ть!

Нѣкоторые учоные раздѣляютъ мнѣніе, что человѣческій языкъ возникъ не сразу, а развился постепенно, что много-много вѣковъ потребовалось на его образованіе, и что междометія, вѣроятно, представляютъ собою древнѣйшую часть нашего словаря,—другими словами, что людской языкъ первоначально состоялъ изъ однихъ междометій или выкриковъ. Въ извѣстныхъ кругахъ, въ людяхъ вѣры, такъ сказать, мнѣніе это можетъ, конечно, сойти за непреложное, но само собой понятно, что за давностью времени ничего точнаго по этому вопросу сказать нельзя. Если мы допустимъ, что была такая пора, когда наши якобы прародители изъяснялись только выкриками, то надо признать и то, что эта порода существъ была еще *нелюдь, звѣрье.* Признавать ее нашими предками болѣе, чѣмъ рискованно. Только тѣ существа мы можемъ назвать своими прародителями, словарь которыхъ былъ подобенъ нашему. Я держусь того взгляда, что *научное* объясненіе *происхожденія языка* человѣку не по силамъ. Этотъ вопросъ, какъ и вопросъ о происхожденіи жизни на землѣ, какъ вопросъ о цѣли нашего существованія и другіе имъ подобные, *для науки* всегда будутъ представлять неразрѣшимую задачу. Рѣшеніе ея возможно только въ области *вѣры:* „рече и быша, повелѣ и создашася“. А какъ создашася? Сразу ли, какъ иногда возникаютъ виды организмовъ, или на это потребовались сотни тысячъ или милліоны лѣтъ, это извѣстно только Животворящему Духу, Преблагому и Всемилостивому, Ему же всегда подобаетъ слава, честь и поклоненіе.

БЕСѢДА 12-я.

О правописаніи.

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю.

Пушкинъ.

Я обѣщалъ въ урокѣ 2-мъ изложить свой взглядъ на правописаніе,—вотъ онъ.

Передать на бумагѣ точь-въ-точь живую устную рѣчь невозможно, во-первыхъ, потому, что нѣкоторыя сопровождающія ее обстоятельства (мимику, жесты, интонацію) мы не можемъ изобразить буквами; во-вторыхъ, потому, что у насъ не для всѣхъ звуковъ имѣются особыя буквы; въ-третьихъ, потому, что у насъ съ давнихъ поръ образовалась привычка писать многія слова не такъ, какъ ихъ произносятъ, а такъ, какъ они когда-то произносились. Поэтому письмо наше въ значительной степени условно и искусственно.

Пиша слово, мы придерживаемся больше завѣтовъ старины, нежели живого говора. А было время, когда наши предки, не искушонные въ книжныхъ хитростяхъ, писали, придерживаясь произношенія. И такъ какъ наша матушка-Русь и въ стародавнее время была довольно обширна, и въ одномъ мѣстѣ говорили *такъ*, а въ другомъ—*по другому*, то и получалось разнообразіе въ написаніи однихъ и тѣхъ же словъ. Одинъ, напримѣръ, писалъ: *моѣ владѣньи,* другой—*мои владѣнья,* но другъ друга понимали, какъ слѣдуетъ, и не попрекали безграмотностью, какъ это нынче дѣлается *).

Но съ ростомъ государства появилась нужда въ наукѣ, „началомъ входа“ въ которую, какъ справедливо полагалъ преподобный Максимъ Грекъ, служитъ грамматика. Составители русскихъ грамматикъ, взявъ изъ неисчерпаемой сокровищницы родного языка нѣкоторыя словесныя формы, признали ихъ образцовыми, вѣрными, другія же—забраковали и охаяли, осудивъ

*) Это несоотвѣтствіе письменной рѣчи съ разговорною существуетъ и у многихъ другихъ народовъ, и даже въ большей степени, чѣмъ у насъ. Напр., у англичанъ графъ Лейчестеръ (Leicester) подписывалъ свою фамилію на восемь ладовъ, а фамилія Mainwaring имѣла 131 начертаніе.

ихъ на изгнанiе изъ литературнаго языка. Теперь всѣ образованные люди пишутъ, придерживаясь грамматическихъ правилъ. И я совѣтую слѣдовать имъ: ставь букву *ѣ* тамъ, гдѣ ее по грамматикѣ слѣдуетъ поставить, не пропускай *ѣ* въ неопредѣленномъ наклоненiи возвратныхъ и взаимныхъ глаголовъ, пиши сравнительную степень черезъ *ѣе* и т. д. Но слѣдуя въ правописанiи *правиламъ* грамматики, все-таки умѣй различать правило и обычай отъ *права*. Это надо для выработки въ себѣ *терпимости* къ инакопишущимъ—драгоцѣннаго качества, служащаго показателемъ образованiя и культурности человѣка.

Можетъ быть, Лада, тебѣ со временемъ самой придется обучать дѣтей грамматикѣ,—будь снисходительна къ ихъ ореографическимъ ошибкамъ, указывай и исправляй ихъ любовно, не подчеркивай ихъ съ ожесточенiемъ дважды и трижды, какъ нынѣ иные дѣлаютъ, не попрекай ими ошибающихся и не подобься гордому фарисею, хвалившемуся, что онъ не таковъ, какъ презрѣнный мытарь. Обращай главное вниманiе на содержанiе написаннаго, а не на ореографiю. Всегда ставь духъ выше буквы—буква мертвитъ; помни, что гонимая форма слова, считаемая грамматистами неправильною, иногда болѣе имѣетъ за собою права, нежели форма, признанная правильною; что она, какъ предразсудокъ, есть „обломокъ давней *правды*". Напримѣръ, именительный падежъ множ. числа именъ прилагательныхъ мужского рода всѣ образованные люди пишутъ, оканчивая на *е*: „красные", „каменные", а люди малограмотные, руководясь больше слухомъ, нежели грамматическимъ правиломъ, оканчиваютъ его на *и*: „красныи", „каменныи". Въ этомъ случаѣ право (но не правило) будетъ на ихъ сторонѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, что родовыя окончанiя прилагательныхъ представляютъ собою не что иное, какъ указательныя мѣстоименiя и, ꙗ, ѥ. Въ множественномъ числѣ ихъ формы были и, ѧ, ꙗ. Поэтому, по праву, надо бы писать „красныи", „каменныи", а не „красные", „каменные"; но такъ повелось, что искусственно введенная форма съ окончанiемъ *е* взяла верхъ надъ формой съ окончанiемъ на *и*. Точно также въ именит. падежѣ именъ прилагательныхъ „прежнiй", „синiй" и т. п. мы теперь пишемъ *iй*, а Ломоносовъ училъ, что тутъ надо писать *ей*: *прежней, синей* и т. п. Ломоносову, привыкшему къ говору архангельской губернiи, казалось, что форма на *ей* лучше другихъ. И онъ былъ правъ съ своей точки зрѣнiя. Но правы и мы,

пиша *ій* въ этомъ падежѣ, какъ онъ выговаривается въ московскомъ говорѣ. Въ литературномъ языкѣ форма нашего говора вытѣснила ломоносовскую. Современники Ломоносова писали сравнительную степень черезъ *ле:* „скоряе", „вѣрняе", мы пишемъ ее черезъ *ѣе:* „скорѣе", „вѣрнѣе". Мы отрицаніе *не* пишемъ отдѣльно отъ глаголовъ, а такой выдающійся знатокъ русскаго языка, какъ покойный профессоръ Потебня, сливалъ эту частицу съ глаголомъ: „неотвѣчаетъ", „неизмѣняется", „непротиворѣчитъ", „неможетъ" и пр. Въ воспоминаніяхъ, не помню чьихъ, о Лермонтовѣ разсказывается, что когда редакторъ журнала указалъ Лермонтову на ошибку въ падежѣ въ стихахъ:

„Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово,

то поэтъ хотѣлъ было исправить ее (поставить „пламени" вмѣсто „пламя"), но послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ измѣнить стихъ положилъ перо и просилъ редактора напечатать этотъ стихъ такъ, какъ онъ написанъ. Такъ и напечатали, такъ и до сихъ поръ печатаютъ.

Наше правописаніе можно сравнить съ модами на платье. Въ одно время носятъ опредѣленный покрой одежды, въ другое—иной; одинъ ходитъ въ модномъ платьѣ, другой въ старомодномъ, да еще дырявомъ. Того и другого встрѣчаютъ по платью, а провожаютъ по уму. Такъ и съ правописаніемъ. Попадаются люди, которымъ оно почему-либо не далось, тѣмъ не менѣе письменная рѣчь ихъ всегда богата содержаніемъ и отличается яркостью слога. Такія лица, какъ Петръ Великій, поэтъ Кольцовъ, писали очень неправильно, т. е. несогласно съ грамматическими правилами. По нынѣшнимъ временамъ грозному царю изъ-за его орѳографіи, пожалуй, ни за что бы не окончить курса въ гимназіи. Но тотъ же Петръ нисколько не задумался бы дать надлежащій урокъ грамматисту, если бы послѣдній невѣрно понялъ его орѳографически-безграмотное письмо или приказъ.

Я считаю, что бѣда не большая, напишетъ ли кто „время" черезъ *ѣ* или „сѣмя" черезъ *е*, а „счастье" черезъ *щ*. Это—ошибки мелочныя. Толковый и разсудительный человѣкъ, а тѣмъ болѣе

образованный не долженъ придавать имъ значенія; онъ *обязанъ* вѣрно понять не только орѳографически невѣрно написанную, но и малограмотно написанную рѣчь. Мы ужъ слишкомъ много придаемъ значенія орѳографическимъ ошибкамъ и подчасъ становимся безжалостны и безпощадны къ дѣтямъ, настойчиво добиваясь отъ нихъ безукоризненной орѳографіи. Эта настойчивость задерживаетъ, какъ я замѣчалъ, развитіе ребенка, находящагося не въ ладахъ съ орѳографіей, такъ что комаръ нами оцѣживается, а верблюдъ поглощается. Между тѣмъ съ возрастомъ на такихъ дѣтей иногда какъ-то само собою находитъ орѳографическое озареніе, и они начинаютъ писать въ согласіи съ грамматикой. Сейчасъ дѣти находятся точно въ крѣпостной зависимости у буквы *ѣ*, ни на шагъ *впередъ отъ нея* уйти имъ нельзя. Глядя на ихъ печальное положеніе въ этомъ отношеніи, всегда вспоминаешь Пушкина:

„Увижу ли, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя“.

Вѣрую и исповѣдую, что орѳографическій натискъ на дѣтей, подобно натиску германцевъ на насъ, пройдетъ и уступитъ свое мѣсто болѣе мирному и разумному отношенію къ орѳографіи, прототипомъ котораго служитъ совѣтъ апостола: „неядый ядущаго да не укоряетъ и ядый неядущаго да не осуждаетъ“.

Такъ я смотрю, такъ совѣтую и тебѣ смотрѣть на правописаніе.

Слава Тебѣ, Бже нашъ,
слава Тебѣ всяческихъ ради.

Людямъ болѣе меня знающимъ и могущимъ.

(Послѣсловіе къ „Ладиной Грамматикѣ").

Πάταξον μὲν, ἄκουσον δέ.

Мудрые и почтенные мужи! Перелистовавъ эту книжку, не спѣшите произносить сакральную формулу: procul, o procul este, profani, totoque absistite luco.. Вы ошибетесь, если сочтете книжку *только* учебной: умыселъ автора нѣсколько иной.

Авторъ—не педагогъ и не филологъ, онъ простой обыватель, въ семьѣ котораго вотъ уже четверть вѣка не переводятся гимназисты (это тоже кое-чему научаетъ). Волей-неволей ему приходилось и по сей часъ приходится принимать участіе въ ихъ школьныхъ интересахъ, наблюдать и переживать то, чего не видятъ или не хотятъ видѣть люди, власть имущіе: домашней му́ки дѣтей и ихъ родителей надъ приготовленіемъ уроковъ. Многолѣтній опытъ даетъ автору основаніе сказать, что вся тяжесть обученія дѣтей въ младшихъ классахъ гимназіи лежитъ на семьѣ: въ гимназіи дѣтей только спрашиваютъ, провѣряютъ ихъ познанія и ставятъ отмѣтки, обучаетъ же дѣтей семья съ помощью репетиторовъ или собственными силами. Автору многажды приходилось наблюдать, что му́ка съ уроками происходитъ не только отъ несоразмѣрнаго, подчасъ безцѣльнаго, заданія ихъ, но и отъ неудачно выбранныхъ учебниковъ, въ которыхъ порой сообщаются превратныя свѣдѣнія о вещахъ и въ которыхъ ученики не всегда находятъ отвѣтъ на свои простые и, такъ сказать, законные вопросы и недоумѣнія.

Многимъ изъ васъ, особенно спеціалистамъ, конечно, можетъ показаться страннымъ—пожалуй, даже дерзкимъ,—какъ это человѣкъ, непричастный никакой спеціальности, рѣшился нарушить апостольскій наказъ (*Іаков. III,₁*) и напечатать учебную книжку. На это авторъ можетъ отвѣтить въ свое оправданіе, что что́ же ему оставалось дѣлать, если педагоги не смогли до сихъ поръ дать того, въ чемъ ему встрѣтилась нужда. Онъ прибѣгъ къ самопомощи, со-

ставляя эту книжку—только. Поводомъ къ ея составленію послужилъ слѣдующій (думается, не единичный въ этомъ родѣ) случай. Гимназистъ второго класса, очень плохо преуспѣвающій, съ школьной точки зрѣнія, въ родномъ ему русскомъ языкѣ, на которомъ онъ изъясняется совершенно свободно, задалъ автору вопросъ: „почему падежи названы падежами"? Авторъ, откровенно сказать, не сразу понялъ, въ чемъ дѣло. Оказалось, мальчику захотѣлось узнать, что и откуда тутъ падаетъ. На это авторъ не могъ дать отвѣта. Сталъ онъ искать его въ разныхъ руководствахъ, но ни въ одномъ изъ накопившейся горы учебниковъ по древнимъ и новымъ языкамъ не нашолъ и не находитъ и намека на отвѣтъ. Обратился къ педагогамъ—результатъ получился тотъ же. Пришлось задуматься надъ грамматической терминологіей и признать, что въ этой области у насъ „неблагополучно". Какъ, бывало, автора дьячокъ Иванъ Иванычъ (царство ему небесное!), такъ нынѣ нашихъ дѣтей люди съ высшимъ образованіемъ (дай имъ Богъ здоровья!) заставляютъ, какъ попугаевъ, затверживать слова, а смысла ихъ не раскрываютъ и раскрыть не могутъ; учатъ тому, что имъ самимъ не ясно, чего сами они не осмыслили. А вѣдь у иного школяра и въ умѣ-то захлестываетъ только потому, что онъ никакъ не можетъ осмыслить и уяснить себѣ какого-нибудь варварскаго термина вродѣ падежа или залога. Межъ тѣмъ было время, когда наставники, знакомя учениковъ съ терминомъ, указывали и основаніе, почему для термина взято именно это, а не другое слово. Нынѣ этотъ похвальный обычай почему-то не примѣняется составителями учебниковъ.

Чтобы посильно помочь этой нуждѣ, авторъ и составилъ, какъ сумѣлъ, эту книжку по разнымъ источникамъ. Ссылокъ на нихъ онъ однако не приводитъ, потому что считаетъ это дѣломъ легкимъ и пустымъ. Людямъ знающимъ онѣ не нужны, а для незнающихъ онѣ лишняя мша, мѣшающая чтенію.

Теперь настало время, когда не одни учащіеся нуждаются въ учебникахъ, въ нихъ нуждаются и родители, сама семья (хорошіе репетиторы рѣдки и дороги, плохихъ не стоитъ брать). Къ родителямъ прежде всего обращается мелкота съ своими затрудненіями, поэтому родителямъ нужны книги, которыя помогли бы имъ облегчать затрудненія ребенка. На свой трудъ авторъ смотритъ и васъ, людей знанія, проситъ смотрѣть не только какъ на учебникъ, составленный имъ для своей дочери. Если бы это было *только такъ*, „Ладина Грамматика" не вышла бы изъ стѣнъ его дома. Нѣтъ, лучше взгляните на его книжку какъ на запросъ, какъ на вызовъ

(не пугайтесь слова: оно берется въ самомъ мирномъ значенiи), обращонный къ вамъ отъ русскихъ отцовъ и матерей: угадайте по ней, какой и въ какихъ тонахъ надо написать учебникъ грамматики родного языка для русской православной семьи и напишите его. Мы, родители, особенно матери, какъ ближе всѣхъ стоящiя къ дѣтямъ, очень нуждаемся въ немъ.

Авторъ не оговорился, сказавъ „православной". За послѣднiе годы появились написанные нѣкоторыми изъ васъ для нашихъ дѣтей учебники, со страницъ которыхъ въ дѣтскiя души сочится „лютое озлобленiе" противъ того, что мы привыкли любить и чтить. Такихъ учебниковъ не пишите. Прежнихъ же грамматикъ намъ мало, онѣ насъ уже не удовлетворяютъ: жизнь и сами дѣти требуютъ отъ насъ бо́льшаго, нежели безукоризненное употребленiе буквы *ѣ* и запятыхъ. Вамъ много дано, вы больше можете,—помогите намъ.

Нужно ли прибавлять, что авторъ не считаетъ своего труда безупречнымъ, что онъ во всякiй моментъ готовъ отречься отъ грамматическихъ и иныхъ ересей, если впалъ въ таковыя? Будучи самоучкой, идя гдѣ напрямки, гдѣ въ обходъ, авторъ, конечно, легко могъ сбиться съ вѣрнаго пути, хотя онъ всячески старался не дѣлать этого. Компасомъ ему при его трудѣ служила истина, какъ онъ ее понималъ (авторъ придерживается правила: *τἀληθῆ οὐ τὰ δόξαντα ζητετέον*), и если гдѣ онъ проложилъ слѣды не въ должномъ направленiи, то это сдѣлано не съ злостнымъ намѣренiемъ, не въ цѣляхъ какотехнiи, а по неосвѣдомленности съ девiацiей компаса.

Позвольте закончить стариной. „Гдѣ буду помялъся оумомь, исправивше чтiте, а мене не клените и благословите, и васъ Богъ проститъ и благословитъ".

Νῦν *πάταξον*.

Авторъ „Ладиной Грамматики".

(Мих. Лопаткинъ)

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Слова, въ корнѣ которыхъ пишется буква Ѣ.

Б.

Бѣгъ
Бѣда
Бѣлый
Бѣсъ

В.

Вѣдать (вѣс-ть, со-вѣс-ть, вѣд-ьма, не-вѣж-а, не-вѣс-та, с-вѣд-ѣніе)
Вѣжа
Вѣко (вѣжды)
Вѣкъ
Вѣна
Вѣно
Вѣнецъ (вѣнокъ, вѣникъ)
Вѣра
Вѣсъ (вѣш-ать)
Вѣт (производныя этого корня: от-вѣтъ, вѣщ-ать, вѣщ-ій, об-ѣтъ [вм. об-вѣтъ], вѣче)
Вѣха
Вѣять (вѣеръ, вѣтеръ, вѣтвь)
Звѣзда
Звѣрь
Свѣжій
Свѣтъ
Цвѣтъ
Человѣкъ

Д.

Дѣва
Дѣдъ
Дѣлить
Дѣть (одѣть, одѣяло [но: одежда], дѣвать, раздѣвать)
Дѣ-ять (на-дѣяться [но: надежда], дѣйствіе, дѣло, недѣля)
Дѣти.

З.

Зѣвать
Зѣло
Зѣница

Л.

Лѣвый
Лѣзть (лѣстница)
Лѣкарь (лѣчить)
Лѣнь
Лѣпить (лѣпый, лѣпной)

Лѣсъ (лѣшій)
Лѣто
Лѣха́
Блѣдный
Глѣбъ
Желѣзо
Калѣка
Клѣть
Колѣно
Лелѣять
Млѣть
Плѣнъ
Плѣсень
Плѣшь
Полѣно
Слѣдъ
Слѣпой
Телѣга
Тлѣнъ
Хлѣбъ
Хлѣвъ

М.

Мѣдь
Мѣлъ
Мѣна
Мѣра
Мѣсить
Мѣсто (мѣщанинъ, помѣщикъ)
Мѣсяцъ
Мѣта (мѣтить, мѣткій, но: метать, мечу, предметъ)
Мѣхъ (мѣшокъ, мѣшкать, мѣшать, помѣха)
Змѣй, змѣя
Смѣхъ (смѣяться).

Н.

Нѣ (нѣ-кто, нѣ-что, нѣ-когда и пр.)
Нѣга
Нѣдро
Нѣманъ
Нѣмой (нѣмецъ)
Нѣтъ (отнѣкиваться)
Гнѣвъ
Гнѣдой
Гнѣздо
Гнѣтить (вздувать огонь), загнѣта (горнушка)
Днѣпръ
Днѣстръ
Печенѣгъ
Рогнѣда
Снѣгъ

П.

Пѣгій
Пѣна
Пѣнязь
Пѣстунъ (пѣстовать)
Пѣть (пѣтухъ, пѣсня)
Пѣхота (пѣшій)
Спѣть (успѣхъ, доспѣхъ, спѣшить).

Р.

Рѣдкій
Рѣдька
Рѣзать (рѣзкій, рѣзвый)
Рѣка
Рѣпа
Рѣсница

Рѣт (производныя этого корня: встрѣчать, обрѣтать, Срѣтеніе)
Рѣчь (нарѣчіе, но: реку, изречь, изреченіе)
Рѣшить (прорѣха, рѣшето)
Рѣять
Грѣхъ
Зрѣть (зрѣлый)
Крѣпкій
Орѣхъ
Прѣсный
Прѣть (прѣлый, прѣніе, но: преніе=споръ)
Свирѣпый
Стрѣла
Стрѣха
Хрѣнъ.

С.

Сѣверъ
Сѣдой
Сѣдло (сѣсть, бесѣда, но: село, поселянинъ)
Сѣкира (сѣку, сѣчь, пасѣка)
Сѣмя (сѣять)
Сѣно
Сѣнь (сѣни, осѣнять)
Сѣра
Сѣрый
Сѣтовать (посѣтить)
Сѣть

Т.

Тѣло
Тѣнь (стѣна)
Тѣсный
Тѣсто
Тѣшить (утѣха)
Затѣять (затѣя)

Х.

Хѣръ (хѣрить)

Ц.

Цѣвка (цѣвница)
Цѣдить
Цѣлый (цѣловать, цѣли́ть)
Цѣль (цѣлить)
Цѣна
Цѣпъ (цѣпенѣть)
Цѣпь (цѣплять)

Ѣ.

Ѣду, ѣхать, ѣздить
Ѣда, ѣсть, об-ѣдъ.

Въ словахъ, производныхъ отъ этихъ, также пишется буква ѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Бесѣда 1-я. О Духѣ 5
Бесѣда 2-я. О душѣ. 9
Бесѣда 3-я. О наукѣ 11
Урокъ 1-й. О грамматикѣ. 14
Урокъ 2-й. Содержаніе грамматики и раздѣленіе ея на части 16
Бесѣда 4-я. О мышцахъ 17
Бесѣда 5-я. О терминахъ 20

Ученіе о звукахъ или фонетика.

Урокъ 3-й. Звуки и буквы 22
Бесѣда 6-я. О языкѣ животныхъ 24
Бесѣда 7-я. Гдѣ и какъ звуки голоса образуются 27
Урокъ 4-й. О раздѣленіи звуковъ на гласные и согласные. Раздѣленіе гласныхъ звуковъ 30
Урокъ 5-й. О раздѣленіи согласныхъ звуковъ 33
Урокъ 6-й. О раздѣленіи согласныхъ звуковъ (продолженіе) 35
Бесѣда 8-я. О законахъ природы 38
Бесѣда 9-я. Немножко „старины глубокой“ 40
Урокъ 7-й. Законы гласныхъ звуковъ 42
Урокъ 8-й. Законы гласныхъ звуковъ (продолженіе) . . . 45
Урокъ 9-й. Законы согласныхъ звуковъ 48
Урокъ 10-й. Законы согласныхъ звуковъ (продолженіе) . . 50
Урокъ 11-й. Прихоти или капризы языка 51

Ученіе о словахъ или морфологія.

Урокъ 12-й. О частяхъ рѣчи и о составныхъ частяхъ словъ. 55
Урокъ 13-й. Имя существительное 57

Стр.

Урокъ 14-й. О родахъ и числахъ именъ существительныхъ. 60
Урокъ 15-й. О склоненіи и падежахъ именъ существительныхъ 63
Урокъ 16-й. Склоненіе именъ существительныхъ мужского рода 67
Урокъ 17-й. Склоненіе именъ существительныхъ мужского рода (продолженіе) 70
Урокъ 18-й. Склоненіе именъ существительныхъ женскаго рода 73
Урокъ 19-й. Склоненіе именъ существительныхъ средняго рода 75
Урокъ 20-й. Склоненіе словъ: Господь, путь, дитя. О именахъ безъ единственнаго числа и о заимствованныхъ именахъ 79
Урокъ 21-й. О переносѣ ударенія въ словахъ при склоненіи 81
Урокъ 22-й. О строеніи или образованіи именъ существительныхъ 83
Урокъ 23-й. О мѣстоименіи 87
Урокъ 24-й. О склоненіи мѣстоименій 90
Урокъ 25-й. Продолженіе 24-го урока 95
Урокъ 26-й. О строеніи и образованіи мѣстоименій . . . 100
Урокъ 27-й. Имя прилагательное 101
Урокъ 28-й. Склоненіе именъ прилагательныхъ 104
Урокъ 29-й. Склоненіе именъ прилагательныхъ (продолженіе) 108
Урокъ 30-й. О степеняхъ сравненія 111
Урокъ 31-й. Объ образованіи именъ прилагательныхъ . . 114
Бесѣда 10-я. Существительныя, означающія качество, и прилагательныя качественныя 115
Урокъ 32-й. Имя числительное 117
Урокъ 33-й. Имя числительное (продолженіе) 122
Урокъ 34-й. О нарѣчіи 126
Урокъ 35-й. О предлогѣ 128
Урокъ 36-й. О союзѣ 130
Урокъ 37-й. О глаголѣ 132
Бесѣда 11-я. О смыслѣ личныхъ окончаній 134
Урокъ 38-й. О глаголѣ (продолженіе) 136

Стр.
Урокъ 39-й. О глаголѣ. Залоги глагола 139
Урокъ 40-й. Спряженіе глагола, образованіе его формъ . 144
Урокъ 41-й. Образованіе временъ 146
Урокъ 42-й. Образованіе наклоненій 149
Урокъ 43-й. Образованіе видовъ глагола 151
Урокъ 44-й. Образованіе залоговъ 154
Урокъ 45-й. Образованіе причастій и дѣепричастій . . . 156
Урокъ 46-й. Спряженіе вспомогательнаго глагола *быть* . 160
Урокъ 47-й. Спряженіе глагола *бросать* 162
Урокъ 48-й. Разноспрягаемые, неправильные, архаическіе и безличные глаголы 166
Урокъ 49-й. О междометіи 168
Бесѣда 12-я. О правописаніи 170
Послѣсловіе. Людямъ болѣе меня знающимъ и могущимъ . 174

Исправленія и опечатки.

Стран.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
9	2 св.	**Душѣ**	**душѣ**
19	17 сн.	нога и ноженька	„нога“ и „ноженька“
28	16 „	ротъ	ротъ,
29	8 „	ибо	ибо,
30	2 „	и звукъ,	и щ—звукъ,
31	2 „	ы	ы,
41	20 св.	Первые	Знаки первыхъ
46	13 „	бьратн, Ѹмьру,	бьрати, оумьрѫ,
47	8 „	заба*в*ить	—заба*в*ить
„	9 сн.	прі*ят*ный,	пріятный,
48	16 „	слоуга	слоуга,
53	4 св.	передъ *н*	передъ *н* и *л*
69	18 сн.	чертъ	чортъ
74	20 св.	Предл. пад.	Дат. и предл. пад.
„	15 сн.	окончаніе **ей**	окончаніе **ей** и **й**
„	14 „	рохлей,	рохлей;
„	12 „	букву **ь**	букву **і** и **ь**
„	10 „	мо́лоній	мо́лоній, акація—акацій
78	8 „	на *мя*	на *мя*,
81	2 св.	собою	собою,
84	16 „	группаммъ	группамъ
86	3 сн.	тебя	тебя,
99	15 „	Т,	Т.
„	„ „	(нѣкоимъ	(нѣкоимъ)
100	4 „	о-но;	он-о;
108	15 св.	ново+кмоу	нову+кмоу
115	4 сн.	радостный	радостный,
118	19 „	пятидесятый	пятидесятый,
121	2 „	*шестеро*	*шестеро*,
127	7 св.	не*у*- -же-ли	не-*у*-же-ли
„	9 „	глаголовъ	глаголовъ,
136	2 „	**шн,**	**ши,**
„	8 сн.	древнецерковно	древне-церковно
138	15 св.	сказать	сказать
141	10 „	души	души,
„	18 „	*люомэ*	*лиомэ*
145	10 „	замѣтить	замѣтить,
„	17 „	мок-чи	мог-чи
152	11 „	*однократнымь*	*однократнымъ*
157	14 сн.	хвал-*е*-нnный	хвал-*е*-нный
„	„ „	хвал-*е*-нъ—	хвал-*е*-нъ,
158	12 „	формъ	окончаній
„	„ „	онѣ	формы ихъ
„	8 „	**нный,**	**нный**
168	20 „	радости или испугѣ	радости, или испугѣ,
„	8 „	по сѣнямъ	по сѣнямъ,
172	15 св.	слово,	слово“,
173	12 сн.	Увижу ли	Увижу ль я
„	„ „	неугнетенный	неугнетенной
176	4 св.	семьи	семьи,

Цѣна 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ Книжномъ Магазинѣ
В. Ф. МАРКЕЛОВА и В. А. ШАРОНОВА
Казань, Воскресенск. ул., д. Губ. Земства.